Лоис Макмастер

Буджолд

ЦВЕТЫ ФОРКОСИГАН-ВАШНУЯ

Цветы Форкосиган-Вашнуя
Лоис Макмастер Буджолд

Аннотация
Лоис Буджолд. Цветы Форкосиган-Вашнуя
Цветы Форкосиган-Вашнуя
Плетельщица снов
Приключение дамы на набережной
Рассказы
  Провалиться нам на этом месте
  Распродажа
  Бартер

Аннотация

В наследство от деда Майлз Форкосиган получает тысячи километров отравленной радиацией земли. Что прикажете делать с этой обузой?

В новой повести о семействе Форкосиганов Катриона в очередной раз проявляет свойственные ей упорство и настойчивость, защищая свои идеалы и честь семьи!

Остальные произведения сборника, не связанные с барраярским циклом, откроют читателю совершенно новую Лоис Буджолд, виртуозно владеющую различными литературными жанрами и формами.

Лоис Буджолд
Цветы Форкосиган-Вашнуя

Lois McMaster Bujold
The Flowers of Vashnoi
Dreamweaver's Dilemma

© Lois McMaster Bujold, 1995, 2018
© Перевод. Т. Черезова, 2019
© Перевод. В. Миловидов, 2021
© Перевод. А. Новиков, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Цветы Форкосиган-Вашнуя

Грузовой флайер, делая разворот, чуть накренился. Вадим Самми, смотритель зоны, не отвлекаясь от управления, постучал пальцем по стеклу иллюминатора, показал куда-то вниз и сказал:

— Пролетаем над границей зоны отчуждения, леди Форкосиган. Гляньте!

Катриона присмотрелась. Позади, на расстоянии нескольких километров, остались чисто убранные поля и разбросанные то тут, то там фермы. Теперь же под флайером простирался бурый ровный ковер родной, барраярской растительности вперемешку с островками зеленых растений, завезенных с Земли, — деревьями и кустами, сквозь которые временами посверкивал неширокий ручей, извивавшийся по лугам да заболоченным полянам.

— Как мы узнаем об этом? — спросила она пилота.

Ее муж, Майлз, который тихо сидел в течение всего получасового полета от столицы Округа, Хассадара, наклонился над спинкой ее кресла.

— Там предупреждающие таблички. На столбах и деревьях, каждые десять метров, по всему периметру зоны, все двести километров. В служебные обязанности смотрителя, кстати, входит ежегодный обход периметра с замером радиации. И восстановление табличек — если те вдруг упадут или испортятся.

— Каждый год мы перевешиваем их на несколько метров в глубь зоны, — сказал Вадим. — А это кое-что да значит.

— И что, эти таблички препятствуют проникновению людей в зону? — спросил Энрике Боргос, сидевший рядом с Майлзом.

Катриона с сочувствием посмотрела на ученого, экспатрианта с Эскобара.

— Тут вот в чем фокус, — объяснила она терпеливо. — Когда не видишь реальной опасности, она мерещится тебе отовсюду. Воображение рисует яды там, где их нет и в помине.

Энрике, почесав кончик носа, кивнул.

— Но я бы все равно предпочел иметь счетчик радиации, — сказал он.

Майлз пожал плечами.

— Таблички десятилетиями справляются со своими обязанностями. Ну, по крайней мере старики знают, что это такое. А вот молодежь…

Он моргнул и, задумчиво посмотрев вниз, закончил:

— Мы собираемся строить стену. Прогресс, так сказать…

— Но, если Энрике удастся реализовать свой проект, стена не понадобится, — сказала Катрин.

Майлз вздохнул:

— Наверное…

И, спустя мгновение, воскликнул:

— Вадим! Поднимись повыше и сделай разворот над городом. Мне кажется, Катриона так близко его еще не видела.

Вот именно! Несмотря на то что Катриона прямо участвовала в проекте Энрике и фактически все свое время проводила в хассадарской лаборатории, в зоне, где шел эксперимент, она еще не была. Майлз явно лицемерил, убеждая ее, что заботится только о ее безопасности; она же его вышучивала. Впрочем, этот пунктик они уже прошли. А проблему детей они решили успешно и были в этом единодушны: дети оставались в Хассадаре с няней, в высшей степени квалифицированной.

— Выполняю, лорд Форкосиган! — отозвался Вадим, и флайер пошел вверх.

Катриона изучающе смотрела на Вадима. Тот

уже несколько недель работал с Энрике в поле, но она до сих пор не встречалась со смотрителем. Стройный, чуть выше среднего роста, чисто выбритый и аккуратно постриженный. Лет — чуть меньше тридцати. Лицо его было словно вырублено из камня, сплошные углы и жесткие поверхности, но карие глаза таили тепло, а еще в них крылось легкое беспокойство, вызванное присутствием лорда и леди Форкосиган. Как понимала Катриона, смотрителем он служил уже лет десять. Как растолковать ему, что своей преданностью Округу Форкосиган он давно заслужил уважение своего начальства и в этом смысле ему не стоит ни о чем беспокоиться. Впрочем, Майлз до конца дня и сам ему все объяснит — в этом сомнений быть не могло.

Под ними проплыла длинная гряда холмов, тянущихся с северо-востока на юго-запад, и наконец их глазам открылся город Форкосиган-Вашнуй. Катриона смогла определить его контуры лишь по изгибу реки, делившей город напополам, да по вздыбившимся над морем растительности холмам — это были руины зданий, поросшие теперь бурыми кустами, плотно переплетенными плющом и лианами.

— Мне было, я думаю, лет десять, когда мой

дед, граф Петер, показал мне это место с воздуха, — вспоминал Майлз, глядя через стекло иллюминатора вниз. *Двадцать пять лет назад*, подсчитала про себя Катриона.

— Повсюду были эти большие полосы спекшейся стекловидной массы, которые, как утверждали очевидцы, светились по ночам голубым, — продолжал Майлз. — Хотя, возможно, это всего-навсего байки. Потом все это заросло кустарником, было засыпано пожухлой листвой. Ничего не осталось.

Катриона присмотрелась к простиравшейся внизу поверхности — там ничего не светилось, разве что блики на воде. К тому же, что особенного разглядишь в дневном свете?

— Большой был город? — спросил Энрике, приложив ладонь к поверхности иллюминатора. В этом мире ученый чувствовал себя новичком.

— Население — чуть больше четверти миллиона, — произнес Вадим тоном экскурсовода, которым ему, как поняла Катриона, частенько приходилось бывать, когда он сопровождал визитеров. — И это немало, тем более что не так давно закончился Период Изоляции.

— Немало и по современным стандартам, — добавил Майлз. — Около двухсот тысяч погибло в

первые мгновения после атомной атаки Цетаганды. Еще пятьдесят тысяч — в последующие недели и месяцы, хотя я не думаю, что кто-нибудь специально подсчитывал жертвы и заботился о точности сводок.

Да, катастрофа постигла их восемьдесят лет назад. Были еще войны, но именно нападение Цетаганды вошло в сознание барраярцев как Большая война, как величайшее испытание, которое пришлось вынести Империи.

— Там осталась вся семья моего деда, — продолжал Майлз. — Оба родителя, все братья, кому удалось выжить, куча кузенов и кузин. По сути, это был наш Военный совет, почти в полном составе. К ним должен был присоединиться Принц Ури, но на севере шли бои, и он не мог оставить армию. Хотя историки не считают, что цетагандийская гем-хунта метила исключительно в него. Им нужно было убить нас всех.

Криво усмехнувшись, лорд Форкосиган закончил:

— И, я думаю, они были по-своему правы.

Что и доказала красноречиво вся последующая история героических деяний генерала графа Петера Форкосигана. Катриона даже не знала, радоваться ей или жалеть, что она встретила

Майлза уже после того, как эта легендарная личность завершила свое существование.

— Отец говорил, что никогда не видел, чтобы бабушка устраивала мемориальный костер в честь погибших членов нашей семьи, — задумчиво продолжал Майлз. — Я, кстати, тоже. Как-то, когда мне было десять лет и любопытство меня просто распирало, я спросил отца, отчего это так. И он ответил…

Майлз сделал паузу, показал на плывущие под днищем флайера заросли и произнес:

— Ответил, что здесь и так было достаточно огня.

Вадим, горько усмехнувшись, кивнул. А интересно, подумала Катриона, были ли у смотрителя предки, сгоревшие на этом атомном костре? И какие истории рассказывали мальчишке в его десять лет? Он ведь делает работу, на которую не так уж много претендентов.

Майлз, выждав паузу, заговорил вновь — все привыкли к его паузам.

— Так или иначе, — сказал он, — после того как война закончилась и мы вышвырнули врага с этой планеты, мой дед вступил во владение всей зараженной зоной. Как графу, ему по закону принадлежали общественные здания в Хассадаре,

а также имение Форкосиган в Форбарр-Султане. Но здесь земля стала его личной собственностью, хотя до катастрофы он не имел к ней никакого отношения и не мог ее ни от кого унаследовать. Я думаю, он просто выкупил эти места у кого-то из владельцев, переживших катастрофу. Тогда это выглядело как акт благотворительности по отношению к пострадавшим, причем, делая это, дед ни в чем не унизил их достоинства. Когда же старик умер, вся эта зона по его завещанию перешла ко мне. Мне было всего семнадцать, и я немного комплексовал по поводу…

Он сделал неопределенный жест, как бы обводя контуры своего тела — сутулый коротышка меньше пяти футов ростом.

— …по поводу своей внешности. Подарком считать это было нельзя, тем более никто и не предполагал, что зона вновь станет обитаемой в течение жизни моего отца. Но, чем старше я становлюсь, тем меньше мне понятно, о чем я тогда действительно думал.

Что до Катрионы, то ей это было тем более непонятно. Но вряд ли старик был настолько слеп, чтобы не видеть, как в его травмированном единственном внуке развивается мощный интеллект. И большое, доброе сердце. *Сияющее*, как

определил кто-то, рассказывая о лорде Майлзе Форкосигане. *Может быть, повинуясь голосу своей любви, Петер решил передать свои израненные земли в руки того, кто, как он думал, сможет вдохнуть в них жизнь? Может, он просто отдал должное твоим способностям?* А, может быть, она просто-напросто самым глупым образом влюблена в него и не способна к трезвому суждению — даже после четырех лет замужества! Катриона улыбнулась и посмотрела на ленту реки, несущей свои воды на восток.

Река, извиваясь среди буйной растительности, уносила к морю все новые и новые порции радиации. К востоку от Округа Форкосиган, в соседних областях, до самой дельты, воду из реки пить было нельзя. *А, может быть, так будет не всегда? Возможно, нынешнее поколение Форкосиганов сможет что-то сделать?* Катриона выпрямилась и пристально посмотрела вперед. Флайер вновь пошел вниз и, совершив вираж, перевалил через гряду холмов, которые в союзе с розой ветров когда-то спасли земли, находящиеся к западу, от радиоактивного заражения и гибели.

— Какого черта?

Майлз, вытянув шею, вгляделся в простиравшийся под ними ландшафт и нахмурился.

— Вадим! Что там такое?

Смотритель посмотрел вниз.

— Мусор, как я полагаю, лорд Форкосиган.

Катриона проследила за их взглядами. Флайер опустился еще ниже.

— Мне это уже не нравится, — сказал Майлз. — Возможно, все-таки придется ставить ограду. Хотя для флайера забор не помеха.

— Я не думаю, что там кто-то приземляется, — покачал головой Вадим. — Они могут просто сбрасывать мусор из грузового люка. Или через пассажирский люк, если это обычный транспорт, не грузовой.

— Да, отсюда и разброс, — проговорил Майлз. — Надеюсь, особого вреда это не нанесет. Хотя и мириться с этим нельзя.

— Оскорбление величества? — улыбнулась Катриона, которую несколько позабавила реакция мужа.

— Скорее надругательство над могилами.

Катриона, согласно кивнув, опустила глаза.

Через несколько мгновений флайер скользнул вниз и приземлился на краю луга, граничащего с лесным массивом. Пассажиры принялись натягивать защитные костюмы. Поверх своей обычной одежды Майлз и Катриона надели одноразовые

комбинезоны, Энрике и Вадим — рабочие защитные костюмы. Гибкие резиновые бахилы и лабораторные перчатки довершали облик членов экспедиции. Майлз не без волнения смотрел, как Катриона натягивает шлем и застегивает маску — простой полуцилиндр из прозрачного пластика с фильтрующим механизмом. Она, улыбаясь с ехидцей, посмотрела на мужа и проследила, как тот обходится со своими средствами защиты. В конце концов, готовый уже спрыгнуть на землю, он вспомнил о трости и, ухватив ее за набалдашник, замотанный в два слоя защитными перчатками, неловко сжал ее пальцами. Все проверили дозиметры и спустились на луг.

Катриона кивнула на дозиметр, висящий у Вадима на поясном ремне.

— А что, когда набираешь допустимую дозу, — спросила она, — то карьере смотрителя конец?

Вадим пожал плечами:

— С годами это становится не так важно. Да и со средствами восстановления сейчас получше. Надеюсь, мне удастся достаточно долго не переступать красную черту.

– *Технически,* — вмешался в разговор Майлз, — я перешел эту черту в самой середине своей работы в космосе. Но к этому не стоит относиться

слишком уж серьезно, не то вообще ничего сделать не сможешь. Хотя сейчас наши уже вовсю используют методики очистки генома.

Вадим сочувственно кивнул, показав, что разделяет гибкие представления своего босса о протоколе поддержания безопасности, и последовал за ним на экспериментальный участок.

Катриона догнала мужа.

— А я, что, тоже должна наплевать на радиацию? — спросила она.

— Конечно, нет, — ответил он, посмотрев на жену с опаской. — Там очень жесткие правила.

И, почти шепотом, добавил:

— Но следовать им нужно лишь в том случае, если собираешься жить долго.

Ох уж этот их вечный спор! Майлз был убежден, что ему не суждено дожить до преклонных лет, а потому он просто обязан жить с удвоенной скоростью, чтобы успеть все и даже больше. Таков уж он, этот Майлз! Но, если так, пусть то, что должно случиться, случится не сейчас. Пусть — намного позже. Катриона сделает для этого все, что в ее силах.

Вслух же она произнесла:

— Вот и живи. А не то… голову оторву!

В ответ Майлз лишь сверкнул из-под маски

своими серыми глазами.

Слабое ровное гудение встретило их на границе испытательного участка — квадрата со стороной в двадцать метров на самом краю леса, куда попала как часть луга, так и заросли кустарника. На каждом из углов этого квадрата располагались генераторы мощного силового поля, которые создавали энергетический барьер высотой и глубиной в метр — чтобы не разбежались маленькие, но очень важные участники проводимого эксперимента. Катриона и Вадим переступили через барьер; Энрике, негромко взвизгнув, прорвался через него; Майлз, твердо закрепив конец трости на земле и опираясь на нее, аккуратно перенес тело через барьер. Колени давно его не подводили, но в здешней грязи лучше не рисковать. Катрионе не терпелось воочию увидеть, как работают *ее* жуки-радиофаги, хотя, конечно, ее вклад в их разработку был на порядок меньше того, что сделал Энрике. Впрочем, экстерьер — это то, на что обращаешь внимание в первую очередь, и именно от внешнего вида зависит первоначальное впечатление.

— А вот и он! — провозгласил Майлз, указав кончиком трости на бурый стебель некоего барраярского растения, в котором Катриона той

частью своего разума, где хранились сведения из ботаники и садоводства, мгновенно опознала куроцвет. Майлз тростью отодвинул стебель, и там, в тени, сидел, удовлетворенно перемалывая челюстями листву, крупный, ярко расцвеченный инсектоид.

Это существо, продукт биоинженерной мысли, было в длину сантиметров семь, имело шесть ножек, глянцевые надкрылья и походило на жука. Надкрылья, голова и конечности инсектоида переливались глубоким фиолетовым цветом, а на спине красовался маслянисто-желтый трилистник. Жук, казалось, излучал свет, озарявший тенистые недра зарослей куроцвета. Да, поистине гипнотический эффект, подумала Катриона.

В самом начале, когда жуки еще не обрели своей окончательной формы, Майлз относился к ним с брезгливым раздражением, называл то «жуками-блевунами», то «кишащим роем чертовых тараканов» — последнего определения они удостоились, сбежав из своих клеток и распространившись по всему фамильному особняку Форкосиганов. Когда доктор Энрике Боргос только привез их из своей эскобарской лаборатории, инсектоиды официально назывались «жучки-маслячки», но там, на родине, эти существа едва

не стали жертвой, чего уж правду таить, неумелого финансового менеджмента. Зато новая лаборатория, организованная в Хассадаре, где воцарился доктор Боргос, управлялась намного лучше. Правда, не самим Энрике — его мозгу было чем заняться и помимо финансовых проблем.

«Масляный жук» нес в себе один важный секрет. Эти энергичные существа были домом для созданных биоинженерами бактерий, которые перерабатывали все, что съедал жук, причем питался он тем, что люди отвергали — разными несъедобными растениями, — а отрыгивал чрезвычайно полезную и питательную кашицу, напоминавшую соевый творог и вполне годную в пищу. Кроме того, противоположным концом своего тела жук производил лучшие удобрения из тех, что когда-либо встречала Катриона, бывшая вполне опытным садоводом. Одним словом, с какого конца ни посмотри — чрезвычайно полезное и милое существо!

Если не обращать особого внимания на внешность жучка, которого *кое-кто* — Катриона искоса глянула на мужа, все еще с подозрением всматривающегося в жующего кроху, — считал отвратительно-отталкивающей. Кстати, не Майлзу с его внешностью судить о том, кто красив,

а кто нет! А потому по просьбе других заинтересованных в проекте лиц Катриона взялась на проблемы «упаковки» и наконец создала на уже зарекомендовавшей себя платформе новую генерацию производящих пищу жуков, назвав их *блистательными, или «жучками-светлячками»*. Новые инсектоиды были весьма привлекательны и быстро завоевали всеобщую любовь. Только не любовь Майлза.

Впрочем, Майлз очень скоро изменил свое отношение к жукам, когда Энрике пришел к нему с идеей научить этих инсектоидов пожирать загрязненную радиацией субстанцию, перерабатывать тяжелые металлы в глиноподобную массу, отрыгивать ее в специально сконструированные контейнеры и, как это водится у жуков, с противоположного конца выдавать уже чистую, плодородную почву. Очень скоро лаборатория Энрике явственно ощутила прилив новых сил вкупе со средствами, которые лорд Форкосиган щедро выделял из своего личного кошелька. А сам доктор Боргос, который, несмотря на свои юные годы — ему не было и тридцати, — учился быстро, пришел к леди Форкосиган посоветоваться насчет внешнего вида новых инсектоидов.

Предназначение жуков изменилось, называть

их стали в связи с этим по-новому, жуками-радиофагами, и Катриона страшно гордилась тем, что Энрике принял и воплотил в жизнь ее идею их нового внешнего облика. Это она придумала поместить на спинке жука предупреждающий знак, который светился бы тем ярче, чем больше зараженной субстанции нес в себе жук. Так биолюминисценция позволила бы быстро определить, опасен ли инсектоид или нет.

— О, господи! — пробормотал Майлз, глядя на светящегося жука-радиофага. — К нему лучше не приближаться.

— Да, но эта штука работает!

Взволнованная, Катриона склонилась ниже, чтобы получше разглядеть жука. Майлз отодвинулся. Жук же, которому было явно наплевать на эмоции прилетевших навестить его людей, продолжал, почавкивая, жевать свою жвачку.

— Ничего себе! — воскликнул вдруг Энрике.

Катриона и Майлз быстро подошли к доктору, который, сняв с пояса сканер радиоактивности, протянул его к небольшой кучке серых гранул. Как только он это сделал, негромкое гудение прибора превратилось в тревожный писк.

— Ничего себе! — повторил Энрике. — Зашкаливает!

Майлз склонился к плечу Энрике, и тот развернул экран сканера так, чтобы лорд Форкосиган все увидел сам.

Затем Энрике выпрямился.

— Похоже, — сказал он, — что проблемой утилизации придется заняться раньше, чем мы планировали. И радикально поменять способ. Мы-то как думали? Будем разбавлять и разбавлять, пока уровень радиации не сольется с фоновым! А здесь степень концентрации только растет.

Доктор отошел, чтобы принести совок, после чего вновь склонился над кучкой отходов и, орудуя совком, наполнил ими небольшой свинцовый контейнер — чтобы отвезти в лабораторию на анализ. Передал контейнер Вадиму, и тот осторожно отнес его к флайеру.

— Должен признать, — проговорил Майлз, внимательно наблюдая за происходящим, — что мне все больше хочется отказаться от своей первоначальной идеи. Я ведь собирался вывести всю эту заразу на орбиту и отправить на солнце. Но теперь меня постоянно посещает предчувствие какой-то страшной транспортной аварии. Если все запаять в контейнеры и захоронить где-нибудь в зоне активной субдукции, это будет и безопаснее, и дешевле. В конце концов, люди

пока не добывают пищу из барраярских морей.

– *Пока* не добывают, — покачала головой Катриона. — Хотя уже есть такие проекты, как я понимаю. Если будем сидеть сложа руки, что, собственно, и происходило последние восемьдесят лет, рано или поздно все это все равно окажется в море. Хорошо было бы держать эту дрянь подальше от берегов.

— Мне кажется, окончательное решение нужно принимать на основе новых серий тестирования, Майлз, — проговорил Энрике. — В зависимости от того, как поведут себя другие тяжелые металлы, мы сможем говорить о коммерческом использовании этих отходов. В конце концов, то, что ты называешь дрянью, обернется ценным продуктом. Ее концентрация уже сейчас выше, чем у природной руды.

— Какие еще *другие* тяжелые металлы? Я думал, мы имеем дело с остаточным стронцием, цезием и самарием. Ну, и с этим чертовым плутонием.

Цетагандийцы намеренно нашпиговали свою бомбу этой адской начинкой, чем вызвали негодование не только жителей Барраяра.

— На прошлой неделе я взял первые образцы. Отличные результаты. Были, правда, и неожиданности. Например, следы платины.

— Платины? — удивился Майлз. — Но как эти масляные… как эти радиофаги находят платину?

— По атому, вероятнее всего. Это же энзимы, понимаете!

Взгляд Энрике расфокусировался, выдавая напряженную работу мозга.

— И у меня появились кое-какие идеи по поводу старых шахт. Знаете, эти отвалы, которые остались от прежних разработок. Ведь все, чем вы располагали в Период Изоляции, работало страшно неэффективно. Так вот: в этих отвалах полным-полно металла, а вот извлечь его оттуда безопасно и экономически выгодно вы были не в состоянии. Я мог бы создать жуков… или червяков, умеющих копать ходы в этих отвалах… И тогда, они бы…

— Поговори-ка с Марсией, — посоветовал Майлз. — Или с Марком. Похоже, это по части их отдела. Я просто хотел…

Майлз замолчал и отошел, вглядываясь в укрытые вечерними тенями кусты подлеска.

Чего он хочет? Спасти достояние предков? Доказать своему умершему деду, что достоин его памяти? Катриона казалось, что по этой дорожке ее муж готов идти вечно, насколько хватит сил. Но, так или иначе, она присоединилась к Майлзу,

который, нервно покусывая под маской свою нижнюю губу, время от времени поднимал взгляд и любовался чудесным смертоносным пейзажем, раскинувшимся вокруг.

— О, господи! — услышали они и поспешили присоединиться к Энрике. Тот, подняв с земли прут, тормошил им жука-радиофага, который размерами вдвое превосходил своих собратьев, уютно устроившихся на стеблях куроцвета. Жук отвечал на действия доктора ворчливым шипением.

— Это не королева? — с опаской спросил Майлз.

— Нет, конечно. Все радиофаги — стерилизованные рабочие особи. Хотя они и растут, и линяют — пока не завершат жизненный цикл. А потом идут умирать туда, куда сносят то, что производят. Собственно, одна из наших задач на опытном участке — определить продолжительность жизни рабочей особи в реальных условиях заражения. Я думаю, кого-то из них мы уже должны были бы потерять, хотя, конечно, эти инсектоиды чрезвычайно устойчивы к воздействию радиации…

Глаза Энрике сузились, он явно увидел что-то важное. Или отсутствие чего-то важного. Он подо-

шел к ближайшей куче отходов и поворошил ее своим прутиком. Фиолетовых фрагментов среди гранул свинцового цвета не оказалось.

Погруженный в свои мысли доктор двинулся к другим кучам. Майлз осторожно последовал за ним.

Осмотрев их все, Энрике поднял глаза и обескураженно улыбнулся.

— Вы мне не поможете? — попросил он своих спутников. — Разойдитесь по участку и посчитайте всех жуков, которых увидите. Все осмотрите — и под листвой, и под упавшими ветками.

Майлз, Катриона и Вадим с готовностью принялись выполнять просьбу доктора. Энрике остался в дальнем конце участка. Майлз орудовал своей тростью, распугав нескольких инсектоидов, попрятавшихся под опавшими листьями и обломками деревьев, — те, переваливаясь на кривых лапках, недовольно поспешили прочь, словно ожившие капли фиолетово-золотой росы.

— У меня двадцать девять, — доложил Майлз.

— Семнадцать, — провозгласил Вадим.

— А у меня двадцать три, — сказала Катриона, глядя на Энрике, который, шевеля губами, продолжал подсчеты.

— Двадцать шесть, — сказал он наконец.

— Итого девяносто пять, — быстро подсчитал Майлз, который всегда ладил с математикой. — Это нормально?

— Как бы сказать, — протянул Энрике. — Все как-то странно. На прошлой неделе я выпустил здесь около двухсот особей.

Было слышно, как глубоко вздохнул Майлз под своей маской.

– *Энрике*, — произнес он и сделал паузу, стараясь взять себя в руки — к этим жукам у него было особое отношение. Натерпелся! — А они не могли перелететь через барьер? — спросил он наконец.

— Нет! У них ведь нет крыльев, — ответил доктор.

Он поднял жука, светившегося меньше других, и, отогнув тому надкрылья, показал крохотные хитиновые наросты, которые никак не могли обеспечить полет. Майлз отступил на полшага.

— А, может, они забрались на деревья? — предположила Катриона.

Все четверо принялись изучать кроны деревьев, запрокинув головы — точь-в-точь зеваки, любующиеся на фейерверк. Но ничего похожего на золотое мерцание они там не увидели.

Майлз опустил голову и, нахмурившись, спросил, глядя на силовые генераторы:

— А, может, их ночью закоротило, а потом опять… того… раскоротило?

— Маловероятно, — покачал головой Энрике.

— А почему бы нам всем не поискать в поле, по ту сторону барьера, — предложила Катриона. — Если найдем там хоть одного жука, это по крайней мере докажет возможность.

Она пока не знала, возможность *чего* нужно доказать, но, предложив то, что она предложила, она наверняка отвлечет Майлза от Энрике.

Муж что-то недовольно пробурчал, но присоединился к поискам и принялся, упрямо щурясь, всматриваться в кусты, растущие за пределами экспериментального участка. В конце концов, жукам с их яркой раскраской и сигнальными огнями на спинках трудновато было бы укрыться в бурых зарослях.

Катриона размышляла над тем, с какой скоростью жуки-радиофаги могли бы путешествовать на свободе, и уже достаточно глубоко погрузилась в вычисления, когда голос Майлза заставил ее вздрогнуть и оторвать глаза от земли.

— Что это *тут* за чертовщина? — спросил Майлз.

Он стоял в нескольких метрах от жены, всматриваясь в тенистые заросли. Выставив подбо-

родок вперед, он, прихрамывая, двинулся к зарослям. Споткнулся о корневище и наверняка упал бы, если бы Катриона не поспешила к нему на помощь.

— Что ты там увидел? — спросила она.

— Какая-то бледная тень. Показалась и снова исчезла в кустах.

— Одичавшее животное?

Одичавшие собаки, кошки, свиньи, козы, куры, олени, пони, черные и белые крысы и другие беглецы и беглянки из людских поселений разгуливали по диким просторам Барраяра там, где укоренились растения, привезенные с Земли — местные виды как для земных животных, так и для человека оказались несъедобными. В силу последнего обстоятельства земные виды были немногочисленными, а их представители — вечно голодными, и, когда Катриона подумала о диких прожорливых курах, которые, кстати, научились летать и легко могли бы перелететь обустроенную вокруг экспериментального участка ограду, она не позавидовала ни своим жукам-радиофагам, ни другим животным. Ужасающая картинка — под завязку нагруженные радиоактивными отходами жуки как звено пищевой цепи. Правда, люди в Округе Форкосиган

не отваживались охотиться на диких зверей — особенно в те времена, когда сканеры радиоактивности были дешевы и их легко можно было позаимствовать у соседа.

— Слишком высокая. И малозаметная. — Майлз, проморгавшись, продолжал всматриваться в кусты. — Это был не…

— Был не кто? — спросила Катриона, тронув мужа за рукав комбинезона.

— Это был не лесной эльф, — твердо сказал Майлз. Сказал ясно и однозначно. Остатки своей нерешительности он отогнал несколькими ударами трости по опавшей листве. После чего позвал:

— Вадим!

Из неглубокой лощины поднялся смотритель.

— Да, милорд!

Концом трости Майлз показал на заросли.

— Я видел там нечто странное, — сказал он.

Вадим глянул в указанном направлении.

— Там ничего нет!

— И тем не менее необходимо произвести разведку. Если что-то обнаружишь, скажи.

Смотритель согласно кивнул и направился в кусты, которые все больше погружались в тень. В сгущающихся сумерках жуков найти было бы

легче благодаря испускаемому ими свету, но Катриона не видела ни одного из них.

Через несколько минут вернулся Вадим и доложил, что никого и ничего не увидел.

Майлз нахмурился.

— А, может быть, это галлюцинация? — предположил доктор. — Сумерки, как говорят, могут сыграть такую шутку.

— Нет, — отрезал Майлз. — У меня бывали галлюцинации, и я знаю, что это такое.

— Тогда это была аллергия на лекарства, — пояснила Катриона, увидев обеспокоенный взгляд смотрителя. Но сейчас Майлз, и в этом она была уверена, не принимал никаких лекарств.

Энрике, отвернувшись, принялся вглядываться в сгущающуюся тьму.

— Так не пойдет, — сказал он. — Мне нужно больше данных.

— Но не сегодня, — твердо заявил смотритель. — Пора улетать.

И он со значением постучал подушечками пальцев по экрану дозиметра.

Компания развернулась и направилась к грузовому флайеру.

* * *

Чтобы помочь доктору собрать необходимые данные, Катриона на следующее утро отправилась с ним в зону. Смотрителя они брать не стали, чтобы не увеличивать без особой нужды дозу полученной им радиации; у Майлза в Хассадаре были назначены деловые встречи, а потому Энрике и Катриона самостоятельно, без их помощи, установили на деревьях вокруг экспериментального участка несколько видеокамер.

— Как же я не подумал об этом раньше! — сокрушался Энрике в тот момент, когда Катриона подавала ему последнюю из камер — недорогое устройство, целую партию они оптом купили накануне в городе. Майлз, который в финансовом отношении мыслил категориями окружного бюджета, предложил воспользоваться наилучшим оборудованием Имперской службы безопасности, но Энрике ворчливо отверг это как ненужное излишество — зачем забивать гвозди прециозной электроникой?

— Откуда тебе было знать? — успокаивала ученого Катриона. — С другой стороны, экспериментальный участок нужен как раз для определения проблемных полей, и это у нас по-

лучается отлично!

По переговорному устройству, закрепленному на запястье, Энрике связался с хассадарской лабораторией, находившейся на безопасном расстоянии в сотню километров:

— Есть сигнал, Марсия?

— Все в порядке, — послышался из динамика веселый голос. — Весь участок под наблюдением. При приближении видны мельчайшие детали. Могу даже сосчитать лапки. И сравнить яркость расцветки.

Энрике удовлетворенно кивнул и, негромко ворча, спустился по стремянке на землю. Катриона сложила ее и отнесла в небольшое укрытие, которое они соорудили для тех инструментов, что можно было оставить в зоне.

— Если наших жуков воруют куры или крысы, — сказала она, — то следующую партию нам нужно сделать невкусной. Получится?

— Вообще-то они и так не ахти какой деликатес, — отозвался Энрике. — Изменить вкус несложно, но лучше бы нам купить живых кур и привезти в лабораторию — на месте разбираться с вариантами. Похоже, это еще одна вещь, о которой нужно было подумать заранее. А я все возился с микробами.

— У тебя все отлично получается, — успокоила доктора Катриона. — И Майлз очень доволен полученной концентрацией.

Энрике просиял.

— Ну что ж, пора тогда задуматься и о системе роботизированного сбора.

— Да уж, — кивнула Катриона. — Рабочих с лопатами сюда посылать явно не стоит. Так наплевательски относиться к жизни могли лишь в Период Изоляции.

Она запнулась на секунду и продолжила:

— Хотя сбор отходов обеспечил бы занятость живущих в Округе, если система успеет заработать.

Энрике согласно покивал.

— Думаю, можно научить жуков концентрироваться в мобильных контейнерах — как делали их предшественники. Ну как, посчитаем еще?

Они разбили площадку на сектора, чтобы провести подсчет более тщательно, чем накануне. По сравнению со вчерашним общее количество жуков увеличилось на три особи. Целая сотня пропала неизвестно куда, и следов этой орды не было ни под листвой, ни под валежником.

Энрике озабоченно поджал губы.

— Жуков из следующей партии пронумеруем.

И снабдим маячками, чтобы отслеживать местонахождение.

Внедрять крохотные маячки в маленьких инсектоидов — нудная работа, и технику из хассадарской лаборатории, кому будет поручено это дело, не позавидуешь. И все-таки Катриона согласилась — это разумно!

Через пару минут леди Форкосиган спросила:

— А как у нас дела с анализом растительности?

— О! — проговорил Энрике нерешительно. — Хорошо, что напомнила.

Катриона, которую этот вопрос страшно интересовал, посмотрела на доктора с легким упреком.

— Ты же понимаешь, — начала она, — за восемьдесят лет ту радиацию, которая держалась на поверхности, могло вымыть дождями. Что и случилось. Остальная заключена либо в растениях, либо в нижних слоях почвы. И нам крайне важно узнать, какие растения способны лучше других абсорбировать подпочвенную радиацию. И какие из этих растений предпочитают поглощать наши жуки. Если мы сможем найти некую оптимальную комбинацию, то засадим зону нужными растениями и процесс пойдет гораздо быстрее.

— У меня людей на все не хватает…

— Можно привлечь народ из окружного колледжа в Хассадаре, — предложила Катриона. — Там же есть отделения ботаники, агрономии. Им бы понравилось участвовать в нашем проекте.

Хотя исследования местной биосферы уже проводились и Катриона знала, что смотрители постоянно обновляют карту распределения радиации, делая это с воздуха. Теперь же, вероятно, придется обратиться в колледж.

— Мы стараемся держать наши дела в секрете, — сказал доктор. — Ну, может быть, не совсем в секрете, но, во всяком случае, никому не хотим внушать необоснованных надежд, как говорит твой муж.

Необоснованные надежды. И необоснованные страхи.

— Майлз питает самые большие надежды. А потому скоро нам придется все раскрыть, — сказала Катриона и добавила предусмотрительно: — Вероятно.

После чего, подумав, продолжила:

— Все здесь, в Округе, борются за ресурсы, и это главная проблема. А Майлз говорит — лучшим решением проблемы станет увеличение объема ресурсов, чтобы хватило всем.

Она шла бок о бок с Энрике, который, погля-

дывая по сторонам, выискивал что-то в бурой растительности. Жуков? А, может быть, новые идеи?

— А что он планирует делать на этой земле? — спросил ученый, когда они дошли до края участка и повернули назад. — Конечно, наш проект с жуками-радиофагами — вещь чрезвычайно интересная с точки зрения как теоретической, так и прикладной науки. Но, как я себе это представляю, Округ Форкосиган не страдает от перенаселения. Марсия говорит, что в столице людей становится все меньше, а теперь еще и эта эмиграция на Зергияр. Почему бы не оставить все как есть и просто любоваться местными красотами?

— С безопасного расстояния? — сухо спросила Катриона. — На веки вечные?

Энрике пожал плечами.

— На этой планете немало бросовых земель, где не селятся люди. Заниматься сельским хозяйством? Это уже архаика. Промышленное производство еды и материалов более эффективно. А города все растут.

— Но ведь не все хотят жить в коробках из пласкрета, — отозвалась Катриона. Она уж точно не хочет! — К тому же в основе любого промыш-

ленного биопроизводства лежат природные компоненты.

— Согласен! Но все равно отсюда толком ничего не получишь. Даже после очистки уровень остаточной радиации будет слишком высок, и выращенная здесь еда, мягко говоря, вряд ли попадет на стол. Волокно… быть может…

Энрике нахмурился — сомнения его не отпускали.

— Здесь был один из самых лучших сельхозрайонов, — сказала Катриона. — И, по-моему, первым делом мы могли бы заняться здесь выращиванием цветов.

Она словно воочию увидела акры и акры плодородных земель, украшенных многоцветьем роскошных бутонов.

— Вот как? — моргнул Энрике. — А это действительно было бы здорово!

— Даже если разбить обычный парк, где люди станут гулять без дозиметров, ставить палатки и отдыхать, мы были бы счастливы. Нам так недостает открытых пространств! Наших зеленых и красно-бурых открытых пространств!

— Значит, сад? — переспросил Энрике. — Сад площадью в две сотни километров?

Катриона улыбнулась:

— А почему бы и нет?

— Амбициозный проект!

— Майлз, — сказала Катриона, мысленно сосчитав до пяти, чтобы отвлечься, — человек широких взглядов.

— Я слышал, что иногда его…

— Заносит? — подсказала Катриона с улыбкой.

Он благодарно кивнул — *ты сказала, не я*. А вслух произнес:

— Полагаю, именно поэтому мы здесь и находимся.

— Да ты понятия не имеешь, сколько идей роится у него в голове!

* * *

Звонок от Энрике поступил гораздо раньше, чем ожидала Катриона. Утром следующего дня она пыталась затолкать утренний завтрак в двух своих юных отпрысков; Майлз делал вид, что пытается ей помочь, близнецам же было гораздо интереснее бомбардировать едой придворных кошек хассадарской резиденции лорда Форкосигана, которые шмыгали между стульями в столовой, и лорд явно разделял интерес своих детей к военным действиям.

— Окружай его, Элен! Молодец! Беглый огонь!

Столовую оглашал детский хохот и визг, а жевали и глотали только кошки — три разжиревших создания, которые приветствовали падающую на них с небес манну экстатическим урчанием. Двое детей на двоих родителей — верная ничья, но Катриона была не вполне уверена, что лорд Форкосиган играет на ее стороне. Не зная, смеяться ей или плакать, Катриона покинула поле боя и подняла к лицу переговорное устройство.

— Слушаю тебя, Энрике!

— Катриона! Скорее приезжай в лабораторию.

— Срочно?

— Незамедлительно!

В разговор неожиданно вмешался голос Марсии:

— Сейчас особой срочности уже нет. То, что произошло, уже произошло. Вчера вечером. Но даже если бы ты сразу полетела на участок, то все равно бы опоздала.

— Марсия! — обратилась Катриона уже не к доктору, а к его более практичному ассистенту. — Что происходит?

— Наши камеры засекли вора.

— Вот как? Это куры?

— Нет.

— Но что же тогда?

— Трудно сказать. Посмотришь сама.

Майлз, который с самого начала разговора навострил уши, махнул рукой.

— Если Марсия так взволнована, то это действительно срочно. Тебе нужно поехать. У меня здесь все под контролем. Этот чертов комитет начнется только через час, а я за пять минут добегу.

В этот момент, потягивая кофе, вошла Ори Пим, их летняя няня, которая работала у Форкосиганов, когда у нее в колледже были каникулы.

— Моя помощь нужна, леди Катриона?

— О, да! — благодарно отозвалась Катриона. — Ради всего святого, запихни в эту дикую парочку хоть сколько-нибудь протеинов.

Она кивнула в сторону — игра была в самом разгаре, — и закончила:

— На их отца нельзя положиться. Он у них главный игрок.

Ори усмехнулась:

— Понятно!

Взрывы хохота, прерываемые лживым мяуканьем котов, пытавшихся убедить окружающих, что им грозит голодная смерть, а также веселый возглас Майлза «Отличный выстрел, Саша!» — это то последнее, что услышала Катриона, выходя из столовой. У детишек все в порядке, подумала она,

и эта мысль немного смягчила уколы совести.

* * *

Почти мгновенный перелет на флайере из центра Хассадара, и Катриона уже входила в лабораторию, расположившуюся посреди скудных полей в зданиях старой фермы, хозяева которой давно бросили насиженное место и, как Катриона надеялась, отправились на более плодородные поля Зергияра. Так или иначе, нынешнее предназначение подходило ферме больше. «Компания МФК. Лаборатория № 1» — гласила вывеска на воротах, хотя сестра Марсии, Карен, прозвала ее «Ферма жучков-маслячков», и это название прицепилось к лаборатории намертво.

Катриона миновала бревенчатый амбар, где в садках жили жуки, и направилась к главному зданию, бывшему когда-то жилым домом. Энрике планировал построить под лабораторию нечто более впечатляющее, но все откладывал это на *потом, когда у нас будет больше времени*. В бывшей гостиной, превращенной во вспомогательный офис и центр связи, Катриона нашла доктора и Марсию.

Приветствуя хозяев, она помахала рукой Марсии Куделке-Боргос, высокой блондинке под

тридцать:

— Привет, Марсия! Что у нас за проблема?

— Вот именно! Проблема, иначе не скажешь.

Энрике сидел перед коммуникационной консолью, сердито сопя на мозаику картинок, в которых Катриона узнала экспериментальный участок, демонстрируемый с разных точек обзора.

— Это здесь, — проворчал он. — Сейчас отмотаю на начало. Все произошло прошлым вечером, сразу после заката.

Чтобы сделать картинки более светлыми, Энрике убрал цвет и уменьшил четкость.

Катриона, вглядываясь в картинки, наклонилась к его плечу.

Странная худощавая фигура осторожно переступила через барьер и вышла на середину участка. Одета она была в брюки размера на два больше, чем нужно. Чтобы брюки не упали, их подвязали на тонкой талии пояском из веревки. Существо также носило старую футболку. По контрасту с ней бледные руки едва не светились — это была даже не слоновая кость, а белая бумага. Существо подняло голову, и Катриона увидела худое костистое лицо, такое же белое, как и руки, и тонкие белые волосы, остриженные

под горшок.

— Притормози кадр! — попросила Катриона. — И приблизь изображение!

Глаза у существа были цвета бледно-голубого льда. Уши — остроконечные.

— Господи! Да это лесной эльф, которого видел Майлз.

— Кого видел Майлз? — переспросила Марсия, вскинув брови.

— Определенно альбинос, — уточнил Энрике тоном ученого, которого, кроме точных определений, ничто не волнует.

— Да, я вижу! — взволнованно проговорила Катриона. — Майлз. Он заметил кого-то в сумерках позавчера. Кого-то похожего на лесного эльфа. Оказывается, так оно и было!

Да, Майлз успокоится, когда узнает, что эльф не был галлюцинацией, результатом сбоя в работе его психики. Если бы только это сняло все вопросы! Но, похоже, вопросы только начинаются.

Катриона рассматривала застывшее изображение. Эльф был ребенком, мальчиком. Опытным глазом она определила примерный возраст — между одиннадцатью и, если принять во внимание худобу и истощенность, четырнадцатью. Ему столько же лет, сколько Николасу, ее сыну

от первого брака. Растительности на подбородке нет, полной зрелости еще не достиг.

Энрике, взглядом попросив разрешение, вновь запустил картинку в движение. На экране монитора мальчик снял с плеча изношенную холщовую сумку и вытащил оттуда литровую банку с металлической крышкой, в которой были проделаны отверстия. Сняв крышку, он принялся собирать и класть в банку самых ярких жуков.

— Он без перчаток! — воскликнула Марсия.

— И без обуви! — отозвалась Катриона.

Энрике выпрямился.

— А я, когда смотрел в первый раз, и не заметил! Он же *ворует наших жуков,* этот маленький… грабитель!

Уложив в банку с дюжину жуков, которые ползали по спинкам друг друга и, светясь, делали свою тюрьму похожей на волшебную лампу, мальчик наклонился и, сорвав с куста несколько листьев, покрошил их жукам, после чего завинтил крышку. Затем подошел к укрытию, где Катриона и Энрике оставили инструменты и, внимательно разглядывая каждый из них, принялся тоже укладывать в сумку.

— Он решил все у нас украсть! — воскликнула Марсия.

Это были дешевенькие инструменты — после использования можно было, не заморачиваясь с очисткой, оставить их в зоне. Но у Катрионы сердце упало не оттого, что они лишались инструментов. Они же страшно радиоактивны! Она не понимала, почему мальчик тянет время — сложил в сумку и убегай!

Но тот взялся за стремянку.

Стремянка, конечно, в сумку не поместится, и с собой ее не унесешь. Но мальчик попытался ее установить. Очевидно, он не понимал, как работают фиксаторы, и была опасность, что он упадет. Но этого не произошло. Мальчик, каждый раз забираясь все выше, стал прыгать с лестницы на землю. После этого заметил камеры и, прислонив стремянку к дереву, поднялся поближе к одной из них. Постучал, подергал, но камера прочно держалась на кронштейне, и сорвать ее не удалось. Тогда из любопытства мальчик лизнул ее, дав возможность собравшимся в лаборатории увидеть свои странно белесые глаза и длинный язык. Следы слюны остались на камере, замылив изображение.

— Ничего себе! — вздрогнула Марсия.

Вскоре скучная, не желавшая включаться в игру камера надоела мальчику, он спустился

на землю, сунул лестницу на прежнее место и ушел.

— Как он туда добрался? — поинтересовался Энрике. — Там же никаких дорог, даже старых. И он слишком молод, чтобы иметь права на вождение флайера или аэробайка.

— Люди в деревнях не переживают по поводу таких мелочей, как водительские права или допустимый возраст, — уточнила Марсия.

Катриона продолжала изучать картинки с других камер, рассматривая мальчика под разными углами.

— Будь у него транспорт, он забрал бы стремянку. Она явно пришлась ему по душе, — сказала Катриона.

Она задумалась. Какой странный выбор игрушки! Конечно, все дети поступают так время от времени — отвергают лучшие игрушки и увлеченно играют с коробками, в которых эти игрушки лежат. Но со стремянкой мальчик вел себя так, словно никогда не видел ничего подобного! И почему он не воспользовался их инструментами, чтобы снять камеры — камеры были самым дорогим из того, что они с Энрике оставили на участке.

— Думаю, он ушел пешком, — сказала Катри-

она.

— Без обуви? — удивился Энрике. — Но куда? И откуда?

Катриона улыбнулась.

— Вообще-то в деревнях люди все еще ходят пешком, — сказала она. — И вовсе не ради спортивных тренировок. Пешком или верхом на лошади.

Говоря это, она продолжала рассматривать худощавую фигурку мальчика, который, переступив через энергетический барьер, в одной руке нес тяжелую сумку, а в другой — светящуюся банку с жуками.

— Или на пони, — закончила Катриона задумчиво.

— Но он ведь уносит наших жуков! — почти жалобно проговорил Энрике. — Зачем они ему? Ради выкупа?

По тону ученого Катриона поняла, что тот готов заплатить любые деньги, лишь бы вернуть своих питомцев.

— Да он же просто ребенок, Энрике! — сказала Катриона, и в ее воображении родилось новое, более пугающее предположение относительно мотивов, из которых исходил мальчик. Откуда барраярцы могут знать, что означает трилист-

ник? А что, если он ворует жуков просто потому, что они красивые?

— Он ребенок мутантов, это очевидно, — сказала Марсия. — Не исключено, что кто-то заставляет его ходить в зону и воровать.

Нет, подумала Катриона, вряд ли в этой истории все так ужасно.

— Не думаю, — покачала она головой. — Он выглядит вполне… самостоятельным. Веселый, активный. Худой, но от голода явно не страдает. Ни синяков, ни серьезных повреждений на бледной коже — по крайней мере на руках и голове. Небольшие царапины — но как без них, когда продираешься сквозь колючие кусты, да еще в одной футболке? Кстати, почему в зараженной зоне находятся люди без защитных костюмов? Это же запрещено! Я думала, что одна из главных обязанностей окружного смотрителя — не пускать в зону людей. Нужно позвонить Вадиму.

Что Марсия и сделала, но оказалось, что у смотрителя выходной, он был вне зоны доступа и не перезвонил.

Энрике хмурился и моргал, не в силах осознать этот простой факт.

— А я и не знал, что у него бывают выходные, — сказал он.

Недоумение, вполне естественное для доктора — сам Энрике не имел выходных, по крайней мере предусмотренных в графике. Время его было слишком плотно заполнено всевозможными делами — так же как и ее, Катрионы, время, подумала она грустно. Хотя Марсия, жена доктора, иногда вытаскивала его из лаборатории и делала это из принципа. Ощущая, как в ней поднимается чувство вины, Катриона подумала, что и ей нужно почаще отрывать Майлза от дел и везти его отдохнуть. Но и на отдыхе Майлз умудрялся найти дело, требовавшее потом нового отдыха — и так до бесконечности. Нет уж, если он так этого хочет, пусть работает, пока не упадет. Что Майлз и проделывал регулярно. Чем-то он напоминает своих гиперактивных отпрысков. С чего бы?..

— Ты на флайере? — спросил Энрике.

— Да, но если мы туда полетим, то сесть не получится. Или на обратном пути придется лететь на станцию к смотрителям, чистить флайер, — уточнила она. Педантизм, присущий Энрике, оказался заразным.

Энрике отмахнулся от этих слов как от пустяка.

— Воришка, вероятнее всего, возвращался несколько раз. Если он пользовался каким-ни-

будь транспортом, мы, скорее всего, найдем, где он его прятал. Если же приходил пешком…

Доктор замолчал и нахмурился.

— Он не мог прийти издалека, — закончила мысль мужа Марсия.

— Но тогда получается, что он живет в *самой зоне*, — развела руками Катриона.

— И мы обязательно найдем это место, — сказал Энрике.

— Вы же с Вадимом много раз летали над зоной, когда определяли место для экспериментального участка, — напомнила Катриона. — Неужели ничего не заметили с воздуха?

— Но мы же искали не нарушителей!

Разумный ответ. Она захотела переадресовать вопрос Майлзу, но он наверняка уже заседает в своем комитете и вряд ли обрадуется тому, что его отвлекают. И, во-вторых, он, не задумываясь, наложит вето на ее участие в поисковой экспедиции. Попытается наложить, уточнила она. Катриона посмотрела на свой хронометр. Полет в зону и несколько кругов над ней займут не больше часа, и полпути она уже преодолела. Конечно, это почти безрассудство, но этот таинственный мальчик-альбинос…

— Решено!

Пока Катриона звонила Ори по поводу своего изменившегося графика, Энрике погрузил на заднее сиденье флайера защитные костюмы — на всякий случай. Катриона взялась за ручки управления. Этот флайер, миниатюрную скоростную игрушку, ей подарил на годовщину свадьбы Майлз, и очень скоро — гораздо быстрее, чем это сделал бы громоздкий транспортник Вадима, — они оказались над экспериментальным участком.

Энрике заметно нервничал, но успокоить его не удалось: как Катриона и ожидала, найти они, как низко ни барражировали, ничего не смогли — ни беглецов-воришек, шныряющих по кустам, ни следов техники, ни какого-нибудь пони, привязанного к дереву.

Энрике достал биосканер.

— Эти штуки сильно ошибаются, — сказала Катриона, кивнув на прибор. — Даже если сузить диапазон объема биомассы. Допустим, ставишь на собак, коз — что-то такое.

— Но иногда можно получить и положительный результат.

— Да, бывает…

Когда-то, лет тридцать назад, в зоне орудовала банда, которая грабила всех, кто под руку по-

падался — некие Радиоактивные Робин Гуды. Но долго им протянуть не удалось, хотя они и стали местной легендой, и Майлза, который в те годы был подростком, эта история здорово впечатлила. Катриона надеялась, что он в большей степени идентифицировал себя с бравыми служителями закона, чем с джентльменами удачи, которых полиция в конце концов выкурила из их нор. Правда, представить, что на их садовые инструменты позарились создания, подобные героям прошлого, можно было лишь с большой натяжкой.

Тем не менее по просьбе Энрике Катриона снизила флайер до самых вершин деревьев, и они принялись на минимальной скорости описывать над зоной широкие круги. Внизу проплывали бурые и зеленые деревья — есть от чего мозгам проделать сальто-мортале! А интересно, если бы она была дальтоником и не воспринимала цвета, ей было бы уютнее в этом диком лесу? Теперь она почти жалела, что с ними нет смотрителя — все-таки это его работа. А вдруг они с Энрике и в самом деле натолкнутся на бандитов? А у Вадима есть специальные навыки и средства для действий в опасных ситуациях. Она уже было собиралась поделиться своими сомнениями с

доктором, как тот воскликнул, глядя на монитор сканера:

— Где-то здесь!

И махнул куда-то в сторону земли.

— Что там? Люди?

Энрике возился с кнопками сканера.

— Не знаю. Показывает где-то около трехсот килограммов. Может, дикие пони или олени.

Катриона увидела внизу трех пони, которые паслись на узкой полосе заливного луга. Дикие, лохматые животные, наверняка нашпигованные радиацией. Кроме них — никого, и ни малейшего намека на ограду. Катриона уже собиралась сделать вираж и лететь дальше, но в этот момент одна из лошадок засеменила — нет, не засеменила, а неловко заскакала по высокой траве и, остановившись, склонилась над ручьем, бежавшим с западной гряды холмов.

— Путы! — взволнованно воскликнула Катриона.

— Что? — не понял Энрике.

— У пони на ногах! Это как… это вроде веревочных кандалов, которыми лошадям связывают передние ноги. Лошади могут пастись, передвигаться, но далеко не убегут. Так делают, когда нет оград и заборов. Это вовсе не дикие пони!

Глядя на нечесаное, изможденное создание, которое с подозрением смотрело на зависший над ним флайер и уже готово было броситься прочь, Катриона уточнила свою мысль:

— Во всяком случае, у них есть владелец.

И, чтобы не испугать животных, она отвела флайер чуть в сторону.

Если бы они двигались быстрее и на большей высоте, Катриона не увидела бы среди деревьев некий прямоугольник, покрытый мхом и камнями и увитый диким виноградом.

— А там не крыша? — спросила она, показывая в его сторону.

Энрике проследил за направлением взгляда Катрионы и направил туда свой сканер, в то время как та вновь заложила вираж.

Они опустились ниже и теперь, под изменившимся углом, рассмотрели полуразрушенное сооружение. Домик, хижина, лачуга… *Нет, у меня нет этих предрассудков, черт бы их всех побрал! Никакая это не избушка…*

Конечно, это была не избушка на курьих ножках, и, внимательно ее рассмотрев, Катриона увидела просто три ствола, обрезанных на высоте трех метров над поверхностью земли. Столбы, словно колонны, поддерживали деревянную

платформу, на которой и притулилась хижина. Корявые угловатые корни, будто когти, торчали из основания стволов. Конечно, первое впечатление часто ошибочно, и это понятно — принял же Майлз того подростка за лесного эльфа.

В отличие от жилища ведьмы, у этой лачуги были окна и дверь, и, чтобы проникнуть в нее, не нужно было никаких заклинаний. К неширокому крыльцу снизу вела лестница — надежная защита от одичавших собак и прочих опасностей, подстерегавших человека у самой поверхности, да от той же зараженной почвы. Катриона могла гордиться рациональностью своего мышления, и, поразмыслив, она успокоилась.

Из трубы, сложенной из плитняка, поднимался дымок.

— Приземляйся, — поторопил ее Энрике, похлопав по плечу.

— Да приземляюсь я!

Они продрались через ветви деревьев, которые царапали флайер, словно когти, и коснулись поверхности в дюжине метров от странного жилища.

Катриона смотрела на лачугу, Энрике орудовал сканером.

— Интересно, есть ли кто внутри? — спросила

Катриона, почувствовав, как пересохло ее горло. Если из трубы идет дым, значит…

— Пока никого. Или уже никого, — отозвался Энрике и, перегнувшись через спинку сиденья, подхватил защитный костюм и передал его Катрионе. Достал также свой, и они принялись натягивать эти громоздкие одеяния и бахилы, неуклюже копошась в тесной кабине флайера. Наконец шлемы, маски и перчатки оказались на своих местах, и две кукольного вида фигуры с головами, будто у насекомого, выпрыгнули на землю — каждая из своей двери. Если установить круглые фильтры на уровне глаз, а не щек, как они установлены теперь, сходство с жуком будет абсолютное, насмешливо подумала Катриона.

Добравшись до основания лестницы, они остановились и посмотрели друг на друга. Катриона не видела ничего унизительного в необходимости уступать доктору в делах науки и техники — там он был непревзойденным экспертом. Но здесь было дело другого рода, и она все-таки леди Форкосиган. Она и представить не могла, что ей придется заниматься такими делами, но время пришло, и теперь ее роль — ведущая. Сглотнув ком в горле, Катриона ухватилась за поручни лестницы и двинулась вверх. Все еще сжимая в

свободной руке сканер, Энрике несколько неловко последовал за ней.

Сняв щеколду, они вошли. В лачуге была всего одна комната. Тусклый свет лился из маленьких окошек, асимметрично расположенных на противоположных стенах. В углу был устроен очаг из сланца и плитняка. Внутри очага тлели угольев, чуть подернутые серым пеплом. Когда глаза привыкли к полумраку, Катриона увидела, что комната буквально ломится от всякой всячины, произведенной еще, вероятно, в Период Изоляции и собранной обитателями этой лачуги со свалок: старинные инструменты ручной работы, древняя потертая мебель, посуда — треснутая, с отбитыми ручками. Все это либо висело по стенам, либо было навалено на полу. Катрионе приходилось видеть подобный хлам, когда они с Майлзом путешествовали по горным деревням.

На стоящей у стены деревянной кровати с сеткой из пластиковых веревок лежал набитый всяким тряпьем матрас. Еще один матрас, на котором в качестве покрывала лежала старая разноцветная занавеска от душа, был задвинут под кровать. Столь же беспорядочно и бедно были укрыты расположенные по другую сторону комнаты грубо сколоченные двойные нары. *Значит,*

здесь живут четверо…

У очага Катриона обнаружила разнообразную кухонную утварь: на крюке висела древняя чугунная сковорода, а рядом с ней — целый набор давно вышедших из строя металлических и пластиковых кухонных приспособлений, переориентированных на жизнь при полном отсутствии энергии — во всех смыслах этого слова. Жилище крайне скудное и нищее, хотя и достаточно уютное. Катриона вспомнила, как Майлз описывал своего деда, сурового старого графа, который в детстве, когда Барраяр был открыт заново, демонстрировал удивительное равнодушие ко всякого рода бытовым удобствам.

Зимой, конечно, здесь не так романтично.

Но что они едят? На полках лежали продукты в обычных упаковках — такое можно купить в любой лавке в Хассадаре. С потолочных балок свисали связки сушеных овощей и трав, а также пластины вяленого мяса, в корзине угнездились яйца диких кур с налипшими перьями и комочками земли. И все было бы хорошо, кроме одной мелочи: все это произведено здесь, в зараженной зоне?

— Дома никого, — констатировал Энрике совершенно очевидный факт. В голосе — ничего, кроме

любопытства, ни малейшего беспокойства.

Катриона, глядя на доктора, подавила собственное волнение.

— Далеко они уйти не могли, — сказала она. — Давай посмотрим, что там вокруг дома.

При таком хозяйстве должен быть огород — вполне естественно, — но представлял он собой не единую площадку, а разбросанные по солнечным местам полоски возделанной земли. Чуть дальше, во влажной тени деревьев за домом, открывалась лощина, где Катриона заметила нечто, напоминающее забор из желтоватых столбов. Но в такой темноте нет смысла что-то огораживать. Так что же это? Приблизившись, Катриона увидела несколько оструганных древесных стволов без кроны; наверху белели какие-то набалдашники. *Ох ты ж?..*

— Это что, один из местных обычаев? — спросил Энрике, глядя поверх плеча Катрионы. — Страшновато!

— С чего ты взял? Нет, конечно…

Увы, то были черепа. Катриона сосчитала — одиннадцать. Двенадцатый столб пока пустовал. Большинство черепов — старые и побитые погодой, без плоти и волос. Катриона не знала, считать это добрым знаком или нет. Но попада-

лись черепа и «посвежее». Значит, их обладатели расстались с жизнью в разное время? Она рассматривала черепа, и вдруг к ее горлу подступил комок.

— Взгляни, Энрике, — сказала она. — Черепа-то маленькие, детские.

— Если это не микроцефалы.

Сказал так, словно хотел успокоить. Но вряд ли он сам верит в такую альтернативу.

— Можно осмотреть их зубы, — продолжил доктор. — И любопытно, куда подевались тела.

Он опустил сканер к земле и принялся расхаживать среди столбов, ухмылявшихся страшным оскалом белых челюстей.

— Вот! — наконец проговорил Энрике. — Похоже, тела похоронены у основания столбов.

— И их много?

— Не очень. Соотношение тел к головам — один к одному.

Значит, это не массовое захоронение, а обычное кладбище. У Катрионы не было навыков судебного патологоанатома, но, увидев в черепах молочные зубы, она поняла, что означают слишком маленькие челюсти. Это дети, причем разных возрастов. Парочка черепов поменьше была заметно деформирована. Катриона сжала

зубы, после чего сняла с пояса дозиметр и поднесла к черепам. Дозиметр заверещал. Уровень радиации значительно превышал фоновый и был столь же высок, как и в костях животных, найденных в самых зараженных точках зоны.

Энрике, который, поводя сканером и вглядываясь в чащу леса, ходил взад-вперед по участку, позвал Катриону.

— Там еще одно строение, — негромко сказал он.

Катриона посмотрела в сторону, куда показывал доктор, и увидела почти полностью скрытые растительностью деревянные стены. Еще один дом? Они направились к нему. Это строение было много меньше того, что они уже осмотрели, хотя и побольше обычной туалетной кабинки. В отличие от большого дома, оно располагалось не на столбах, а на грубо сложенном фундаменте из плитняка. Это был сарай. Окна и, похоже, даже двери в этом сарае отсутствовали.

Энрике подстроил сканер.

— Там кто-то есть, — сказал он. — Скорее всего, коза.

Они обошли сарай, и Катриона облегченно вздохнула — с этой стороны обнаружилась дверь, выходящая на широкую прогалину. Дверь была

заблокирована снаружи заведенной за деревянные скобы кривой палкой, на которой еще сохранилась серая кора. Чтобы разглядеть старые перья, засохший куриный помет и козьи катышки, выметенные веником через порог, не нужна была прециозная техника, которой вооружились Энрике с Катрионой. Судя по оставленным животными визитным карточкам, крупных особей здесь не содержат — только молодняк, и, вероятнее всего, без матерей. Нет здесь и следов пони. Хотя, погодите-ка! Вот красноречивые свидетельства присутствия этих лошадок возле коновязи!

Катриона положила руку на запорную палку. Энрике одобрительно кивнул, но Катриона, обернувшись к нему, сказала:

— Убери сканер. Если выскочит коза, лови ее.

Конечно, Катрионе простили бы проникновение в жилище людей, которые жили на территории, принадлежащей Форкосиганам, но ее вряд ли бы поняли, если бы она позволила сбежать их домашним животным. А козы и особенно козлы — те еще затейники, как Катриона убедилась в детстве, когда проводила лето у бабушки на ферме.

Чувствуя, что Энрике почти дышит ей в спину, Катриона открыла дверь и вошла, готовая к тому,

что ей потребуется время, чтобы приспособиться к полумраку помещения.

Но оказалось, что никакого полумрака и нет! Катриона вошла в планетарий, на стенах и потолке которого ярко сияли звезды. Нет, она вышла на площадь, небо над которой было расцвечено огнями фейерверков. Или лучше так: Катриона оказалась в командном пункте космической станции, летящем сквозь дышащие огнем и брызгами звезд галактики.

На полу, на стенах, на потолке сияла сотня похожих на распустившиеся цветы трилистников. Они были вставлены в фиолетовые оправы, и некоторые из них, цвета золотистого масла, яркостью не уступали лучам солнца, пробивающимся сквозь щели в досках. Эффект был завораживающий. Какие-то трилистники сидели неподвижно, другие медленно передвигались, подобно звездам некоего ожившего фантастического созвездия. Были там жуки размером с большой палец руки, а были — с ладонь Катрионы. Ладонь, одетую в защитную *перчатку*.

Откуда-то с пола прозвучал хриплый голос:

— Это ты, Инги? Ты принес мне еще?

Катриона скользнула взглядом вниз и разглядела приземистую, съежившуюся фигуру в

старой мужской рубашке с отрезанными рукавами. Бледные руки бессильно свисали; по этим хрупким дорожкам вверх, цепляясь маленькими коготками, карабкались три или четыре особенно ярких жука. Еще несколько угнездились в немытых, спутанных черных волосах. Фигура раскачивалась взад и вперед, потом медленно, не вставая, обернулась к двери. Парочка крупных жуков-радиофагов устроилась на коленях фигуры, прячась в складках юбки. Стоящим в свете открытой двери явилось луноподобное лицо с подслеповатыми прищуренными глазками и широкой бессмысленной улыбкой.

Женщина? Девочка? Ростом это существо было со взрослую женщину, а грудь ее свидетельствовала о том, что период созревания уже миновал, но широкое лицо было почти детским. Увидев маски и шлемы вошедших, сидящая на полу девушка, охваченная ужасом, изо всех сил завопила — совсем как ребенок:

— Белые призраки! Белые призраки!

От этого визга, заставившего содрогнуться дощатые стены хижины, Энрике отшатнулся. Девушка вскочила на ноги, разбрасывая жуков, которые, со стуком отскакивая от пола, словно галька, поспешили наутек. Не повезло только

некоторым из них — попав под босые ступни обитательницы сарая, они были раздавлены. Да, она была босой, с нестриженными ногтями на всех шести пальцах каждой из своих ног, и эти длинные ногти, словно когти, скребли по полу.

— Мои жуки! — воскликнул Энрике. — Ты их раздавила, идиотка!

Что это было, оценочное суждение или точная квалификация психического заболевания? Понять доктора в этот напряженный момент было сложновато.

— Стоять! — крикнул он.

Но девушка бросилась к двери, увернувшись от Катрионы, попытавшейся ее задержать.

— Держи ее! — крикнула Катриона.

— Так она же не коза!

Тем не менее Энрике попытался задержать хозяйку сарая; та вывернулась и ткнула доктора кулаками, после чего попыталась расцарапать его лицо под маской ногтями, которых на обеих руках у нее было гораздо больше десяти…

— Не ешьте меня! — умоляюще прокричала она, перепрыгнула через порог и бросилась прочь от хижины. — Инги! Инги! За нами пришли белые призраки! Где ты?

Катриона смотрела на заросли, в которых скры-

лась крикунья. Ее вопли смолкли еще до того, как успокоились потревоженные кусты, и определить направление, в котором она скрылась, было трудно.

— Мне срочно нужны контейнеры, а то они убегут, — едва дыша от волнения, пролепетал Энрике, не знающий, которого из жуков схватить первым.

— Теперь понятно, где были наши радиофаги, — сказала Катриона.

Ухватив доктора за рукав, она потащила его наружу, по пути аккуратно отбросив носком ноги жука, внимательно изучавшего пол сарая. Оказавшись на улице, Катриона закрыла дверь и водрузила на место палку.

— Жуков мы соберем позже, — сказала она. — Сперва — неотложные дела.

Что же это были за дела? Катриона вздохнула. Инги — это наверняка тот самый подросток, что воровал жуков. По крайней мере, это следовало из слов девушки.

— Эти дети… Эти двое… Вряд ли они живут здесь в одиночестве. И не они построили эти лачуги, — сказала Катриона.

Этим строениям не одно десятилетие от роду, если судить по их состоянию.

— Где-то должны быть и взрослые, — продолжала Катриона, — которые отвечают… отвечают за все, что здесь происходит.

В душе Катрионы возникло весьма тревожное чувство.

— Нужно их найти.

Энрике согласно кивнул и привел свой сканер в боевое положение. Они двинулись вперед, и он спросил Катриону:

— Почему же она убежала, да еще с такими воплями? Мы же не собирались сделать ей ничего плохого.

Теперь, когда доктор нашел своих жуков и его волнение по этому поводу несколько улеглось, он заинтересовался убежавшей девушкой и принялся изучать кусты, где она могла спрятаться.

— Похоже, она в том буреломе, — предположил Энрике.

— Давай не будем ее преследовать, — предложила Катриона. — Пусть успокоится.

— И я совсем не собирался ее есть, — не унимался Энрике, вспоминая с негодованием о том, что произошло в сарае. — Белые *призраки*. Что она имела в виду?

— Я думаю, кто-то рассказывал ей сказки, чтобы напугать, — попыталась объяснить Катриона.

— Чтобы она не приближалась к незнакомцам. И не позволяла им приблизиться к ней. Особенно — незнакомцам в защитных костюмах.

— Если эту ложь ей рассказывал какой-нибудь взрослый, он — очень плохой человек, — сказал Энрике, в недоумении оглядывая все вокруг.

Они набрели на дощатый туалет. Там было пусто, хотя туалетом, несомненно, пользовались, и совсем недавно, как легко определила Катриона, несмотря на фильтры маски.

— А разве твои родители тебе таких сказок не рассказывали? — спросила она. — Чтобы помочь избежать неприятностей, пока ты мал и неопытен?

— Никогда, — отозвался Энрике. — Они говорили о разных вещах так, как они существуют по-настоящему. Ясное дело, когда мне было года три, эти объяснения не отличались научной скрупулезностью, но тем не менее… И, когда я подрос и уже мог сам определять, что мне нужно, я просил их читать мне нонфикшен.

— Вот как…

А интересно, где найти сведения о том, как устроена жизнь, ребенку, не столь понятливому и грамотному, каким Энрике был в прошлом? Не успеет научиться — и все! Все кончено! Хотя

эта девушка показала, что умеет говорить, и речь ее выстроена грамматически верно, что свидетельствует о весьма развитых когнитивных способностях — даже при том, что она верит во всякую чушь! Если и есть здесь некие нарушения психики, то лишь незначительные — иначе в этих условиях она бы долго не протянула. Катриона вспомнила маленькие деформированные черепа на белесых столбах.

— А как ты относишься к художественной литературе? — спросила она доктора. — К иносказанию, мифу, притче?

Энрике снисходительно махнул рукой:

— Ложь, в которой многие ищут намек, да еще и на что-то серьезное.

— Но это достаточно сложная социальная практика, — возразила Катриона.

Сложная, однако ее детишки осваивают ее быстро и уверенно. Впрочем, ничего удивительного — они же отпрыски Майлза!

— Если взрослый начнет паковать истину в обертку из лжи, ребенок, обнаружив ложь, вместе с оберткой вышвырнет и ее содержимое. Это — рассуждая логически. И уже вообще ничему не станет верить.

— В этом что-то есть, — кивнула Катриона.

Может, именно поэтому взрослым так сложно с подростками?

— Наверное, для родителей следует разработать некий научный метод, — предположила Катриона. — И пусть руководствуются.

— Вообще-то до семи лет я об этом даже не задумывался, — признался Энрике, явно сожалея, что так много времени было потрачено впустую.

Катриона улыбнулась.

— Знаешь, Энрике, из тебя вышел бы очень хороший отец. Хотя и своеобразный!

— Неужели?

Лицо Энрике под маской просияло.

— Вот о ком можно говорить как о хороших родителях, так это о вас с Майлзом, — сказал он. — По крайней мере, вы никогда не паникуете.

— Рядом с Майлзом любой будет держать марку!

Сама она, например, не паниковала, в том числе и сейчас. У нее *душа почти ушла в пятки*. Но это же не паника, верно?

Сканер Энрике, увы, не мог сказать, есть ли в радиусе километра еще хоть один человек. Катриона решила больше не полагаться на прибор и, посмотрев на заросли, спросила:

— Насколько зараженным может быть этот

участок леса?

— Не очень. Ну… мы как раз у подножия гряды. Поэтому мы и не стали разбивать здесь наш экспериментальный участок.

— Хорошо промывается?

Энрике кивнул и предложил:

— Можно посмотреть во флайере карту распределения радиации.

И, подумав, спросил:

— А почему ты спрашиваешь?

— Да, давай посмотрим карту, — согласилась Катриона.

Они забрались на переднее сиденье флайера. Теперь ее новую машинку придется чистить не только снаружи, но и изнутри, черт бы побрал эту радиацию! Включили видеокарту. На ней, когда Катриона ввела их текущее местоположение, не отразилось ни одно из только что виденных строений, но топография их не подвела, и действительно заросли, которые интересовали Катриону, отличались сравнительно невысоким уровнем загрязнения, если сравнить с соседними участками леса. Визуально так оно и было.

— Что ты имел в виду, говоря, что не стал разбивать там участок? — спросила она.

— Ну… — ответил Энрике. — Вадим предложил

ничего здесь не делать, потому что… потому что здесь естественное возвышение. И мы лишь зря потратим время. Он был прав. Думаешь, он знал про этих людей?

— После того как десять лет отработал в зоне? Вне всякого сомнения.

Значит, Вадим намеренно скрывал факт присутствия людей в зоне. Может быть, даже помогал им прятаться. А если учесть, как давно это поселение существует, то наверняка людей в зоне гораздо больше, чем самому Вадиму известно! А, может быть, здесь налицо *сговор*? Хотя Энрике сказал бы, что она принимает решение без достаточных на то оснований.

— То есть он солгал мне?

— Ну… скажем… — отозвалась Катриона, — умолчал кое о чем.

И это рано или поздно вырастет в проблему. Только вот поздно или рано?

Энрике нахмурился.

Катриона вздохнула, выбралась из флайера и принялась отстегивать шлем и маску.

— Ты что?! — забеспокоился доктор.

— Пойду, поговорю с этой девушкой. Сама она ведь ни за что не выйдет из кустов. Сидит там где-нибудь, съежившись, и плачет. Жестоко

оставлять ее так.

— Но твой муж очень расстроится, если узнает, что я позволил…

Катриона освободила прядь волос из-под герметизирующей застежки и заправила ее за ухо.

– *Позволил*? — негромко повторила она, и угроза прозвучала в ее голосе.

Затем, сжалившись над Энрике, закончила примиряюще:

— Совсем необязательно упоминать об этом.

Да уж, сказано совершенно в манере Майлза и, если подумать, была в этом некая космическая справедливость.

— Вот это и называется — Форкосиганы! — воскликнул Энрике, всплеснув руками.

Катриона улыбнулась доктору, засунула шлем под мышку и направилась к лесу.

— Оставайся здесь и будь начеку, — добавила она, чтобы он почувствовал, что состоит при деле, и не увязался бы за ней — а без него она сможет выяснить куда как больше.

— Эти люди могут быть *серийными убийцами*, — ворчливо бросил он ей вслед. — *Радиоактивными* серийными убийцами.

Не обернувшись и даже не замедлив шаг, Катриона отмахнулась от его слов.

Для нее эта прогулка может вылиться в ночь, проведенную в главной больнице Хассадара, подумала Катриона без особой радости. Навалятся на нее врачи с их терапией, будут иголки втыкать, заставят делать пи-пи в градуированные мензурки, а, может, и еще к чему принудят… Конечно, это лишь перестраховка — тем более что все дети, которых она хотела иметь и имеет, уже появились из генетически очищенных, замороженных эмбрионов, которых хранили в центре репродукции в Хассадаре до того момента, когда у их родителей (о, чудесный черный юмор!) появилось наконец время ими заниматься. И, так или иначе, земной поклон Ори Пим!

Очень медленно и спокойно Катриона шла к зарослям посреди бурелома, пока не остановилась в нескольких метрах от кустов. Там вповалку лежали гниющие стволы деревьев, перевитые зеленым диким виноградом и плющом; во все стороны вольготно раскинулись пышные побеги черники. Катриона села на землю, подняла лицо и позвала, постаравшись придать своему голосу материнские интонации — мягкие и успокаивающие:

— Эй! Мне очень жаль, что мы напугали тебя. Меня зовут Катриона. А тебя как?

Ответом ей была тишина.

— Я не призрак, — продолжала Катриона. — Я живой человек, женщина. А это просто такая смешная шапка, смотри!

Она надела на голову шлем и вновь сняла, отложив в сторону. У Майлза эти трюки получаются гораздо убедительнее — ему не раз доводилось демонстрировать нечто подобное. Но сейчас в деле был другой Форкосиган. Точнее — была.

В черничнике послышался легкий шорох. Катриона сидела неподвижно. Если эта женщина-девушка выскочит из зарослей и бросится прочь, нужно ли будет ее преследовать? Скорее всего нет. Да и куда ей бежать? Конечно, во всей зоне полных три тысячи квадратных километров, но… А, вот и она! Круглое, желтоватое, встревоженное лицо осторожно выглянуло из-за дерева. Девушка внимательно посмотрела на Катриону. Моргнула.

— Какая ты красивая! — произнесла она чуть надтреснутым голосом.

Катриона едва не вздрогнула, но подавила импульс. Когда в гостиных Форбарр-Султана к ней обращались с подобными комплиментами, это чаще всего была преамбула, за которой следовала просьба допустить просителя или про-

сительницу к аудиенции с лордом Форкосиганом. Или прелюдией к флирту, о чем, конечно же, по мнению человека, произносящего эти слова, не стоило сообщать лорду. Правда, такого рода кавалеров леди Форкосиган своим вниманием не удостаивала. Но все гостиные остались за тысячи километров отсюда… Поэтому она ответила без церемоний:

— Приятно слышать.

— Ты принцесса? — последовал вопрос.

— Нет!

И слава богу. А она ждала принцессу? Должно быть, через эти края проезжает не так много принцесс. Или здесь работает вывернутая логика волшебной сказки: если все принцессы — писаные красавицы, то все красавицы, соответственно — принцессы?

— Так как тебя зовут?

Долгая пауза, и ответ:

— Ядвига.

— Красивое имя!

Эпитет, который в случае с этой девушкой подходил, увы, лишь имени. Когда Ядвига наконец выбралась из зарослей, Катриона увидела, что ее шею украшает бугристый бесцветный нарост размером с кулак. Что это? Зоб или рак трахеи?

Или одновременно и то, и другое? Вот почему голос девушки звучал так хрипло, надтреснуто. Катриона непроизвольно сглотнула.

— Правда? — спросила Ядвига.

— Правда, — отозвалась Катриона.

И, не откладывая дела в долгий ящик, поинтересовалась:

— Ты знаешь Вадима Самми, смотрителя? Я встретилась с ним первый раз несколько дней назад. Похоже, он хороший человек.

Услышав имя смотрителя, девушка вышла из зарослей и села в отдалении на землю, бессознательно имитируя позу Катрионы. Вот она, магия имени. В Форбарр-Султане это тоже работает.

— Ты живешь в доме на трех столбах? — спросила Катриона. — Этот дом построил настоящий мастер.

Ядвига кивнула. Вырост на ее шее колыхнулся вверх-вниз. Катриона постаралась не смотреть на него и вообще никак не реагировать.

— А кто с тобой живет? — продолжала она. — Одному ведь жить плохо.

Хотя сейчас Ядвига была одна. Почему? Та палка, на которую была закрыта дверь, не являлась серьезным препятствием — достаточно хорошенько нажать изнутри, и она сломается. Но ведь

кто-то же сделал это, и именно снаружи!

— Со мной живет ма Роджи. И Борис. А еще Ингиси, я его люблю больше всех.

Ядвига склонила голову набок и спросила, в свою очередь:

— А где ты живешь?

— Иногда в Хассадаре. А иногда в Форбарр-Султане. Но мое любимое место — неподалеку от длинного озера у самых Дендарийских гор, возле Форкосиган — Сюрло.

Девушка попыталась осмыслить сказанное.

— Как много всего, — произнесла она наконец.

— Да, немало.

Трудно было сказать, что происходит в голове у этой простушки.

— И это далеко? — спросила Ядвига.

— Если на флайере, то не очень. Пешком, конечно, дойти туда трудно. А ты бывала в Хассадаре?

Девушка отрицательно покачала головой.

— А слышала о нем?

Ядвига кивнула.

— Мама с Вадимом иногда говорят о нем. И он привозит оттуда разные вкусные вещи. И мыло.

— Он молодец, — отозвалась Катриона.

Вот откуда взялись на полках в этом домишке разные коробки и банки.

— А он не предлагал тебе слетать в Хассадар? Или еще куда-нибудь?

Ядвига отрицательно замотала головой:

— Если мы появимся на той стороне холмов, люди нас убьют.

— Это не так, — возразила Катриона, стараясь говорить максимально убедительно. — Уже не так.

И содрогнулась.

Но Ядвигу, похоже, не убедили слова Катрионы. Взгляд ее стал тяжел и мрачен.

Катриона решила отвлечь девушку от неприятной темы.

— Ингиси — это тот бледный мальчик, со светлыми волосами, верно?

Та кивнула.

— Мне нравится их расчесывать, — сказала Ядвига. — Они мягче, чем грива у пони.

Да, образ впечатляющий.

— Это Ингиси приносит тебе радиофагов?

— Кого?

— Фиолетовых жуков с горящими золотыми цветами на спинках.

Энергично кивнув, Ядвига улыбнулась.

— Они красивые, верно?

— Тебе нравятся? Спасибо! Это я их придумала.

А тот человек, который прилетел со мной, он их сделал. Его зовут Энрике.

Маленькие глазки девушки расширились. Она нервно заерзала и слегка подалась назад.

— Сделал? Он что, *волшебник*?

— Нет, он просто ученый. Любой может сделать таких жуков, — ответила Катриона.

И ради точности добавила:

— Если, конечно, будет таким же умным, как Энрике, и станет долгие годы учиться, как учился он.

На это Ядвига двусмысленно нахмурилась. И задала новый вопрос, более конкретный.

— Ты замужем?

— Да. Но не за Энрике. У него есть жена, и ее зовут Марсия. А моего мужа зовут Майлз.

— Марсия красивая? — спросила Ядвига, нахмурив брови.

— Очень. Она высокая, у нее мягкие светлые волосы, хотя и не такие светлые, как у Ингиси.

Катриона помедлила и спросила:

— Тебе нравятся красивые вещи?

Девушка кивнула.

— Здесь, в зоне, много всего красивого. Растения, холмы, маленькие ручьи.

— Пони!

Катриона вспомнила мрачных коняшек, которых они видели с воздуха, и попыталась придумать про них что-нибудь хорошее.

— У пони пушистые ушки, — сказала она. — И бархатистые мордочки.

— И большие желтые зубы, — хихикнула Ядвига. — Они кусаются.

— Правильно. А еще иногда лягаются.

— Точно!

Ядвига уселась поудобнее и спросила:

— Тебе нравятся пони?

— Очень, — ответила Катриона.

— Хочешь, покажу моих?

— Конечно, но чуть позже.

Ядвига нетерпеливо заерзала, но Катриона не обратила на это внимания.

— Ты говорила про других — про маму Роджи и Бориса. Кто они такие? Я их не знаю.

— Это все ее место, — сказала Ядвига, махнув рукой в сторону хижины. — А Борис — ее настоящий сын. Он большой.

— И давно мама Роджи здесь живет?

— Всю жизнь, — ответила девушка, для убедительности кивнув.

Катриона хотелось вернуться к разговору о жуках, сказать, что они украдены и страшно ядо-

виты. Но она опасалась напугать Ядвигу. Что до кумулятивного эффекта радиационного загрязнения, то девушка явно превысила все возможные лимиты. Катриона внимательно рассматривала тонкие руки и опухшее тело Ядвиги. Это от голода? Или под кожей прячется еще одна опухоль?

— Ты не голодаешь? — спросила она. — Мама Роджи тебя кормит?

Ядвига опять махнула рукой. На правой у нее было всего пять пальцев.

— Да, кормит, — ответила она. — Только глотать больно. Из-за этой вот штуки.

Она сжала опухоль под подбородком, но тут же отдернула руку.

— Мы с Ингиси попробовали обвязать ее ниткой, чтобы оторвать, но было слишком больно. А потом мама сказала, что она растет изнутри и все равно ничего не поможет.

Она скорчила гримаску.

Катриона подавила поднявшийся в ней ужас. И произнесла, стараясь говорить спокойно:

— Боюсь, мама Роджи права. Тебе нужен настоящий врач.

Почему же ее не отправили в больницу? Какого черта, Вадим?

Смущенная, Ядвига наморщила свой малень-

кий нос, но затем пожала плечами.

Нельзя ее пугать, напомнила себе Катриона. *Так. Борис — настоящий сын.*

— А ты давно здесь живешь? — спросила она.

— Всю жизнь. Так мама сказала.

— И ты знаешь, сколько тебе лет?

— Конечно, знаю!

В голосе девушки прозвучали нотки негодования:

— Пятнадцать.

— Но ведь ты же не дочь мамы Роджи, верно? И Инги не ее ребенок, так?

— Нет! Мы *все* — ее дети!

И она вновь махнула рукой, на сей раз в сторону кладбища, утыканного столбами с насаженными поверх черепами.

— Когда мы были маленькими, мама сказала, что нашла нас меж капустных листьев, но это просто шутка. Там есть место в зоне, в лесу, где это произошло. Инги говорит, что видел его. Я не видела. Но знаю, что это Вадим привез меня сюда.

Вдалеке раздался приглушенный крик, и тотчас же — ритмический топот. Катриона обернулась и, опершись рукой о землю, приготовилась вскочить на ноги. Оказалось, что топот издают маленькие неподкованные копытца, а кричит

Энрике. По лесной прогалине мчался маленький пони с веревочной сбруей, а на нем сидел худой светловолосый подросток, обхвативший бока своего боевого коня босыми ногами. Следом за пони, в своем защитном костюме и маске, неуклюже бежал Энрике.

— Стой, маленький воришка! — кричал доктор.

Инги натянул веревочные поводья, и пони встал как вкопанный.

— Ядди! — закричал мальчик. — Беги! Это белые призраки!

Ядвига подняла на него глаза, но, в отличие от Катрионы, которая поднялась на ноги, не пошевелилась.

— Глупый! Это не призраки. Это просто люди в белых одеждах.

— Мама о них и говорила. Это чужаки!

Инги, как оказалось, был восприимчив ко лжи.

Ядвига, соображая, выпятила нижнюю губу.

— Мама говорила тебе — не ездить по солнцу, а ты ее не слушаешь.

Энрике воспользовался замешательством и, нагнав мальчика, схватил его за руку. В этот момент пони рванулся в сторону и, отбежав на несколько метров, опустил голову и принялся

щипать траву. Инги же оказался на земле, но, изогнувшись всем телом, вырвался из не слишком цепкой хватки Энрике.

Но больше он ничего не смог сделать, потому что Ядвигу, собиравшуюся что-то прокричать ему, вдруг поразил длительный приступ кашля. Откашлявшись, она плюнула на землю кровью. Кровавый сгусток, плюхнувшийся у ее ног, казалось, скорее раздражал ее, чем удивлял или беспокоил. Ладонью, на которой Катриона насчитала шесть пальцев, девушка подхватила и бросила на кровь немного земли — чтобы прикрыть от досужих глаз. Инги, всплеснув руками, бросился к ней и протянул край рубахи — вместо платка, — о который Ядвига, безразлично глядя по сторонам, отерла губы.

Катриона, воспользовавшись моментом, вновь села, кивком пригласив Энрике сделать то же самое.

— Привет! — сказала она, обращаясь к Инги. Она взяла на вооружение интонации одновременно материнские и светские; если первая его не смягчит, то вторая наверняка заставит успокоиться и вести себя прилично.

— Ты ведь Инги, верно? Ядвига мне о тебе рассказала. Меня зовут Катриона. А это — мой друг

Энрике.

И кивнула в сторону доктора.

Тот, конечно, предпочел бы, чтобы его назвали *доктор Боргос*, но, взглянув на сидящих перед ними детей, со всей присущей ему скромностью позволил Катрионе поступать так, как принято у них на Барраяре. Он медленно сел на землю. Инги, поняв, что он в этой компании находится в меньшинстве, опустился на колени. Пони, не обращая на людей никакого внимания, продолжал в некотором отдалении щипать траву.

— А я вас видел, — признал Инги. — В лесу.

Любопытство, которое Катриона обнаружила в мальчишке еще накануне, когда смотрела записи с камер, побороло в нем страх.

— В этих ваших костюмах.

Его взгляд постоянно возвращался к Катрионе, на этот раз сидевшей если не без костюма, то по крайней мере без его части — шлема.

— Ты за нами шпионил? — спросил Энрике. — Да еще и украл наших жуков!

Инги явно не чувствовал за собой вины.

— Вы оставили их в лесу, — сказал он. — А все, что остается в зоне, принадлежит нам.

— Хорошее объяснение, — покачала головой Катриона. — Но ты не прав. Ты же видел с нами

Вадима, верно? И он говорил с тобой прошлой ночью, не так ли? Наверняка просил тебя держаться подальше от нашего участка, да?

Это был выстрел в темноту — но ведь и Вадим бывал здесь затемно, а потому Катриона явно попала в цель. Возраста Инги был примерно такого же, как и ее сын, Никки, и его так же разрывали в клочки крайности подросткового возраста — то ему хочется, чтобы его хвалили, а то — чтобы оставили в покое. И эти резкие перепады от щенячьей радости к глухой угрюмости!

— Возможно, и просил, — отозвался мальчик.

— Мы знаем, что ты взял наших жуков, — сказал Энрике сурово. — У нас есть видео. И мы нашли их в этом вашем сарае.

Выждав краткую паузу, он продолжил:

— Там все, что ты украл? Или есть где-нибудь еще? А, может, ты их потерял?

Инги опасливо пожал плечами.

— Большинство здесь, я думаю.

— Но зачем ты их взял? — почти кричал Энрике.

Инги опять пожал плечами.

— Они нравятся Ядвиге, — ответил он. — Это подарок.

— Боюсь, что тебе придется их вернуть.

Катриона подняла руку — не будем, дескать, принимать поспешных решений — и спросила:

— Подарок? А у нее был день рождения?

До Нового года оставалось еще почти полгода.

— Да нет, — ответил Инги. — Она же болеет.

Его пальцы сами, без участия хозяина, копались в земле, вырывая стебли травы. Инги отвел глаза и продолжил:

— Эти жуки гораздо лучше цветов. А цветы она может и сама найти.

— Ты знаешь, насколько она больна? — спросила Катриона.

Твоя подруга умирает! Ты знаешь об этом?

Инги опустил глаза.

— Знаю, — сказал он.

Знаю…

Деревенские дети гораздо хуже защищены, чем городские. Ни при рождении, ни в болезни, ни в другие периоды своей жизни. Смерть постоянно витает над ними. Особенно если дети живут в подобных, совершенно незаконных лагерях на зараженной территории.

— Это особенные жуки, — сказала она вслух, — и они для нас очень важны. Они важны для будущей жизни зоны, для всего Округа.

— Она говорит, что они сами *сделали* этих жу-

ков, — вступила в разговор Ядвига. — Ты веришь в такое? Как люди могут *делать* жуков?

Инги с сомнением покачал головой.

Когда они встречались в деревнях с простыми людьми, Катрионе в какой-то момент приходилось растолковывать тамошним жителям, что это за жуки и зачем они нужны. Нередко оказывалось, что древние — песок сыплется! — старички бывали лучше образованы, чем подрастающее поколение. Инги и Ядвига относились к последнему. *Придется приложить усилия*.

— Энрике начал с обычных жуков, а потом вырастил этих. У них особая роль. Вы же знаете, что зона есть зона и жить здесь нельзя, потому что все здесь заражено. Радиоактивность.

— Радиоактивность — это очень плохо, — кивнула Ядвига. — Так мама говорит.

Инги смотрел на Катриону с подозрением.

— Вадим сказал нам, что вы, городские, преувеличиваете опасность. И это хорошо — пусть народ держится отсюда подальше. Нам здесь никто не нужен.

Катриона помедлила, после чего произнесла:

— С жуками все достаточно сложно, но, если говорить проще, эти жуки поедают радиацию. Мы думаем, что с их помощью мы очистим зону

и здесь опять смогут жить люди.

Энрике нервно повел плечами — ему не понравилось это слишком прямолинейное объяснение, но он счел неразумным вмешиваться. Хотя она могла бы побольше рассказать об опасностях, которые подстерегают людей в зоне.

— Так мы здесь и так живем, — возразила Ядвига.

— Я имею в виду жить и *не болеть*, — уточнила Катриона. — Не болеть раком трахеи или саркомой. Другими, не такими опасными болезнями.

Она тронула себя за шею. Инги вздрогнул, а Ядвига нахмурилась.

— Фокус состоит в следующем, — продолжала Катриона. — Жуки поедают радиоактивность и сами становятся радиоактивными. Поэтому я и попросила Энрике сделать им на спинках трилистники. Сияющие золотые цветы. Это предупреждение. Чем ярче свет, тем опаснее жук, и трогать его нельзя.

Обдумывая сказанное, Инги нахмурился.

— Почему же тогда жуки не умирают? — спросил он. — Если они едят яд.

— Со временем, конечно же, умирают. Но только после того, как наберут достаточно радиоактивности и их можно будет увозить. В этом

есть некоторая доля героизма, я думаю.

Хотя можно ли считать героями машины, пусть и биохимические?

Ядвига выглядела крайне расстроенной.

— Они все умрут? — спросила она. — Но они ведь такие красивые!

— Все умирают, — отозвался Инги мрачно и тут же замолчал.

Понял, что поступил бестактно? Интересно!

Катриона чувствовала: больше всего ей хочется сейчас же скрутить этих беспомощных подростков и, не дожидаясь согласия взрослых, погрузить во флайер и отвезти в Хассадар, в главный госпиталь. А потом вернуться с бригадой и привести здесь все в порядок. Только вот какой бригадой? Смотрителей? Или муниципальной полиции Хассадара? А, может быть, с гвардией Форкосигана? Ведь это смотрители должны были следить за местностью, чтобы не допустить подобных кошмаров! *Черт бы их побрал!*

Хотя ни полиция, ни гвардейцы не испытают особого счастья, если их поднять на эту операцию — вне зависимости от того, обладают они навыками работы в зараженной зоне или нет. *Дьявол прячется в мелочах*, как любит говорить Майлз, а у нее пока слишком мало этих мелочей,

мало деталей, без которых понимание того, что происходит, ей пока недоступно.

— Вадим не предлагал вам поехать с ним? Скажем, на врачебный осмотр? — спросила Катриона, обращаясь к Инги.

Инги выпучил глаза и почти прокричал:

— Да куда же мы поедем? Они расстреляют всех наших собак, всех коз и пони.

Ядвига взволнованно закивала.

Одной из обязанностей смотрителя зоны была выбраковка одичавших собак, но только в том случае, если немногочисленные жители окрестных деревень сообщали о том, что собаки вторгались на их территорию и нападали на скот и людей. Раньше смотрители отправлялись охотиться на диких собак верхом, в сопровождении своих собственных свор; теперь же занимались этим делом с воздуха, применяя для поиска сканеры. Хотя деревенские жители и сами легко справлялись с возникающими проблемами — никто ведь не считал, сколько старинного оружия незаконно хранится, аккуратно припрятанным, по окрестным деревням.

— У вас есть козы, которые дают молоко? — спросила Катриона, решив подойти к проблеме с другой стороны. Конечно, козы были. Кто же

откажется от животных, дающих такое вкусное молоко? А вывезти их из зараженной зоны просто некому. Молочные козы — это вам не белые призраки, это реальность!

Ядвига кивнула. Сердце у Катрионы упало. *Это же самоубийство — пить молоко зараженных животных*, подумала она.

— Я их дою, — гордо сказала девушка. — Это моя работа.

И укоризненно посмотрела на Инги.

— Где они? — спросила она мальчика.

И, глянув на Катриону и показав на Инги, добавила:

— А пасти их — его обязанность.

— Они с той стороны, — ответил Инги, сделав неопределенный жест в сторону дома на столбах, за которым Катриона и Энрике оставили флайер. Катриона проследила направление и увидела в зарослях силуэты животных, пощипывавших листья кустарника. Вносивших дополнительные порции радиации в пищевую цепочку.

— Нельзя пускать их в огород! — набросилась Ядвига на Инги, на что тот, защищаясь, ответил:

— Так они и не в огороде.

После чего продемонстрировал более тесное знакомство с козами, добавив:

— Пока.

Девушка вжала голову в плечи.

— Как бы там ни было, мама говорит, что никогда отсюда не уедет. Я однажды слышала, как она говорит об этом Вадиму и Борису. Она думала, что мы спим, а мы не спали. Она говорила, что хочет быть похороненной в своем доме. А если так, где же мы будем тогда жить?

— Еще она говорила Вадиму, — вступил Инги нерешительно, — что старый граф Петер велел всем оставить ее в покое. А Вадим сказал — если те, кто помнил это, умерли, как она это докажет? Мама не нашлась с ответом.

И через мгновение добавил:

— Правда, потом она отвесила ему подзатыльник. Ясно, ей не понравилось то, что он сказал.

Катриона продолжала терпеливо расспрашивать подростков. Ядвига была старше, зато Инги — смышленее, и он мог знать больше.

— И когда мама Роджи здесь поселилась? — спросила она.

— Она живет здесь все время, — повторила Ядвига, хотя и не так уверенно. И вдруг, словно вопрос Катрионы ударил ее, вздрогнула и добавила:

— Борис должен знать. Он много чего знает.

Но тут вмешался Инги.

— Вы всего-то туристы из города, — заявил он, явно теряя терпение. — И вы тут никто.

И, повернувшись к Ядвиге, сказал:

— Ты не должна им ничего говорить.

Не успела Катриона решить, чем бы снять агрессивность мальчика, как Ядвига ответила ему:

— Не беспокойся. Придет Борис и прогонит их. Помнишь, как он прогнал того плохого охотника?

Инги прикусил губу.

— Заткнись! — зашипел он на девушку. — Молчи — и все!

Ядвига, обиженная, втянула голову в плечи.

Что это за история? Наверняка ничего хорошего. Катриона не без труда заставила себя опустить руку в загрязненной перчатке, которой она хотела потереть лоб. Свербило в носу.

— Вадим вас часто навещает? — спросила она.

О Вадиме дети говорили безо всякого страха, что, в свою очередь, смягчало гнев, который вызвало в душе Катрионы поведение смотрителя.

Ядвига с готовностью закивала.

— Он приезжает, когда у него выходной, — сказала она. — Хотя и не каждый раз. Он научил Инги читать. Но Вадим не хочет покатать нас на

своем флайере.

По кислой мине Инги Катриона поняла, что это и его больная мозоль.

— Можешь попросить его покатать тебя на твой следующий день рождения, если…

Он резко замолчал.

Если не умрешь?

— Так вы никогда не летали? — спросила Катриона. — И никогда не видели сверху ни зону, ни весь Округ?

А что, это было бы неплохо — хитростью забрать эту парочку в госпиталь в Хассадаре. Но Катриона отложила в сторону эту мысль. Пока отложила.

Инги поневоле вновь оживился.

— А летать — это интересно? — спросил он.

— Это как волшебство? — поинтересовалась и Ядвига.

Катриона моргнула, неожиданно осознав: для кого-то самые обыденные вещи могут показаться фантастикой — и наоборот. Мы слепы к тому, к чему привыкли.

— Да, очень интересно, — сказала она. — Я люблю летать.

И добавила:

— Мой муж подарил мне новенький флайер

недавно.

Подростки были ошеломлены.

— Он, должно быть, очень тебя любит, — сказала Ядвига.

— Да, это так, — признала Катриона.

— Он богатый? Как принц?

— Никаких принцев больше нет, Ядди, — презрительно хмыкнул Инги, который опять начал терять терпение. — Принцы были на Старой Земле.

— Неправда! — возразила девушка. — Вадим сказал, что в Форбарр-Султане родился маленький принц. Это за тридевять округов отсюда, там, где в золотом дворце живет сам император.

Последняя фраза была произнесена Ядвигой нараспев, в волнующем ритме сказочного зачина.

— Это так? — спросила девушка Катриону.

— Не вполне.

Инги удовлетворенно фыркнул.

Катриона вздохнула.

— Столица лежит всего за три округа отсюда, на севере, — объяснила Катриона. — Императорская Резиденция построена из серого камня. Там живут два принца и принцесса, но она еще маленькая.

Она увидела, как Энрике под маской одобри-

тельно вскинул брови. Очевидно, ему пришлась по душе почти научная точность описания, данного Катрионой.

Подростки молчали, переваривая сказанное.

— И это действительно так? — спросил наконец Инги.

Энрике посмотрел на мальчика. Они вполне могли бы подружиться, подумала Катриона, тем более что, похоже, доктор уже не так злится на Инги, да и жуки вроде нашлись.

— Да, — сказала она.

Ядвига устроилась поудобнее с самым довольным видом. Еще бы! Она живет в мире, где существуют самые настоящие принцессы! Катриона вспомнила ту совершенно безоблачную радость, когда во время ее последнего визита в Резиденцию Грегор и Лаиса показывали ей свою малышку. А что чувствовали родители Ядвиги, когда оставили ее в зоне, просто выбросили, обрекая на смерть?

В Дендарийских горах в суровые времена Периода Изоляции существовал обычай перерезать горло младенцам-мутантам — обычай, который некоторое время тайно поддерживался и в современную эпоху, пока не был запрещен окончательно. *Там, в лесу, есть место*... А здесь,

где ландшафт не так суров, и обычаи были помягче. На первый взгляд. Но, похоже, от них так и не отказались. *Где этот лес, видений полный… приют младенцев, брошенных в чащобе*. Катриона отчаянно нуждалась в фактах. Но они могли оказаться и пострашнее ее фантазий.

— Инги! — прозвучал грубый голос, эхом прокатившийся по лесу. — Да где этот шалопай? Инги! Твои козы опять гуляют где ни попадя. Уж я надеру тебе одно место!

Кричавший, судя по голосу, слишком устал, чтобы немедленно привести угрозу в исполнение. Он приближался и, насколько можно было понять, как раз подходил к хижине на столбах.

Будь осторожна и не выдавай своих желаний…

Из лесу показались двое людей, ведших в поводу пони, нагруженного мешками, свисавшими по обе стороны крупа. Один из них, юноша среднего роста, придерживал рукой кое-как закрепленное на спине животного старое выцветшее кресло, обивка которого местами прорвалась, обнажая поролоновое нутро. Увидев белые одежды непрошенных гостей, юноша набычился и сделался, казалось, еще более приземистым.

Позади него шла женщина, выглядевшая гораздо старше своего спутника. На ней была юбка из

грубой ткани, кофта и тяжелые башмаки. Ростом чуть пониже юноши, а фигурой посуше, она отличалась также более цепким и суровым взглядом. Пони воспользовался общим замешательством и попытался сбросить плохо закрепленную ношу, которую юноша подхватил и мягко опустил на землю.

Вот они, взрослые, несущие ответственность за этих детей. Наконец-то!

Кем бы они ни были…

— Проходимцы! — зарычала женщина, надвигаясь на Катриону и Энрике, по-прежнему сидящих на земле.

Юноша достал из поленницы длинную жердину и угрожающе поднял ее.

— Побить их, мам? — спросил он.

Энрике дернулся, пытаясь вскочить, но Катриона жестом заставила его сесть на место. Под защитным костюмом у нее был спрятан шокер, но быстро достать его она была не в состоянии. В воздухе повисло явственное ощущение угрозы, и никто из противников не собирался отступать, даже если бы дело дошло до потасовки.

Паук тебя больше боится, чем ты его, — говаривала бабушка Катрионы, бесстрашная и насмешливая старуха. Катриона знала, что роль

такого паука-убийцей исполняла сейчас эта женщина, а не сопровождавший ее юноша — вероятно, Борис. Ядвига не видит опасности, а Инги, конечно же, попытается сыграть на ней…

— Эй, вы! — крикнула женщина, размахивая руками так, как будто перед ней были не люди, а парочка коз, и она пыталась отогнать их. — Смотрители вас сюда не привозили. И вам здесь не место. Это наши земли. Убирайтесь!

Катриона пристально смотрела женщине в глаза. Как бы в такой ситуации повел себя Майлз? Властность в голосе и непреклонная воля в действиях. Так поступит и она.

— Ничего подобного!

Катриона встала, краем глаза увидев, как Инги в удивлении открыл рот, а Энрике вновь дернулся, чтобы в случае чего вскочить и защитить ее. Она подошла к женщине и посмотрела той в глаза, с некоторым неудовольствием отметив, что, пока долговязый Энрике сидит, ей, как самой высокой, проходится доминировать над пространством конфликта.

— Лорд Форкосиган наделил меня полномочиями надзора за Окружным департаментом землеустройства, в чью сферу влияния входит зона отчуждения Вашнуй. И мы стоим на земле

лорда Форкосигана.

Женщина отпрянула, беззвучно шевеля челюстью. Видно было, что она никак не ожидала таких слов от чужака.

— Но он же не пользуется этой землей, верно? Это проклятая земля. Убирайтесь, или я тоже прокляну вас.

Женщина, вне всякого сомнения, весьма убедительно играла роль Бабы-яги — неопрятные седые космы падали на морщинистый лоб, украшенный кустистыми бровями, под которыми горели злобные вороньи глаза. К тому же этот парень со своим поленом! Катриона с трудом сдерживала дрожь. Наверняка этими угрозами ей уже удавалось отваживать тех, кто вторгался в ее владения.

Если Борис сделает попытку напасть, Катриона отобьет удар, после чего, отскочив в сторону, расстегнет защитный костюм и вытащит шокер. Но пугало ее даже не это. Вдруг полено обрушится на незаменимую голову Энрике? Сердце Катрионы бешено билось в груди. Если случится самое страшное и эта банда, спрятав их с Энрике тела, избавится от флайера, Майлз вывернет всю зону наизнанку и будет преследовать эту семейку, куда бы та ни отправилась. И тогда уж это не

принесет радости никому. *Прокляты* будут все.

Напряженное молчание вдруг прервал Энрике, который с самым невинным видом спросил:

— Серьезно? И как это должно работать? Пожалуйста, опишите поточнее.

Мама Роджи и Борис могли подумать, что он либо бросает им вызов, либо издевается. Катриона же предположила, что, как истинный ученый, Энрике применяет к ситуации метод двойного слепого исследования — для получения точных и объективных результатов.

В полном замешательстве мама Роджи посмотрела по сторонам, не понимая, что от нее требуется.

Сейчас или никогда.

Катриона стянула с правой ладони перчатку и протянула женщине руку.

— Вы ведь мама Роджи, верно? А я — леди Катриона Форкосиган. И мы прилетели для того, чтобы уничтожить все поводы для взаимных проклятий. Нам нужно поговорить.

Катриона боялась, что мама Роджи не поймет смысла ее жеста, тем более что Ядвига влезла со своими уточнениями:

— Ее приятель — волшебник, мам. Он делает жуков.

— Ученый, а не волшебник, — мрачно уточнил Энрике, уже отчаявшись, что его услышат.

А это куда опаснее, чем волшебник.

Протянув руку для пожатия, Катриона была готова ко всему — и к тому, что эта женщина просто ударит по ней. Но мама Роджи не сделала этого.

— Лорд-мутант, стало быть, твой муж? — спросила она, сверкнув глазами сквозь заросли бровей.

Катриона вспомнила, сколько разговоров ходит об этой особенности ее Майлза и как мало им верят, но ничего не стала об этом говорить, произнеся только:

— Да.

Мама Роджи не стала ни пожимать руку Катрионы, ни бить по ней. Вместо этого она спрятала свои руки за спиной — как ребенок, желающий избежать любого контакта. Напряжение не спадало, хотя Борис по крайней мере уже опустил полено, которое по-прежнему держал в руке.

Продолжай говорить! Майлз постоянно бормотал во сне, и, если прислушаться и попытаться разобрать слова, сны, которые он в это время видел, отдавали каким-то сюром. *Более сюрреалистично, чем то, что происходит теперь?* Катриона вздохнула:

— Мне кажется, разговор будет долгим. Может быть, найдем местечко поудобнее?

Это было особенно нужно Борису, который, застыв в угрожающей позе, явно нуждался в том, чтобы присесть и перевести дух. Настоящий сын? Да, прослеживается некоторое сходство в строении костей и цвете кожи. Отца у Бориса нет. Похоже, еще одна мрачная история…

— Нам придется долго говорить и долго слушать, — добавила Катриона.

— Вот как? — произнесла мама Роджи, вытянув из-за спины одну руку и показав ею в сторону хижины на сваях.

* * *

Повинуясь распоряжениям мамы Роджи, дети принялись разгружать пони, а Борис потащил привезенное кресло в хижину, воспользовавшись помощью Энрике, вместе с которым поднял его на крыльцо. Вне всякого сомнения, кресло было найдено где-нибудь на свалке, которых в зоне было предостаточно. Отправив Инги загнать коз в стойло, мама Роджи вальяжно развалилась в кресле, будто государыня на троне. Гостей она не стала приглашать внутрь, но отправила Ядвигу за двумя достаточно потрепанными подушками

— Катриона и Энрике могли усесться на них. Теперь, когда у Ядвиги появилась знакомая принцесса или по крайней мере настоящая леди, она не хотела отходить от нее ни на шаг. Это хорошо — так ей легче будет расстаться с жуками. Инги вернулся, и молодежь, включая Бориса, который, несмотря на свои внушительные размеры, все-таки не мог считаться по-настоящему взрослым, уселась на крыльце, свесив ноги вниз.

Объяснить суть проекта с жуками-радиофагами было непросто даже с учетом технических комментариев, которые по ходу рассказа делал Энрике. Инги в конце концов предложил взять какого-нибудь жука в качестве иллюстрации того, что рассказывала Катриона, и вся компания направилась к сараю. Борис при этом оставил свое полено на крыльце — явный прогресс в отношениях.

Оказалось, что мама Роджи до сих пор ничего не знала о том, что Инги ворует жуков. И, хотя мальчик настаивал, что это подарки, она отвесила ему подзатыльник.

— Идиот! — прорычала она. — Именно *поэтому они* и прилетели.

Трудно было определить выражение, отразившееся на ее лице. Отчаяние? Ярость? Или,

может, надежда? Нет уж, только не надежда и не облегчение.

— Это так, — согласилась Катриона. — Но это все равно должно было случиться. Если нам удастся добиться успеха, это изменит жизнь всей зоны.

Она не говорила, что маме Роджи и ее семье придется с этим смириться, но это было ясно и без слов.

Нужно было уяснить многое.

— Давно вы здесь живете? — спросила она, обведя глазами дом, огород, сарай. И, конечно, кладбище. — Мне кажется, Вадиму придется многое мне объяснить.

А также давать объяснения придется начальнику Вадима и всем его коллегам, кто вольно или невольно участвовал в утаивании того, что происходит в зоне.

Ядвига, возможно, и не понимала всех деталей, но по общему тону разговора уяснила, что Вадиму угрожает опасность, и тотчас же бросилась ему на помощь:

— Вадим мне как старший брат. Он о нас заботится. Вадим хороший!

Ядвига говорила и говорила, и, не надеясь ее остановить, мама Роджи кивком пригласила Катриону оставить на время компанию.

— Идем. Только ты и я. Прогуляемся.

Катриона подавила чувство сомнения:

— Отлично. Идем.

Энрике тем временем загрузил молодежь работой по поимке, подсчету и размещению сбежавших жуков, одновременно, причем совершенно безвозмездно, читая детям лекцию. Катриона же последовала за хозяйкой в лес, подальше от посторонних ушей. Там мама Роджи показала на два лежащих подле друг друга ствола дерева. Катриона устроилась на одном из них, попутно вспомнив поговорку*: стоит тебе присесть, и любая трагедия превращается в комедию.* Хотя здесь, похоже, этот номер не пройдет.

Мама Роджи села напротив, напряженно размышляя. Катриона ждала.

Наконец женщина, склонившись и зажав ладони между коленями, посмотрела на землю под ногами и сказала:

— Ты, конечно, слышала о мародерах из Вашнуя.

— Банда, которая свирепствовала в этих краях тридцать лет назад, у которой в зоне было убежище?

Катриона помнила эту историю. Случайная кража привела к воровству бесшабашному и

отчаянному, оно же с неизбежностью повлекло за собой убийство — сначала по неосторожности, а потом и преднамеренное. Совершенно бессмысленное и жестокое уничтожение всех обитателей отдаленной фермы переполнило чашу терпения окружных властей, и воспоследовала кара.

Женщина кивнула.

— Старый граф Петер повесил всех, — сказала она.

Галактическая система терапии и реабилитации преступников еще даже не брезжила на горизонте. Зная кое-что об этом деле из кошмарных отчетов, хранящихся у Майлза, Катриона ничуть об этом не сожалела.

— Всех, кроме меня, — продолжала мама Роджи. — Меня спасло мое брюхо.

Катриона моргнула. Все верно. Тогда, в Период Изоляции, беременных не казнили — обычай, который поддерживался и в те времена, когда появились более современные способы обхождения с преступниками. Петер, вне всякого сомнения, был человеком старых добрых правил — по крайней мере таковым его сделали годы борьбы и опыта. Вообще, злодеяния этой шайки мародеров входили в компетенцию местных судов, но смертные приговоры — по закону — отправлялись на

утверждение Суда графства.

— Старый Петер предложил мне на выбор — либо тюрьму, либо виселицу. А я попросила отправить меня в зону. И он сказал: *да будет так*, и мальчик-пристав ударил тупым концом копья в пол. Таковы были правила в суде. И вот я оказалась тут.

В архиве суда в Хассадаре, конечно же, можно найти все жуткие подробности этого дела — если, конечно, у Катрионы достанет выдержки и любопытства. Поэтому нет смысла заставлять эту *старую* женщину (вряд ли ей больше пятидесяти, но выглядит она действительно как старуха) копаться в памяти, да еще и признаваться в этом постороннему человеку. Катрионе важно не то, что было, а то, что есть. Она кивнула — *продолжайте!*

— Мне здесь понравилось, — продолжала женщина. — Мало-помалу все меня оставили в покое. Впервые за свою глупую молодую жизнь я стала жить самостоятельно. Правда, люди Петера приглядывали за мной. В те годы они посмеивались над этими штуками — дозиметрами, по поводу которых нынче так беспокоится Вадим. Когда Борису было три года, я и нашла в лесу эту поляну — там, где люди оставляли свои тайны.

Она сделала паузу, мельком взглянув на Катриону.

— Там, знаешь ли, оставляли не только мутантов. В Период Изоляции был еще и голод, а потому не все могли позволить себе больше одного ребенка. Особенно если первым рождался мальчик, хотя, по мне, так девочки гораздо лучше.

— Понимаю, — отозвалась Катриона — важно было показать, что она слушает. Слушает и в самом деле понимает.

— Так у меня и появилось это занятие, находить в зоне брошенных детей. Правда, с годами их становилось все меньше. Последним был Инги, тринадцать лет назад. А после этого — никого.

— Что же произошло тринадцать лет назад?

Мама Роджи пожала плечами.

— Передвижные больницы Форкосиганов добрались до самых дальних деревень по ту сторону холмов, — проговорила она.

Точно! Катриона помнила, как ее обычно жизнерадостная и спокойная свекровь бушевала по поводу необходимости модернизации окружных систем образования и здравоохранения. Петер позволил своей галактической невестке заниматься школами только начального уровня, маленькими детьми — не больше. Но, когда после

смерти старого графа Округ оказался полностью в женских руках, тут-то она и развернулась, начав с организации технических школ для молодежи. Сперва большие города — там проще было охватить максимальное количество людей. Потом дело дошло и до передвижных клиник — вот вам и крайнее звено в цепи системы распределения жизненных благ.

— Так оно все и закончилось, леди, — сказала мама Роджи. — Прошли годы, и все закончилось.

— Нет, — возразила Катриона, — все только начинается.

— Не для меня, — покачала головой женщина. — Я-то знаю вашу породу. Думаете, что можете все, но это не так.

Катрионе не хотелось спорить. *Ей бы встретиться с Майлзом*, подумала она.

— А что это за история с Вадимом и Ядвигой? — спросила она.

Мама Роджи вновь пожала плечами.

— Когда она родилась, Вадиму было всего пятнадцать. Его родители послали ее сюда. Вадим страшно переживал, но его отец сказал, что это для его, Вадима, блага. А по мне, так все равно, что топить котят.

Катриона вздохнула.

— Потом Вадим приходил ее проведать, еще до того, как стал смотрителем. Вскоре его отец разбился в дорожной катастрофе, а мать воспользовалась билетом в один конец на Зергияр. Когда графа забрали на должность вице-короля, эта программа еще работала. И вот она улетела и оставила здесь все свои печали. Говорят, еще жива.

— Вам всем, — начала Катриона, глядя на голые руки своей собеседницы. — *Нам* всем первым делом нужно отправиться в главный госпиталь в Хассадаре, чтобы проверяться. Только тогда можно будет принять решение и начать лечение.

Мама Роджи саркастически усмехнулась:

— Думаешь, что сможешь их увезти? К тому же для Ядди слишком поздно. Мы об этом знали всегда.

— Может быть, — признала Катриона. — А, может быть, и нет. Никто, кроме врачей, не скажет наверняка. Кстати, Инги выглядит вполне здоровым. Как и Борис.

— Нельзя взять да и швырнуть детей в большой мир после всех лет, что они провели со мной. Они там просто утонут. Ядди — наверняка! А Борис… Однажды он уже убегал. Но потом притащился, едва живой. А Инги — его же разорвут на куски

мальчишки его возраста. Может быть, тело и не тронут, но сердце… Ты не знаешь, насколько жестоки дети, когда их много.

Катриона сжала губы.

— Я замужем за лордом-мутантом. Мне не нужно ничего объяснять. Я все знаю от Майлза.

Мама Роджи дрогнула подбородком. Нет, ее не испугали слова Катрионы — испугать ее было непросто. Может быть, она была слегка обескуражена. А малейшая брешь в ее защите, основу которой составляла уверенность в том, что все обстоит скверно в этом худшем из миров, была уже победой.

— Мне ясны твои опасения, — продолжала Катриона, — но сейчас там все совсем не так, как было тридцать лет назад. Как только дети окажутся в безопасности, у тебя будет время подумать. И никто никого никуда не собирается бросать. Мы сможем за всем следить и все контролировать.

Катриона отлично понимала, кто будет этим заниматься. Плюс еще одна забота в дополнение к тем, что занимают ее дни и ночи. *Я справлюсь. Я всегда справляюсь.* Она подняла голову.

— Если бы я не знала этого, не говорила бы, — закончила она.

— Лучше бы ты вообще ничего не говорила,

— отозвалась мама Роджи. — Пока вы, чужаки, не явились сюда, у нас все было хорошо. Все оставили нас в покое.

Катриона с сомнением покачала головой.

Тем временем ее собеседница подняла голову, прислушиваясь. Катриона последовала ее примеру. Так и есть — приближался грузовой флайер.

— Беда не приходит одна, — ворчливо проговорила мама Роджи, поднимаясь на ноги. — Кого-то еще несет.

Катриона последовала за ней на прогалину перед хижиной и увидела, как там садится грузовой флайер. Старый знакомый: на бортах — фамильный логотип Форкосиганов, изображающий горы и кленовые листья, в кабине — Вадим.

Вадим выпрыгнул из машины. На нем был обычный костюм, в руках — две сумки с продуктами. Увидев Катриону, идущую к флайеру следом за мамой Роджи, он от удивления выронил сумки, сунул руку во внутренний карман и, вытащив шокер, застыл.

Они смотрели друг на друга, глаза в глаза. Тягостные мгновения — никто не понимал, что произошло и что им теперь делать.

Наконец, сложив руки на груди, Катриона сухо сказала:

— Если ты сделаешь вид, что никогда не вытаскивал эту штуку, я притворюсь, что ничего не было.

Ясные четкие линии, составляющие контуры лица Вадима, вдруг словно оплыли. Камень превратился в мягкую глину. Рука его дрогнула, и он медленно отправил оружие в кобуру. Катриона усилием воли заставила себя выровнять дыхание.

Наконец она выпрямилась и подошла к смотрителю.

— Полагаю, это контейнеры для транспортировки жуков, верно? Энрике крайне в них нуждается.

— Но как…

— Достань их. Мы нашли пропавших жуков. Они — в сарае, где козы. Там же, с ними, и Энрике.

Она внимательно посмотрела на Вадима. Почему на нем нет защитного костюма и шлема?

— Наверняка в грузовом отсеке найдутся защитные средства. Одна пара для тебя, а мне понадобится правая перчатка.

И она продемонстрировала свою обнаженную ладонь.

— О, да, конечно, леди Форкосиган!

Простые приказы его успокаивали; рутинные действия — самая надежная опора в моменты неопределенности.

Пока мама Роджи забирала покупки, Вадим открыл грузовой отсек флайера и извлек оттуда контейнеры и перчатки. Катриона надела перчатку на правую руку, сомневаясь, что она сильно поможет; впрочем, в перчатках будет легче управиться с нагруженными контейнерами. Передав Катрионе два контейнера, он понес вторую пару.

Мама Роджи наблюдала за всем этим в угрюмом молчании. Затем она подхватила сумки и направилась к хижине.

— Пришли мне детей, — сказала она Вадиму. — Нам нужно кое-что решить.

Вадим кивнул и отправился к сараю — направление он знал отлично.

— О, Вадим! — с улыбкой встретил его Энрике, когда они обошли сарай. — Рад тебя видеть. Контейнеры? Отлично! Я как раз думал, куда их поместить… О… а где твой защитный костюм? И дозиметр?

— Я не ношу их, когда просто прилетаю в гости, — с легкой дрожью в голосе отозвался Вадим.

Стоит ли держать его на этой работе? Даже если сейчас он как-нибудь выкрутится. А интересно,

насколько его беспокоит происходящее?

Сияющая от радости, подбежала Ядвига и обняла Вадима. Под пристальным взглядом Катрионы и Энрике он взъерошил ей волосы привычным жестом.

— Привет, малышка! — сказал он.

— Ты уже видел эту леди? Неправда ли, она красива?

— Да… и… я работаю с ней.

— Вот как? — спросила она. — И почему ты нам об этом не сказал?

На ее круглом лице легко читалось любое чувство; на этот раз — чувство обиды.

— Я там недавно, — отозвался Вадим, словно извиняясь. И, переменив тему, приказал:

— Мама хочет, чтобы вы все вернулись в дом.

И похлопал Ядвигу по плечу ладонью.

— А потом, — вступила Катриона, — мы все улетим на грузовом флайере. Сначала — на станцию очистки, а оттуда нас отвезут в Хассадар, в главный госпиталь.

Да, это мог бы быть самый настоящий культурный шок, если бы Катрионе не удалось смягчить удар.

— Там мы проведем ночь, — продолжила она, — и нас немного полечат. А Ядвигу осмотрят вра-

чи и посмотрят, что можно сделать с ее горлом.

Она тронула себя за шею.

— О!

Ядвига была в большей степени смущена, чем обрадована этой новостью. Инги же, поначалу просиявший при известии о предстоящем полете, бросил на Катриону пристальный взгляд, в котором она прочитала страх. Не разочарует ли она детей? Сможет ли гарантировать обещанное? Сбудутся ли их надежды?

— А как же наши козы и пони? — повернулась к Вадиму Ядвига. — Ты же будешь ухаживать за ними, пока нас не будет?

Вадим бросил мрачный взгляд на Инги.

— Вероятно, мне уже не удастся сюда прилетать, — сказал он.

— Но кто же о них тогда позаботится?

И тут вмешался Борис — тоном человека, знакомого с грязной изнанкой жизни:

— Я думаю, нам с Вадимом придется пристрелить их.

— О, нет! — воскликнула Ядвига, и ее маленькие глазки наполнились слезами.

Энрике, который чуть в стороне открывал контейнер, недоуменно захлопал глазами.

— Что происходит? — спросил он.

Вадим объяснил, не скрывая печали в голосе:

— Любое животное, которое не может жить самостоятельно, должно быть уничтожено. В долгосрочной перспективе это… менее жестоко.

Энрике прищурился, после чего сказал со свойственной ему рассудительностью:

— А почему бы нам не перевезти их на задний выгон нашей фермы? Мы же его ни для чего не используем! Объявим его карантинной зоной. Мне как раз для наблюдений нужны крупные млекопитающие, которые долго подвергались воздействию радиации.

Слава богу! Энрике всегда видит возможности там, где другие видят препятствия. То, как Энрике посмотрел на стоящую перед ним молодежь, Катриона предпочла не комментировать. *Разумеется, они для него тоже крупные млекопитающие.*

Ядвига перестала плакать.

— А это хорошее место? — спросила она.

— Очень, — ответила Катриона. — И ты позже сможешь их навещать.

— Здорово!

Воодушевлен был и Борис. Сколько им всем пришлось испытать! А теперь — все идет к лучшему. Как он мог быть таким грубым? *Пусть это*

станет ему уроком. Да, этот денек прямо-таки пухнет от разнообразных уроков!

— Нам бы лучше пойти и помочь маме, — сказал он. — А то еще раскричится.

— Или станет драться! — весело произнесла Ядвига, без малейшей тени страха или недовольства.

Инги предпочел бы остаться с Энрике и помочь ученому разобраться с жуками, но Борису удалось уломать его и вместе с Ядвигой препроводить в хижину. Действительно, старший брат. Глядя на эту троицу, Катриона вспомнила Никки и близнецов.

После этого взрослые принялись быстро и эффективно упаковывать жуков, сканируя местность в поисках погибших.

— И что ты думаешь с ними делать? — спросила Катриона, наблюдая за тем, как Энрике закрывает крышку на первом контейнере.

— Пока неясно, — ответил тот. — В отношении количественного показателя и самой процедуры чистота эксперимента, как видишь, нарушена. Зато есть отличные результаты по качественным параметрам, и это заставляет меня вернуться к моим чертежным доскам.

— Меня тоже, — сказала Катриона с сожале-

нием. — Похоже, я перестаралась, сделав жуков слишком красивыми. Оттого все и пошло наперекосяк.

— Слишком красивых жуков не бывает, — решительно отмел ее замечание Энрике. — Но я думаю о другом: нам нужна модифицированная версия, которая проникала бы в подпочвенный слой, для более полной очистки от загрязнений. Что-то вроде скарабеев. Их можно сочетать с поверхностной моделью, так что наши усилия не пропадут зря.

— Понятно.

Катриона бросила взгляд на смотрителя, который все еще выглядел расстроенным.

— А что ты собирался с ними сделать, Вадим?

Смотритель откашлялся и произнес:

— Вернуть на место, на участок.

— О, нет! — возразил Энрике. — Не лучший выбор. Я верну их на нашу ферму, в карантинный блок, и каждого изучу. Прежде чем проводить дальнейшие эксперименты, нужно провести тщательный количественный анализ.

И, посмотрев на свой защитный костюм, сказал:

— Катриона! Может быть, я переправлю твой флайер на станцию очистки? По-моему, я здесь

единственный, кого не запрут на ночь в хассадарском госпитале.

— Да, пожалуйста, — отозвалась Катриона. Энрике все делает, как надо. Чего не скажешь о Вадиме. Впрочем, Вадим, как и прочие смотрители, — это компетенция Майлза. По крайней мере, от одной неприятной обязанности она будет освобождена. Хотя Майлз, конечно, потом сделает ей внушение.

Вадим как раз собирался отнести два полных контейнера к грузовому флайеру, когда со стороны хижины донесся приглушенный крик, который, судя по тембру, принадлежал Борису, а затем испуганный вопль Ядвиги. Катриона выпрямилась и направилась к дому. Когда же она увидела, как из бокового окна повалил дым, то с шага перешла на бег. Вадим, негромко выругавшись, бросился за ней, Энрике — следом.

Взлетев по лестнице на крыльцо, они распахнули дверь и замерли, пораженные увиденным. Одеяло и постельное белье, лежавшее на одной из кроватей, пылали оранжевыми языками пламени, клубы едкого дыма взвились под потолок; пахло самодельным спиртным — его, видимо, использовали, чтобы разжечь огонь. В углу, прижавшись к стене, сидела Ядвига; Инги заслонял

ее своим щуплым телом. Борис и мама Роджи, сцепившись в схватке, топтались посреди комнаты; каждый из них пытался отнять у другого длинный острый кухонный нож.

Мама Роджи пыхтела, крутилась и извивалась. Борис сопротивлялся, в ужасе выпучив глаза. В горячке борьбы они споткнулись и опрокинули стол, на котором лежали пакеты и коробки, привезенные Вадимом, — все полетело на пол.

Ошеломленный увиденным, Вадим выхватил шокер и направил на Бориса.

Катриона мгновенно поняла его ошибку и почти прорычала:

— Дай мне!

Выхватив оружие из руки Вадима, Катриона прицелилась, припав на колено, и нажала кнопку.

Заряд угодил старухе точно в голову. Полуоглушенный, Борис отпрянул назад и швырнул нож в сторону, тот скользнул под горящую кровать. На шее и руках Бориса краснели длинные царапины.

— Борис! Тащи маму наружу! — крикнула Катриона: — Инги! А ты — Ядвигу.

— Попробую разобраться с огнем, — сказал Энрике, протискиваясь внутрь. — А вы — срочно

на улицу!

Он действительно мог что-то сделать — только на нем был защитный костюм, способный защитить и от жара, и от дыма. Специально подготовленный к тому, чтобы справляться со всякого рода лабораторными авариями, Энрике был спокоен, собран и целеустремлен. Катриона принялась помогать Инги, который тащил наружу обезумевшую от ужаса Ядвигу.

Они выбрались: мама Роджи мертвым грузом висела в объятиях Бориса, Ядвига извивалась в руках Инги и Катрионы, но тем не менее им удалось спуститься на землю, не сломав себе шеи. Отойдя от дома, они повернулись, чтобы оценить происходящее.

Горящее белье вылетело из бокового окна и двери. Следом — еще какие-то тряпки, которые, падая на землю, захлебывались собственным дымом и потухали. Наконец появился и Энрике в слегка подкопченом костюме. Он осторожно спустился на землю.

— Кажется, потушил, — сказал он, переводя дух. — Дом не загорится, но лучше подождать и посмотреть.

— Почему в маму Роджи? — спросил Вадим, с трудом откашливаясь.

Очень скоро ей поплохеет, и ее затрясет в лихорадке, но пока она держится на приливе адреналина — как тогда, пять лет назад, при аварии на стыковочном узле станции на орбите Коммарры.

— Что тут непонятного? — сказала она. — Это не Борис. Это мама Роджи хотела ударить Бориса ножом.

А затем, вероятно, Инги и Ядвигу. После чего направить нож себе в грудь и сгинуть навеки в пламени этого варварского жертвенного костра.

Борис и Инги одновременно кивнули. Борис уже не плакал, Ядвига что-то бормотала себе под нос, Инги, бледнее обычного, негромко спрашивал, обращая свой вопрос в пустоту:

– *Но почему? За что?*

И зачем только Катрионе дана такая ясность понимания? Проще было бы обходиться без нее. Но она собралась и сказала — так, чтобы поняли все:

— Она думала, что мы хотим вас у нее забрать. И решила оставить вас с собой единственным способом, который знала. Убить вас, потом убить себя и устроить общий погребальный костер — уж если она все теряет, то пусть все потеряют и остальные.

— Сумасшествие! — прошептал Инги.

Борис и Вадим видели и понимали больше. Энрике стоял в стороне, словно спокойный и вежливый чужак, которого никаким боком не касаются беды и страдания человечества. Но Катриона понимала, что это не так.

— Это моя ошибка, — проговорила Катриона. — Мы не имели в виду ничего такого! Мне следовало донести это до нее…

Через закопченное стекло шлема Энрике Катриона увидела, как он скривил губы, сомневаясь, но промолчал.

Сев на землю, Катриона принялась доставать из-под рукава защитного костюма свое переговорное устройство. Проблема с кнопками экстренной связи состоит в том, что до них нипочем не доберешься в по-настоящему экстренных случаях. Все, на что у тебя есть время в этой ситуации, так это выхватить шокер и выстрелить. Именно поэтому Майлз заставлял ее ежегодно проходить курсы самообороны — чтобы поддерживать навыки боя.

Господи! Этот день принес ей столько всего! А у нее не осталось ни капли сил, чтобы что-то ему отдать.

Только с третьей попытки ее трясущийся па-

лец попал на нужную кнопку. Слава богу, ответ последовал незамедлительно.

— Лейтенант Пим? Мне нужна *группа поддержки,* — проговорила она.

* * *

Слава богу, у Катрионы было время покончить с больничным обедом до того, как в ее палату, словно комета, ворвался Майлз. Ему пришлось задержаться в приемном покое, где сестра заставила посетителей одеться в защитные наряды. Лейтенант Роик, в своей коричнево-серебристой униформе, салютовал Катрионе через защитное стекло. На лице его застыла озабоченная улыбка, но Катриона с самым что ни на есть бодрым видом ответила на приветствие, и лейтенант успокоился.

Наконец, когда сестра проверила, все ли у Майлза в порядке, его пропустили. Энрике шел следом. Катриона вздохнула с облегчением, увидев на своих гостях самые простые средства защиты — стандартные одноразовые халаты, а также больничные перчатки и маски. Если опытнейшие специалисты отделения радиоактивной защиты хассадарского госпиталя не паникуют по ее поводу, то и остальным не стоит.

Майлз оставил трость у лейтенанта на посту, что несколько замедлило его продвижение к постели жены. Он взял ее руки в свои, и сквозь чуть великоватые для него защитные перчатки она ощутила тепло его ладоней. Объятия потом — она отстранилась, не желая подвергать мужа и малейшей опасности.

Не дав Майлзу сказать ни слова, она спросила:

— Ты дома был?

Он покачал головой.

— Пока нет. Я бы дошел быстрее, но там люди. Толпы. Увидели нас, едва не полезли друг на друга. Пришлось включить в себе внутреннего дедушку Петера. Отлетели как горох.

Энрике кивнул. Он все еще находился под впечатлением.

Катриона легко представила себе, как Майлз управляется с такими проблемами. Полезный фокус, хотя и сомнительного свойства.

— Перед обедом мне звонили Ори и Никки. Никки слегка вышел из себя, но я его успокоила. Тебе нужно поехать домой. Хотя подожди — ты слишком нервничаешь, это видно по твоему дыханию. Возьми себя в руки и езжай. Успокоишь детей.

Подумала и добавила:

— Хотя Ори говорит, близнецы в полном по-

рядке.

— Ладно, поеду, — отозвался Майлз и глубоко вздохнул под маской.

Энрике казался более собранным. Наверняка у него было время и принять душ, и переодеться, и поесть. Хотя в последнем случае он наверняка ограничился парой бутербродов, которые ему успела сунуть Марсия. У него был вид медитирующего мудреца — так, вероятно, и должен выглядеть привезенный бог знает откуда высокооплачиваемый ученый, и кто знает, по каким лабиринтам мысли блуждает его непревзойденный мозг! Но было ясно, что он успел поделиться с Майлзом фактами, полученными во время своей последней поездки в зону.

— Как дела с нашими гостями? — спросила Катриона. — Они поместили Бориса, Инги и Ядвигу в одну палату, как я просила?

Как бы ни сложился завтрашний день, сегодня столь много испытавшая семья должна находиться в одном месте. *Кроме одного члена*, как ей напомнили.

Майлз кивнул:

— Конечно, это несколько нарушает заведенный порядок, но твоим доводам вняли, тем более что степень поражения у них одинакова. Я еще

не успел с ними встретиться, но видел их через окно. Сидят на своих кроватях и обедают.

Ну что ж, уже неплохо.

— А как там мама Роджи?

— Ее поместили в закрытую отдельную палату и поставили охранника — как обычно делают с арестантами. Она уже восстановилась после шока. Пока молчит. Не агрессивна; скорее — угрюма, по словам сестер.

Катриона подтянула слишком свободный ворот своего больничного халата.

— Ее ведь не арестовали, верно? Нам нужно подумать, как с ней поступить.

— Сейчас, в больнице, она все равно изолирована, и этого достаточно.

— Очень хорошо, — сказала Катриона и, потерев лоб, пожаловалась:

— Майлз! Твой Округ кого хочешь вымотает и истреплет в лоскуты.

Майлз вздохнул:

— Да, я знаю.

— Ты уже выяснил, почему этот… этот лагерь существовал там так долго и никто об этом не знал?

Майлз нахмурился.

— Я собираюсь говорить об этом завтра со сво-

ими смотрителями, как только получу полную картину событий. Понимаешь, это проблема нашего прошлого. Во всех смыслах этого слова.

Устроившись на краю постели, он постучал подушечками пальцев по своему бедру, обтянутому защитным халатом, и продолжил:

— Граница зоны была непроницаемой лишь в теории. Пережившие катастрофу постоянно тайком пробирались в свои дома. Смотрителей, работающих на регулярной основе, еще не было, и надзор за границей лежал на плечах окружной гвардии, военной полиции да деревенских старост. Но у них и без того дел хватало.

Майлз помолчал и продолжил:

— Понятно, все это не нравилось ни тем, ни другим. Убивать людей только для того, чтобы они не умерли в зоне? Полный абсурд. Кто-то предложил сжечь оставшиеся в зоне хозяйства, чтобы людям было некуда возвращаться. Разгорелся серьезный скандал, хотя после катастрофы все стали по-иному относиться к слову «серьезный».

Катриона кивнула. Энрике внимательно слушал.

— В конце концов Петер постановил: люди старше шестидесяти, не желавшие внимать доводам рассудка, могут вернуться в зону. Детям и

молодежи это было запрещено. Так в зоне сформировалось некое странное поколение стариков и старух.

Майлз поправил маску.

— Вскоре вопрос разрешился сам собой. Иными словами: все кончилось самым естественным образом, в течение пары десятилетий. Молодежь, ничего не помнившую об этих местах, туда не тянуло. Более зрелые и здравомыслящие люди не хотели рисковать. К тому времени, когда эта ноша пала на мои плечи, все уже успокоилось.

— Как видно, не вполне, — заметила Катриона.

— Да уж, — печально произнес Майлз. — Но таков был обычай — несмотря на позднейшие законы, если, конечно, были хоть какие-то работающие законы. Пожилых людей, уходивших в зону, принято было оставлять в покое. Поэтому у того разрешения, которое, как утверждает мама Роджи, дал ей старый Петер, были прецеденты. И ничего странного нет в том, что новые смотрители видели в ней носителя особого статуса — несмотря на то что она оставалась в зоне слишком долго, дольше, чем следовало бы.

— Она могла бы выйти много лет назад, — сказала Катриона, вспомнив то ужасное кладбище позади хижины на столбах. *По крайней мере, сем-*

надцать лет назад, если не все тридцать. — И, быть может, спасти гораздо больше этих найденышей. Если она этого не понимала, то были ведь другие, кто понимал. Хотя, как мне кажется, кроме ясного ума она обладала кое-чем еще. Она ведь старалась спасти этих брошенных детей. Вообще, только лицемеры могут критиковать женщину за то, что она делала работу, которую никто другой не желал выполнять.

Катриона нахмурилась, глядя мимо Майлза, и спросила:

— Нам, вероятно, стоит сделать тест ДНК тех тел, что лежат на кладбище.

— Я мог бы взяться за это, — предложил Энрике. — Только что делать с результатами?

— Трудный вопрос. Найти родителей, заставить их вновь пережить горе и чувство вины? Зачем? Все давно уже кончено.

Майлз изучал свою открытую ладонь. У него не было на это ответа. Невозможно изменить прошлое. Лишь настоящее и будущее.

— А как ты поступишь с Вадимом? — спросила Катриона.

Майлз помрачнел, и отразившаяся на его лице жесткость, казалось, поднялась из самой глубины его души.

— Конечно, его нужно уволить, поскольку он нарушил несколько правил, важных для смотрителя. Но придется пойти на хитрость. Мы отстраним его от работы под тем предлогом, что он перебрал лимит полученной радиации. Доказать, что это не так, он не сможет, да и не станет. А потом я передам его Марку. У Марка для него найдется с дюжину должностей.

— От одного Форкосигана к другому? — засмеялась Катриона, довольная решением мужа. — И даже сбежать нельзя?

— Хорошему специалисту? Нет. А он — хороший специалист, хотя и оказался меж двух огней.

Он опять пожал плечами и закончил:

— Конечно, виноватым можно назвать и меня. Но извиняться я не буду. В конце концов, имею я право делать то, что хочу, или нет?

— Мы доставили коз в загон на нашей ферме, — вторгся в разговор Энрике, глядя на смеющегося уголками глаз Майлза. — А завтра смотрители привезут и пони.

— Отлично! — воскликнула Катриона. — Это уже кое-что.

И, обратившись к мужу, попросила:

— Ты не мог бы приостановиться по пути у их комнаты и сказать им про животных?

— Конечно, — отозвался Майлз. — Даже я вижу, насколько животные важны для этих детей. С животными связаны и некоторые наши надежды.

Катриона приподнялась на постели.

— Надежды на их… реабилитацию? — произнесла она и, подумав, уточнила:

— Нет, скорее — реинтеграцию. Более точный термин. Поглядите, добрые люди: они явились сюда прямиком из Периода Изоляции, и мы их реинтегрируем в общество.

Конечно, речь шла прежде всего о Ядвиге. Борис, как она подозревала, все-таки имел опыт жизни за пределами зоны, хотя потом и вернулся назад. Инги был молод и сообразителен, и его социальные перспективы казались вполне благоприятными. Правда, проблемой оставалась внешность Инги. Как-то он приживется среди своих одногодков? Катриона взглянула на Майлза.

— Я тут подумал, — начал Энрике, и Катриона повернулась к ученому, — про флигель на ферме, ну, где у фермеров раньше жили батраки. После того как врачи закончат свои дела, детей можно будет перевести туда. Там будет их дом, и там они станут привыкать к современному Барраяру.

Он не добавил: *такому, каков уж он есть*. Прогресс!

— В наших лабораториях работы хватает, — продолжил он. — Бориса можно научить, Инги — тем более.

— А Ядвигу? — вырвалось у Катрионы.

И, помолчав мгновение, она добавила печально:

— Если, конечно, девушка выйдет из больницы…

Пройдут дни, а может, и недели, прежде чем они узнают о возможном развитии событий, и Катриона не в силах сделать ничего, чтобы хоть как-то их ускорить. Нечасто Катриона бывала такой же нетерпеливой, как и Майлз. Она напомнила себе, что центральная больница в Хассадаре является лучшим на Барраяре центром лечения тех, кто пострадал от радиации, и Майлз всегда готов это подтвердить.

— Для Ядвиги тоже найдется дело, — внес оптимистическую ноту Энрике. — Она может доить своих коз, может заниматься другой нехитрой работой. Может быть, она несколько медлительна, но у нас на ферме свой распорядок.

А интересно: доволен ли Энрике тем, что в его коллекции крупных млекопитающих появилось еще несколько экземпляров, или же сердце его растаяло, когда он увидел, насколько Ядвиге по-

любились жуки-радиофаги, его лучшие создания? Наверное, и то, и другое. Какая разница?

— Это может сработать, — сказала Катриона. — По крайней мере, стоит попытаться.

— А сможет ли Марсия заняться их обучением? — спросил осторожно Майлз. — Проявит ли интерес к этому?

— У нас там десятки работников, — ответил Энрике. — Никто не говорит, что всем должен заняться кто-то один.

Ну что ж, перспективы открывались вполне благоприятные. Ядвига и Борис гарантированно получают кров и место, где они могут приносить пользу и быть вполне независимыми. Катриона знала, насколько это важно. К тому же в лабораториях все постоянно меняется, и эта гибкость условий жизни и работы — еще один плюс. Инги, как полагала Катриона, способен на большее, и, вне всякого сомнения, благодаря Энрике он вскоре откроет для себя перспективы. Для мальчика-альбиноса ферма станет не столько постоянным жилищем, сколько трамплином в будущее.

Но оставалось еще одно существо, мама Роджи; и невозможно было однозначно сказать, кто она — виновник или жертва. Катриона вздохнула

и спросила, обращаясь одновременно к Энрике и Майлзу:

— Относится ли это приглашение к… их матери? Она же не может вернуться в зону! Или как?

Энрике задумался на миг и ответил:

— Я не думаю, что ей можно позволить жить с детьми после того, что произошло.

— Наверное, то, что с ней произошло, — проговорил Майлз, — стоит назвать временным помешательством в трудной ситуации, когда человек впервые оказался оторван от привычного миропорядка. Конечно, что-то в ней сломалось, и я не знаю, возможно ли это вылечить.

Когда от возрождения отказываются, а наказание лишено смысла, что остается?

— К тому же с юридической точки зрения наказание за преднамеренное радиоактивное отравление и преднамеренное убийство плавно перетекают друг в друга, — закончил Майлз.

— Да. Словно замкнутый круг, — согласилась Катриона.

Но ведь Энрике не слышал историю, которую мама Роджи рассказала Катрионе, когда они сидели на бревнах поодаль ее дома, а потому ничего не мог поведать и Майлзу. Поэтому Катриона, устроившись поудобнее, пересказала ее — синоп-

сис синопсиса, с опущением, естественно, многих дьявольских деталей. Она не знала, поможет ли маме Роджи ее рассказ.

Когда она закончила, Майлз только присвистнул:

— Ничего себе!

Энрике был настроен более прагматично:

— Что же мне сказать детям?

Катриона потерла виски.

— Скажите, что ее лечат, — ответила она. — И я не думаю, что мы за какой-то час сможем освободить их от груза этих лет.

Если вообще сможем. Мама Роджи до мозга своих пропитанных радиацией костей принадлежала Округу Вашнуй. Только вот время ее давно ушло. Ее время — это время старого Петера, а не время Майлза. Она была реликвией эпохи сопротивления суровым обстоятельствам и иной жизни не знала. И Катриона представить себе не могла, каким образом та устроилась бы в современном Хассадаре. Проще уж было видеть маму Роджи в привычной для нее обстановке — на пороге столь любимой ею хижины, в лесу. Пусть уж мрачная легенда Вашнуй вернется к себе домой и время от времени терроризирует случайных туристов, наткнувшихся на ее лачугу. Кстати,

Борис смог бы изредка ее навещать — как-никак сыновний долг! Да и старый Петер в свое время не случайно поддался желанию мамы Роджи остаться в зоне. Умный все-таки человек.

Энрике понимающе улыбнулся, пожелал Катриона скорейшего выздоровления и вышел.

Катриона пожала спрятанную под перчаткой руку мужа.

— Тебе нужно домой, к детям.

— Конечно, — отозвался Майлз, но руки Катриона не отпустил. Так они и сидели с минуту или больше.

Наконец Катриона вздохнула и спросила:

— Как думаешь? У нас получится?

Несколько неопределенный жест, которым она сопроводила вопрос, охватывал все — и зону, и ее светлячков, и весь Округ Вашнуй, и долгие десятилетия истории, наследниками которой они являлись.

Майлз под своей маской приглушенно рассмеялся.

— А у нас есть выбор? — спросил он.

Он отпустил руку жены, расправил плечи и сказал:

— Забавно, но граф Петер к концу жизни посмотрел на свой Округ и увидел, насколько лучше

он стал. Теперь же мы напрочь забыли, скольких трудов ему это стоило — разгребать завалы после катастрофы. Мы принимаем это как нечто само собой разумеющееся и думаем не о том, что было сделано, а о том, что можно было бы сделать еще. Главное, что все правы — и он, и мы.

Катриона улыбнулась:

— Думаешь, со временем люди забудут, сколько сил мы сюда вложили?

– *Вашнуй всегда был райским садом,* — тонким голоском процитировал Майлз некоего ребенка из воображаемого будущего. — Разве победа перестает быть победой, если тебе не дали за нее медаль?

— Вот как? Тогда знай, что твоя медаль уже ждет тебя! Правда, чуть позже, — улыбнулась Катриона.

— Но к чему эти долгие ожидания, леди Форкосиган? У меня для тебя тоже есть награда.

— Перестань! Ты забываешь — я на карантине. И врачи не одобрят, если я устрою побег.

— Так, может, и не придется бежать?

Катриона усмехнулась и, ткнув Майлза ладонью в бедро, столкнула его с постели.

— Поезжай-ка лучше домой, Майлз. Скажи Никки, что со мной все в порядке. И не беситесь

там с близнецами до поздней ночи, знаю я вас!

Майлз улыбнулся:

— Я тебя тоже люблю.

Он склонился, чмокнул ее сквозь маску и нехотя вышел. Через несколько мгновений, уже без халата, он прошел мимо окна ее палаты и помахал рукой. Она ответила. Лейтенант Роик отсалютовал леди Форкосиган и поспешил вслед за лордом.

Оставшись одна, Катриона позволила усталости овладеть ее телом. Она попыталась заблокировать в своей памяти события последних часов, но не смогла — они скользили перед ее внутренним взором, и каждая из совершенных ею ошибок вставала перед ней, будто воочию, и терзала ее душу. Может быть, ей следует научиться научному методу, которым руководствуется Энрике, — бесстрастно регистрировать как положительные, так и отрицательные результаты, а потом анализировать их и делать выводы?

Да, следующее поколение светящихся малюток должно быть более выносливым — как скарабеи. Они будут вгрызаться в подпочву, словно живые шестиногие лопатки. А еще они будут страшно невкусные — чтобы ни у птицы, ни у зверя не возникло желания ими полакомиться. Но как

быть с расцветкой? Да, их первый опыт не удался из-за, казалось бы, неудачно выбранного цвета и рисунка на спинке жуков. Но, возможно, то была не ошибка, а, напротив, прозрение?

Нет, ей нужно провести серьезное исследование эстетического компонента их проекта. Конечно, Майлз опять начнет ее вышучивать. Или нет? Ведь в этой жизни приходится учитывать так много факторов!

Когда Катриона наконец заснула, она увидела сад, наполненный движущимися цветными огоньками, и маленькие дети будущего, с личиками нежными, как крыло бабочки, играли с ними, уже не боясь стать жертвами радиоактивного заражения.

Конец

Плетельщица снов

Анайю Рюи, сочинительницу фили-снов, выдернуло из блаженного забвения, точно рыбу гарпуном. Она успела отметить краешком сознания, что, если бы такое вкралось в ее собственное творение, она бы его немедленно отредактировала. Более или менее проснувшись, она догадалась, что этим гарпуном стало мелодичное позвякивание видеофона. Расправив спутанные простыни, женщина перевернулась на другой бок и злобно впилась глазами в мигающий красный огонек. Безмозглый аппарат продолжал надрываться, и Анайя, в глубине души уверенная, что ее любопытство скорее всего будет наказано, а не вознаграждено, повернула к себе экран и прохрипела:

— Отвечай.

Дьявольская штуковина отказалась повиноваться. Пришлось кашлянуть и повторить команду нормальным тоном.

На экране появилось лицо Хельмута Гонзалеса, самого успешного дистрибьютора фили-снов Рио-де-Жанейро — крупного напористого мужчины.

Общение с ним до первой утренней чашки кофе было истинным испытанием для Анайи.

— В чем дело? — поинтересовалась она, вложив в интонацию всю возможную нелюбезность.

— Сегодня первое число, Анайя, — ответил Гонзалес, хмурясь в ответ. — Где он?

— У тебя сегодня снова фаза импресарио? — спросила она, начиная атаку с фланга.

— Значит, он еще не закончен… — риторически изрек Гонзалес, расшифровав ее ответ с удручающей точностью. — А подписание контракта для тебя что-либо означает или это просто развлечение вроде секса?

— У-у, вредина, — вздохнула Анайя. — Как я тоскую по золотым денькам, когда можно было ответить: «Уже отправила! Затерялось на почте!» Мы живем в нецивилизованный век, Хельмут.

Собеседник едва не улыбнулся, но вспомнил о цели разговора и взял себя в руки.

— Но ты его хотя бы начала?

— Да, начала. — Она пожала плечами. — Но потом стерла. Получилась какая-то ерунда.

Лицо собеседника явило зрительный эквивалент выжимания воды из камня.

— Если бы я получил его на текущей неделе, «Триада» принесла бы нам хорошие деньги. Если

бы я его получил в прошлом месяце, как и планировал, мы были бы просто богаты. Знаешь, ведь эти задержки дорого обходятся не только мне, но и тебе.

— Ненавижу сериалы. Мне надоедает тема, — уклонилась Анайя.

— Чушь. Как может надоесть романтическая история? — упрямо возразил он. — К тому же ты профессионал — сама об этом разглагольствовала. Вот садись и работай как профессионал. К черту эмоции!

— Но ты же получил «Триаду», — напомнила она.

— А ты получила аванс за ее продолжение, — парировал он, не давая ей увильнуть. — Два месяца задержки — ты нарушила контракт. С сегодняшнего дня я начинаю удерживать все гонорары за «Триаду» в счет погашения аванса и буду делать это до тех пор, пока ты не выполнишь условия договора.

— Капиталистическая свинья!

— Ты мне когда-нибудь еще спасибо скажешь. Когда разбогатеешь. Кое-кому, — он фыркнул, — просто-напросто требуется больше дисциплины, чем прочим. — И решив, что ему хотя бы на этот раз удалось оставить последнее слово за собой,

Хельмут отключился.

Анайя натянула простыни до подбородка и угрюмо нахмурилась. В глубине души она понимала, что Гонзалес имел право так с ней разговаривать. Благодаря его педантичности финансовые дела Анайи шли весьма сносно. Весьма полезно иметь под рукой бездушного и приземленного филистимлянина. Кроме того, компания Хельмута выпускала рыночные копии «ощущалок» высочайшего качества. Тем не менее несколько минут она отводила душу, продолжая мысленную перепалку с Гонзалесом.

Расставшись с надеждой снова заснуть, она выбралась из постели и побрела умываться. Зеркало в ванной, которое она привычно игнорировала, отразило хрупкую молодую женщину со скуластым и слегка грубоватым лицом того типа, который воспитанные люди называют необычным. Кожа на лице была мягкой, бледной и знающей о солнечных лучах не больше, чем только что проклюнувшийся шампиньон. Прямые черные волосы окаймляли лицо безжалостной рамкой, но ясные и блестящие темные глаза с лихвой компенсировали неприятный эффект.

Она небрежно оделась, заказала на пульте большую кружку кофе и уселась за рабочий

стол. Взгляд скользнул за окно, успокаиваясь на геометрических изломах лабиринта зданий, обрезанного вдали сверкающим на солнце морским простором. Это зрелище напомнило ей, что за вид из окна с нее берут дополнительную плату, поэтому она ненадолго отвлеклась, вызвав на экран фона справку о своем финансовом положении. Как выяснилось, некоторые цифры еще можно подправить, но гнетущий итог это не изменит. Денег осталось в обрез.

— М-да-а-а… — протянула она на манер заклинания и изгнала призрака безденежья взмахом руки. — Пора браться за работу.

Она поудобнее расположилась в кресле и вытянула пару проводов, подключенных к очень дорогому синтезатору снов — аккуратной черной коробочке, похожей на антикварную книгу в мягкой обложке. Пять лет она билась над созданием фили-снов, чтобы расплатиться за столь дорогое и сложное устройство — исключительно за счет денег, заработанных с его же помощью. Этот факт был предметом ее особой гордости, тем самым она начислила себе еще одно очко в заочном состязании с бывшим женихом, тетушкой-хранительницей и прочими скептиками из ее прошлого. Анайя вставила в синтезатор

чистый мастер-картридж и подключила провода к вживленным в кожу на висках металлическим кружочкам. Потом закрыла глаза и сосредоточилась.

Ее дыхание постепенно замедлилось и стало очень ровным. Со стороны она могла показаться спящей в кресле, если бы не напряженность позы, наводящая на мысль о трансе, чарах или экстатических видениях.

Принявшись за работу, она начала создавать сцену, увиденную глазами героини. Анайя тщательно подобрала ее эмоции при виде любимого: преданность, восхищение и страх. В комнату вошел герой — в костюме для верховой езды, высокий, бронзовый мускулистый красавец с ровными белыми зубами. От него исходил неотразимый мужской аромат хорошего одеколона, свежего ветра, кожи и лошадей. Его окружала ошеломляющая сексуальная аура, подобная электрическому заряду и дополнительно усиленная тем, что он пребывал в ярости.

— Итак, — произнес он звучным сочным басом, — вот как ты оправдала мое доверие!

— Я… тебя не понимаю, — пробормотала героиня, чье сердце трепетало от вины и смущения. В висках ее стучало, а откуда-то из середины

тела волнами расходился жар. Пластины тесного корсета затрудняли дыхание.

— Ты ослица, а он осел! — Голос Анайи разбил сцену на осколки, подобно приговору, вынесенному человечеству в судный день. — Сдавайся! Вы явно созданы друг для друга.

Изумленного героя смыл поток вонючей навозной жижи. Анайя вздохнула, выпрямилась и потерла глаза.

— Зануда паршивый, — пробормотала она. — Сама не знаю, зачем я тебя вообще выдумала. — Она стерла запись и восстановила начало. — Дубль второй. Попробуем изменить диалоги.

Преисполненная решимости, она вновь принялась за дело. Звякнул фон. Анайя раздраженно отозвалась. На экране возник незнакомец с маслянистыми черными волосами и выдающейся вперед челюстью.

— Мисс Рюи? — любезно начал он. — Меня зовут Рудольф Кинси. Не могли бы мы договориться о встрече? У меня к вам важное деловое предложение.

— Важное? — переспросила Анайя и подозрительно добавила: — А вы, часом, не из страховой компании?

— О нет-нет. — Он отверг ее предположение,

как-то по-акульи улыбнувшись. Возможно, подобный эффект возникал из-за того, что улыбались лишь его губы, а глаза оставались холодными. Возможно, причиной тому был подбородок. — Я имел в виду личную встречу. Гм… это деликатный вопрос.

Анайя обдумала его предложение. На поклонника или журналиста он не походил. В его манерах чувствовалось нечто скользкое, как у профессионального шантажиста или сутенера. Быстрая ревизия совести не выявила скандальных грехов; самым сенсационным в жизни Анайи было ее собственное воображение, которое она не только не прятала, но и выставляла на продажу в разбавленной и обузданной форме «ощущалок». Анайя с некоторым сожалением рассталась с этим довольно романтичным предположением (она не отказалась бы пообщаться с настоящим шантажистом, чтобы разобраться в психологии подобных типов) и пришла к выводу, что Кинси, вероятнее всего, хочет заказать ей частную «ощущалку», причем из некоей пакостной категории.

— Ладно, — согласилась она. — Вы знаете, где я живу?

Он кивнул.

— Тогда приходите… — совесть, посопротив-

лявшись, сдалась, — сегодня в четыре.

— Очень хорошо. — Кинси растаял, точно призрак в магическом зеркале.

В тот день работа шла из рук вон плохо. Персонажи, каждому из которых полагалось обладать собственным «я» и неординарными чувствами, упорно сбивались на штампованные монологи. Раздражение и скука Анайи, вынужденной работать в рамках опостылевшей темы, вырывались всплесками эмоций, что несколько раз вынуждало ее стирать сделанное и начинать сначала. Но, едва у нее начинало что-то получаться, с роковой неизбежностью вякал видеофон.

Поэтому к четырем она успела позабыть о назначенной встрече и жужжание дверного звонка восприняла как очередную помеху. Она рывком вышла из мира создаваемого сна и очутилась в реальности, безвозвратно погубив хитроумно задуманную сюжетную цепочку, которую сплетала последние несколько минут. Едва не зарычав, Анайя выключила синтезатор.

Вспомнив, что гость может предложить денежную работу, причем принципиально иную, нежели ее нынешняя голгофа, она сняла с висков провода и укротила эмоции.

— Войдите!

Живьем Рудольф Кинси оказался еще менее привлекателен, чем на экране. Его рукопожатие напоминало прикосновение улитки. Однако в нынешнем своем состоянии Анайя восприняла его как более предпочтительную альтернативу создаваемому герою.

Усевшись, он сразу перешел к делу, и за это она его мысленно поблагодарила. Робеющие клиенты с экстравагантными просьбами могли до бесконечности ходить вокруг да около или, что еще хуже, сами толком не знали, чего хотят.

— Как мне говорили, вы иногда делаете сны по частным заказам — дополнительно к работе, выполняемой по контракту с компанией «Сладкие сны», — начал он. Анайя кивнула. — Мне также дали понять, что вы сохраняете определенную степень… как бы это сказать?.. профессионального благоразумия по отношению к частным заказам. Это так?

Анайя кашлянула.

— Что ж, естественно. Когда меня просят воплотить чьи-то самые сокровенные мысли и желания, оживить их, то любой публичный показ личных чувств, заключенных в готовой работе, стал бы величайшей бестактностью, — ободряюще ответила она, имитируя его стиль. Ей уже

стало интересно: окажутся ли просьбы Кинси слишком непристойными, чтобы выразить их вслух, или же слишком глупыми, чтобы в этом признаться. Над вторым вариантом она поработала бы с удовольствием и развлеклась бы от души, но, судя по его внешности, она была готова поспорить, что ее ждет первый вариант. Ну что ж, это тоже будет полезно.

— У меня с собой, — сказал он, доставая, к ее удивлению, стопку листков из дипломата, — сценарий сна, который я хочу заказать. Я желаю, чтобы он был воспроизведен в точности. Прошу вас, прочтите. Если вы сочтете, что сможете выполнить заказ, то у меня будут два требования. Во-первых, вы обязуетесь никогда и ни при каких обстоятельствах не обсуждать его с кем-либо. Во-вторых, единственный экземпляр работы и право на ее использование становятся моей абсолютной собственностью. За первоклассное воплощение задания и ваше согласие с упомянутыми условиями я готов заплатить двадцать тысяч песодолларов.

Глаза Анайи расширились, но она тщательно подавила всякие эмоции — например, желание прыгать и вопить от радости.

— Достойная сумма, — ухитрилась произнести

нейтральным тоном Анайя. «Этот тип наверняка настоящий извращенец», — подумала она и после секундного внутреннего редактирования выдала второй вариант этой же фразы: — Задание настолько трудное?

— Увидите, — ответил гость, вручая ей листки.

— Почему на бумаге? — полюбопытствовала она, принимая их.

— Прошу вас не задавать вопросов. — Он игриво похлопал себя по губам и улыбнулся. Анайя решила, что лучше бы он этого не делал.

Она принялась читать, осторожно переворачивая страницы.

— Действительно, весьма подробно. Это поможет. — Краткое молчание. — Весьма странная структура. Больше напоминает кошмар, нежели сон по заказу. — Еще одна страница. — Определенно кошмар. — Она прочла дальше. — Вы правда хотите все это пережить? — Вспомнив о предложенном гонораре, она откровенно добавила: — Что ж, о вкусах не спорят. — Если подумать, то и эта фраза прозвучала несколько бестактно, но у Кинси, похоже, возражений не вызвала. — Тут есть несколько технических проблем. Та сцена, где играющие дети превращаются в стаю акул, а спящая проскальзывает в глотку одной из них

— с переходом к сцене пыток, которая сменяется пистолетом, чей выстрел разносит голову… Вы хотите сделать переходы между сценами «наездами» или «наплывами»? Каков должен быть уровень боли? Какие запахи?

Она смолкла, уже прокручивая в голове возможные решения.

— Здесь я полагаюсь на ваше… э-э… чутье художника.

Она дочитала последнюю страницу.

— Не очень-то хорошее окончание, верно?

— Если оно для вас слишком трудно, то я могу отыскать и другого…

— Нет-нет. Должна признаться, для меня это вызов. Мне почти не приходилось работать в жанре ужасов.

Этот странный и неприятный сон уже всколыхнул ее артистическое воображение. В любом случае он не был тривиальным. Муза попахивала серой, но в конце концов именно муза, а не деньги повлияла на ее решение.

— Хорошо. Я попробую. Могу я оставить сценарий? — Она пошуршала листками.

— Да, конечно, — отозвался Кинси, вновь улыбаясь. — Надеюсь, не стоит напоминать, что их нельзя копировать или… э-э… потерять. Когда,

по-вашему, заказ может быть готов?

— Что ж, — задумчиво проговорила она, потирая кончик носа, — задание сложное, но не очень трудоемкое. Возможно, две недели, если я брошу все остальное ради работы над ним. Быть может, чуть дольше, — добавила она для подстраховки. — Мне вам позвонить?

— О нет. Я к вам зайду. Скажем, в это же время через две недели, начиная с сегодняшнего дня.

Он встал.

— Согласна.

Кинси церемонно пожал ей руку и ушел. Хозяйка проводила его до двери и, рассеянно вытирая ладонь о домашние брючки, нахмурилась.

Заверещал фон. Анайя вздохнула.

— Если я хочу над тобой поработать, — заявила она сценарию, — то придется выдрать эту проклятую штуковину из стены. — Она шагнула к аппарату, думая о своем друге и иногда любовнике, который имел привычку почти никогда не отвечать на звонки. — А это мысль, — пробормотала она, резко останавливаясь. — Заявлюсь-ка я на пару недель к Чалмису. Никто и не догадается, что я у него, а если и догадается, то нарвется на его невозмутимый автоответчик. Отличная еда, никаких помех… идеально!

Вдохновленная столь блестящим планом, она встала перед фоном и скомандовала:

— Отвечай!

На экране показался Хельмут Гонзалес. Не успел он раскрыть рот, как Анайя произнесла:

— Это запись. Я уехала. Если хотите оставить сообщение, у вас есть пятнадцать секунд.

Улыбаясь и помаргивая, Анайя простояла еще секунд пять, глядя на экран, где ошарашенный Хельмут пытался связать несколько слов, и отключила его на половине фразы.

Чалмис Дюбаор однажды назвал себя изгнанником во времени. Более инженер, чем поэт, он говорил точными фразами, без метафор. Около двадцати пяти субъективных лет он прослужил на древних атомных буксирах, летавших с околосветовой скоростью между Землей и ее единственной — до эпохи, когда были обнаружены «червоточины», — колонией. Это соответствовало почти ста шестидесяти объективным годам, прошедшим на Земле и Колонии Бета, и навсегда лишило его синхронизации с историей любой из этих планет. Он трижды проходил интенсивнейшую техническую переподготовку — и всякий раз безнадежно отставал за время полета. Жену и детей он оставил на Бете, когда его призвали

младшим офицером для участия в экспедиции по возвращению в Америку — тогда до колонистов дошло устаревшее на двадцать четыре года известие о большой войне. Семью поглотило время еще до его затянувшегося возвращения теперь уже в должности капитана корабля. Судно принадлежало правительству, которого и в помине не было, когда он впервые покинул Землю. Колония Бета, куда он вернулся, достигла небывалого расцвета. Он повел достаточно приятную жизнь, поселившись у своего единственного дожившего до его возвращения ребенка — дочки, ныне превратившейся в морщинистую, хрупкую и благодушную прабабушку, взирающую на него с изумлением, как на какого-нибудь лепрехуна. А когда отец смотрел на нее, то ощущение, что здесь он не на своем месте, охватывало его с такой силой, что у него начинала кружиться голова. Позднее, когда Чалмис в последний раз возвращался на Землю, открытие и быстрое развитие новой технологии «червоточин», позволяющей мгновенно переноситься через бездны пространства, лишили все принесенные им жертвы последних остатков смысла.

Поэтому он ушел в отставку. Построил себе старомодный дом в стиле лучших образцов времен

его детства, возвел его на огромном участке в той географической зоне, где родился, и укрылся в нем, как укрывается в раковине краб-отшельник. Журналисты и историки на некоторое время сделали капитана Дюбаора объектом преследования, но он защищал свое уединение с непреклонной последовательностью.

В его-то уединенное убежище Анайя и направилась на следующий день после разговора со странным заказчиком. Возле ворот в силовом экране никого не оказалось. Впрочем, в этом не было ничего необычного, поэтому она спокойно вошла и отправилась на поиски хозяина, которого так и не смогла предупредить о своем приезде. День стоял ясный и жаркий, поэтому женщина принялась обыскивать окрестности дома. Чалмис часто повторял, что годы, проведенные взаперти в металлических коробках, несущихся в пространстве, наградили его клаустрофобией. Анайя подметила, что это состояние проявлялось у него в хорошую погоду и исчезало в пасмурную; его страсть к прогулкам никогда не оказывалась настолько сильна, чтобы терпеть дискомфорт. Минут через пятнадцать систематических поисков Анайя обнаружила его в уголке сада среди цветов изумительной красоты.

Сад Чалмиса тонул в сиянии летнего дня, напоминая коралловый риф, экзотический по форме и расцветке. Жужжание насекомых, пронизывающее мягкую и теплую атмосферу, подчеркивало тишину и делало ее почти осязаемой. Дорожка, выложенная белыми до боли в глазах мраморными плитками, вилась мимо клумб высоких летних цветов в направлении группы старых дубов, что башнями возвышались в дальнем конце участка и создавали островок прохладного полумрака. Чалмис сидел на скамейке в их тени, невозмутимый как ламантин, и наблюдал за гостьей, идущей к нему по белым плиткам. Это был мужчина крепкого сложения, среднего роста и возраста. Поседевшие на висках светлые волосы он зачесывал назад над широким лбом. Округлое лицо казалось бы мягким, если б не проницательные до мурашек серые глаза.

В сверкающем красками саду Анайя смотрелась как нечто чужеродное, напоминая ночное существо, внезапно извлеченное из укрытия на яркий дневной свет. Эффект усиливала ничем не смягченная чернота ее одежды: поблескивающий антрацитом комбинезон и кожаные сапожки. Все это вполне соответствовало кондиционированному помещению, которое она покинула

сегодня утром.

— Итак, — буркнул Чалмис, не потрудившись встать при ее приближении, — откуда ты взялась и как вошла?

— Из Рио, сегодня утром, — ответила она, нимало не смутившись подобным приемом. — Как я поняла, ты не стер отпечаток моего голоса из аппаратуры ворот после моего последнего визита. И это хорошо, иначе я, наверное, до сих пор стояла бы там, ругалась и ждала, пока твой повар ответит, если услышит. — Она уселась рядом, и он извинился за холодную встречу поцелуем. — Я оставила на твоем автоответчике сообщение, что приезжаю, но, как видно, зря. Прилетела на шаттле в Торонто, а там наняла легкий флайер, чтобы добраться сюда.

— Тебе повезло с погодой, — заметил он.

— Да, полет был приятным. Слушай, я заметила много новых полей на той радиоактивной полосе к северу…

— Кливленд, — сухо прервал он. — Там сейчас выращивают много масличных культур, используя устойчивые к радиации гибриды. Подсолнечник, который воистину светится.

Он по-крокодильи моргнул и принялся ждать, когда гостья объяснит причину своего появления.

Анайя обвела взглядом пышный сад.

— А твоим цветам неплохо живется, — позавидовала она.

Послышалось негромкое жужжание, и на ее ногу опустился кузнечик.

— Ай! — взвизгнула она, стряхивая насекомое.

— Они не кусаются, — улыбнулся Чалмис.

— А выглядят так, точно могут укусить. Зачем ты развел в саду столько живности? Тебе и так приходится постоянно держать силовое поле включенным, чтобы не пробрались москиты.

— Ты рассуждаешь в точности как мой садовник. — Он задумчиво помолчал. — Ностальгия, наверное. Когда я рос в этих краях, кузнечики и лето были неразделимы. Но, должен признать, послевоенные насекомые — явление совершенно иное.

Несколько минут никто из них не нарушал тишины. Чалмис заговорил первым, облегчая ей объяснение:

— Как нынче идут «ощущалки»? Ты небось от кредиторов сбежала?

— И да, и нет, — улыбнулась она. — Вообще-то бизнес идет неплохо. «Триада» продается хорошо. Перуанская «Лига морали» ее запретила, и это здорово оживило продажу. Мой дистрибьютор

в Рио был этим весьма доволен — не удивлюсь, если узнаю, что он сунул кому-то взятку, чтобы ее включили в «черный» список. Теперь он хочет, чтобы я сделала продолжение. Я даже подписала контракт.

— А я думал, что все «ощущалки» — порнография, — сообщил изумленный Чалмис.

— Нет. Некоторые сочинители работают для подростков, — серьезно пояснила она, сразу усевшись на любимого конька. — Но приставки для воспроизведения снов есть лишь у немногих детей, так что этот рынок ограничен. Я сама подумываю сочинить нечто подростковое о Колонии Бета — если сумею выкачать из тебя достаточно подробностей для общего фона.

— Любопытная идея. А сможешь ли ты сочинить четко детализированный сон о месте, где никогда не была и вряд ли когда будешь?

Она пожала плечами.

— Будущие зрители тоже там не были, поэтому никто не станет придираться к подробностям. Ты единственный, кто сможет меня раскритиковать, но ты снов не сочиняешь. И даже не смотришь.

— И слава Богу! Я испытываю непреодолимое отвращение к мысли напичкать свои мозги электродами. — Он указал на два серебряных кружка

на висках Анайи. — Тут, несомненно, сказывается мое древнее американское воспитание.

— Ты неисправимо старомоден, — ответила она, ничуть не обидевшись. — Но все же… операция по вживлению имплантата для воспроизведения записей намного проще, чем вживление имплантата для сочинителя. И совершенно безболезненна. Зато потом ты сможешь покупать мои работы.

— Умоляю, не искушай меня. Я возражаю вовсе не против боли, тут дело принципа.

— Как хочешь. В любом случае я прилетела в такую даль не для того, чтобы рекламировать аппараты для просмотра «ощущалок». Я задумала одно исследование…

— Для эротического сна? Дорогая, так это здорово! Буду счастлив тебе помочь.

Он церемонно поцеловал ей руку. Она улыбнулась и отняла ее.

— Сумасшедший. Впрочем, мы можем заняться и этим. На самом же деле я хотела спросить, не могу ли остаться здесь на неделю или две, чтобы закончить одну работу? Дома мне буквально не дают покоя.

— Ага. Значит — не кредиторы. Так ты сильно просрочила контракт?

— Есть немного. Если честно… на несколько месяцев. И мой дистрибьютор уже грозится принять меры. — Она попыталась изобразить невинную жертву.

— И аванс ты, разумеется, потратила…

— Разумеется. — Она уставилась на носки своих сапожек. — Но причина не в этом. Мне сейчас просто не хочется сочинять продолжение того сна или что угодно в том же духе. То была ерунда, пустышка. А я хочу испробовать совершенно новую область. И поработать над новыми идеями.

Она подумала, что условия необычного контракта не позволяют ей излишнюю откровенность. А жаль. Ни с кем она не обсудила бы его столь охотно, как с Чалмисом. Его мнение она ценила наиболее высоко, поскольку на него не влияли мода или мнение друзей. Эта его особенность компенсировала в глазах Анайи безразличие к современной культуре, порой доводящее ее до бешенства.

— Разумеется, дорогая. Прогуливай сколько душе угодно. — Чалмис не стал напоминать, что она была здесь незваной гостьей. — Расположиться можешь в той же комнате, где жила в прошлый раз, если она тебе понравилась; ею с тех пор никто не пользовался. Поговори с Чарлзом насчет

постельного белья, еды и всего прочего. А потом я покажу тебе новейшие музейные экспонаты.

Кроме садов и эпикурейской жизни у Чалмиса было еще одно хобби — восстановление старинной техники для музеев. В его распоряжении имелась прекрасно оборудованная мастерская, где он, позабыв обо всем, мог часами ковыряться в микроскопической филиграни всевозможных плат и схем. Некоторые образцы датировались временами его молодости; постепенно он стал таким экспертом, что брался за любую конструкцию. Зато Чалмис совершенно не разбирался в современной бактериальной электронике, где компьютеры выращивались, а не создавались. Его усилия очень высоко ценились несколькими историками науки и оставались совершенно неизвестными для простых смертных.

Анайя понимала в его работе еще меньше, чем он в ее, но у них имелось и нечто общее — страстная ненависть ко всяческого рода помехам. Каждый проявлял такое же уважение к рабочему времени другого, какое желал получать сам, и это взаимное невмешательство сильно их сближало. В последующие дни Анайя, с головой погрузившись в работу, могла пропустить обед или ужин, нисколько не тревожась, что кто-то

придет ее искать и тем самым оторвет от дел. Чалмис, в свою очередь, снимал с себя обязательства хлебосольного хозяина. Когда же их орбиты случайно пересекались, эти встречи наполняла взаимная благодарность за предыдущее отсутствие другого.

Такая встреча произошла как-то вечером примерно через неделю после приезда Анайи. Гостья и хозяин блаженно расположились возле дома в уличных креслах — мягких, как кушетки. Они полулежали рядом, глядя в небо. Горизонт на западе полыхал багрянцем и лимоном, чистая зелень по краям плавно переходила в ультрамарин. Над закатившимся солнцем сверкала искорка Венеры, кое-где уже замерцали самые яркие звезды. Деревья и трава вокруг дышали теплым и незабываемым сенным ароматом лета Среднего Запада. Анайя подсчитывала похожие на падающие звезды вспышки — в сотне футов над их головами сгорали москиты, натыкаясь на автоматический силовой барьер.

— …семь, восемь… Слышишь, Чалмис, а это правда, что они могут высосать из человека всю кровь за пятнадцать минут?

— Сомневаюсь, — лениво отозвался он. — Полагаю, если на тебя нападет целая стая, то можно

потерять много крови. Но хотя они и пяти дюймов в длину, в основном это крылья и ноги. Вряд ли москит сможет высосать больше пяти миллилитров зараз. А вот их яд — это настоящая проблема. — Он отпил из высокого бокала глоток лимонада со льдом. — Особенно если эти твари из районов с высокой радиацией — такие могут наградить и лучевым ожогом.

— Берегись тех, кто светится в темноте, да? Двенадцать, тринадцать… ух, смотри, какой красавец полетел!

Некоторое время они молчали, потягивая лимонад.

— Как — получается новый сон? — спросил наконец Чалмис. — Сделала столько, сколько надеялась?

Анайя помедлила с ответом.

— Да, актуализация идет очень гладко.

— И тем не менее у тебя нет желания похвастаться успехами. Что тебя тревожит? Но если я лезу не в свое дело…

— Нет-нет… А что, я выгляжу встревоженной? — обеспокоенно спросила она.

— Ты, конечно, не совсем прозрачна, — успокоил Чалмис. — Но для того, кто наблюдает за тобой достаточно пристально… гм… похоже, то,

над чем ты работаешь, влияет на твое поведение. Либидо, например.

Анайя поморщилась.

— Да… Ты прав, конечно. — Она протянула руку и слегка коснулась Чалмиса. — Этот сон скорее… антиафродизиак.

— Для начала сойдет. На какую тему?

Анайя заколебалась, борясь с искушением, но через некоторое время поддалась ему.

— В основном о смерти. Это частный заказ. И довольно зловещий. Слушай, вообще-то мне не разрешено об этом говорить, но…

— Но? — иронично повторил Чалмис. — Кажется, я знаю, что означает «но». Сейчас ты заставишь меня поклясться хранить молчание, а потом все выложишь.

— Если ты добавишь: «Это так по-женски», я тебе врежу, — пообещала Анайя. — Но… Чалмис, это действительно леденящая кровь история, и дело не только в образном ряде сценария. И чем дольше я над ним работаю, тем более зловещим все становится.

Она описала ему визит Рудольфа Кинси, а завершила рассказ тем, что принесла Чалмису сценарий и переносную лампу.

Анайя с тревогой наблюдала, как ее друг чи-

тает страницу за страницей. Закончив, Чалмис перевернул пачку листков и углубился в сценарий снова. Она уже внутренне сжалась, ожидая услышать упреки в том, что согласилась на такой заказ, но первые слова Чалмиса, когда он закончил чтение в третий раз, застали ее врасплох:

— Ты заметила, что эта штука задумана в виде бесконечной петли?

— Что? Не могу представить, кому такое может понадобиться… Разумеется, сюжет идет по кругу — тут я с тобой согласна. Прежде мне казалось, что это нечто вроде художественной аффектации. Может, этот тип начитался романов двадцатого века?

— Это лишь впечатление. Но все же… что ты знаешь о заказчике?

— Только то, что уже сказала. Напоминает жуликоватого адвоката. Но кто я такая, чтобы судить других?

— О, ты бываешь весьма восприимчивой и наблюдательной, когда перестаешь витать в облаках. Впрочем, для тебя это процесс не вполне осознанный.

Анайя задумалась: считать ли его слова комплиментом?

— Итак, ты не сможешь с ним связаться, если

захочешь, — размышлял вслух Чалмис. — Ни адреса, ни номера фона, а контракт у вас устный — кстати, ты уверена, что тебе вообще заплатят?

До сих пор такая жуткая мысль даже не приходила ей в голову.

— Короче, ты даже не знаешь, действительно ли это его настоящее имя. Твоя проблема в том, дорогая моя, что ты слишком честна. Даже не представляю, откуда у тебя подобное прямодушие. Воспитание тут явно ни при чем.

Анайя выпрямилась.

— Что еще за оскорбления?! А ты сам кто такой? Преступный гений, затаившийся в центре паутины интриг?

Чалмис ухмыльнулся:

— А что ты предпочтешь услышать?.. Ладно, вернемся к сути. Да, я согласен, заказ очень необычный и зловещий, но то, что тревожит меня больше всего, тебе, похоже, даже в голову не приходило. Но ты была там, а я нет. Не надо отдаваться во власть предположений.

— Чалмис, как по-твоему, стоит мне этим заниматься? — серьезно спросила Анайя.

— О небо, ну и вопросики ты мне задаешь! Это же твоя работа. Мне-то не нужно зарабатывать на жизнь, так какое я имею право давать советы

тем, кому это требуется? Но…

— Но? — передразнила его Анайя.

— Можно причинить человеку вред, используя фили-сон? Тут у тебя преимущество, ведь я не представляю, что это такое.

— Конечно, есть такие, кто смотрит сны слишком часто, потому что не может оторваться от полюбившихся кассет. Но я не вижу, чем «ощущалки» в этом отношении отличаются от прочих развлечений. На мой взгляд, даже самые отвратительные фили-сны приносят больше пользы, чем вреда: во сне можно вести себя как угодно, и никто от этого не пострадает.

— За исключением воздействия на душу, которое могут оказать подобные видения.

— А как такое можно измерить? Нет, я все же думаю, что «ощущалки» есть лишь новый способ заниматься все тем же старым и привычным.

— Тогда ты ответила на собственный вопрос.

— Могла бы и догадаться, что ты не станешь на него отвечать.

Он вернул ей сценарий и с любопытством спросил:

— А этот твой мистер Кинси не произвел на тебя впечатления человека, для которого все это, — он показал на листки, — любимейшее развлечение?

— Нет, — задумчиво ответила Анайя. — По-моему, для него подобное — слишком большая роскошь. У меня создалось впечатление, что он чей-то агент.

— Я тоже так подумал. Любопытная головоломка. Мне будет интересно узнать, чем эта история закончится. Позвони мне, когда вернешься в Рио.

— Неужели ты подойдешь к фону? — рассмеялась Анайя.

— Только если позвонишь ты, дорогая.

Анайе наконец удалось уговорить себя отбросить сомнения, и за следующую неделю она завершила сочинение сна. Обычно окончание работы приносило ей облегчение, но сейчас она ощущала себя скорее вымотанной, чем удовлетворенной, подобно ныряльщику, глотнувшему воздуха после слишком долгого пребывания под водой. Прекращение боли вовсе не равнозначно удовольствию. И все же она гордилась своим мастерством. Анайя обладала ясным и образным воображением, полным поэтической силы, и щедро приправила этой силой получившийся сон. Кроме того, ее ждали деньги.

Положив мастер-картридж в нагрудный карман, она попрощалась с Чалмисом, нагло одолжи-

ла у него денег на флайер и начала возвращение к цивилизации. Путешествие было омрачено мелкими неприятностями: скверной погодой в Торонто и потерей багажа после приземления шаттла в Рио. Потребовался целый час упорства и ругани, чтобы служащие наконец-то отыскали ее чемодан в каком-то дальнем углу багажной зоны. Анайя вошла в свою квартиру злая и голодная. Похоже, жизнь затворницы привлекает ее все больше и больше.

Торопливо распаковав вещи и проглотив состряпанный роботом ужин, показавшийся ей особенно гадким после двух недель гостеприимства у Чалмиса, она обнаружила самую серьезную из приключившихся сегодня неприятностей. Ее синтезатор снов, точнее, та его половина, что находилась за пределами ее головы, исчез. Она трижды перевернула квартиру вверх дном и пришла к неутешительному выводу, что забыла его у Чалмиса. Она позвонила ему и, не дождавшись ответа, оставила сообщение с просьбой поискать синтезатор.

На следующий день у нее была назначена встреча с Кинси. День этот тянулся медленно. Хельмут Гонзалес каким-то образом пронюхал, что она вернулась в город, и вновь предпринял

попытку заставить ее закончить работу. Как ни странно, теперь она с большей благосклонностью смотрела на костюмированные романтические бредни и не стала лишать его надежд.

Отделавшись от Гонзалеса, она принялась бесцельно бродить по квартирке, перебирать наброски полузабытых проектов и вспоминать заброшенные хобби, пока ровно в четыре не прожужжал дверной звонок.

То был Кинси — скользкий, как и прежде, но старательно подавляющий возбуждение. Это навело Анайю на мысль, что сон он все-таки заказал для себя. Гость уселся на кушетку и поставил на колени большую сумку.

— Я принес свой плеер, — пояснил он, доставая аппарат. — Вы, разумеется, понимаете, что мне хочется… э-э… проверить продукт перед тем, как оплатить заказ.

— Естественно.

Анайя протянула ему картридж. Кинси вставил его в плеер и прикрепил единственный провод к металлическому кружочку за левым ухом. Потом включил плеер и закрыл глаза.

Через несколько минут он выключил аппарат — как ей показалось, довольно торопливо. Выпрямившись, Кинси долго смотрел на нее с неким

уважением крокодила.

— Это просто… замечательно, — проговорил он наконец. Анайя мысленно расцвела, но сохранила невозмутимость.

— Не стесняйтесь, досмотрите сон до конца, — щедро предложила она.

— О, не стоит. Я вполне удовлетворен, — заверил ее Кинси. — И мне действительно пора. Мое время ограничено. Мне осталось лишь забрать сценарий и расплатиться.

Анайя насторожилась.

— Можете перевести деньги, воспользовавшись моим фоном, — предложила она.

— Я принес оплаченный чек. Так вас устроит? — с тревогой спросил он. — Пусть это немного старомодно, но совершенно надежно, уверяю вас. Вам надо лишь прийти в банк и удостоверить свою личность отпечатком голоса. Знаете, в последнее время было столько махинаций с электронными платежами… вот я и решил, что так будет безопаснее.

Кинси достал прямоугольник бумаги, снабженный магнитной полоской.

— А вы любитель бумаги, — заметила Анайя, принимая чек и рассматривая его гораздо внимательнее, чем обычно. Похоже, чек в полном

порядке. Он был выписан к погашению в городском банке, оплачен и, вероятно, не мог быть отозван клиентом. А подобная мысль у нее в голове мелькнула, потому что завтра в банке был выходной. Она вернула Кинси несколько измятые листки сценария, и тот изучил их с тем же вниманием, с каким она разглядывала его чек.

— Да, все в порядке. — Он встал, собравшись уходить, но возле двери остановился и посмотрел на нее с некоторой хитрецой. — Могу я попросить вас о небольшой услуге? Не бесплатной, разумеется.

— Спросить всегда можно, — пожала плечами Анайя. — Валяйте.

— Завтра день рождения моей тетушки. А она ваша большая поклонница. Вот я и подумал, не согласитесь ли вы сделать для нее очень короткую вещицу — нечто вроде поздравительной открытки? Ей очень нравится поэма «Подарок Дорин». И если вы сможете переложить ее на сон, тетушка будет в восторге.

Анайю поразила сама мысль о том, что у Кинси есть тетушка. Он казался ей существом, вылупившимся из яйца, причем кожистого. А «Подарок Дорин» — очень популярная нынче слащавая поэма. Переведенная в версии для всех видов мас-

смедиа, она насытила коммерческую культуру задолго до приближения Рождества.

Очевидно, Кинси прочитал сомнение на ее лице, потому что привел более веский аргумент:

— Я вам щедро оплачу затраченное время.

— Что ж, — ответила Анайя, не желая показаться неблагодарной, все еще держа чек, делающий ее свободной на год, — в принципе это нетрудно. Но я забыла синтезатор в доме друга. И вряд ли успею вернуть его до завтра.

— Ах, вот как… Но вдруг вы все же успеете? И если успеете… давайте я зайду завтра во второй половине дня. К тетушке я пойду вечером. Если сможете выполнить мою просьбу — прекрасно, а если нет, то подыщу ей другой подарок.

Они снова обменялись церемонным рукопожатием. Кинси улыбнулся.

— До свидания, мисс Рюи, — попрощался он и выскользнул за дверь.

Анайя закрыла дверь и вернулась в комнату, которую обычно считала своим гнездышком, но сегодня воспринимала как клетку. Она задумалась, не сходить ли ей развлечься на пляж — все равно раньше чем послезавтра она не сможет получить деньги и кутнуть, — но решила пойти на компромисс и потратить избыток энергии

на давно откладываемую уборку. И по ходу дела наткнулась под кушеткой на синтезатор.

— Ура и аллилуйя! — завопила она, прижимая свою драгоценность к груди. — А я-то решила, что позабыла тебя в дикой глуши. Прекрасно, прекрасно!

И она со счастливой улыбкой поставила его на привычное место на рабочем столе.

— Вот теперь я смогу по-настоящему развлечься. — Она задумалась, за что взяться в первую очередь — романтический сон для Гонзалеса, «поздравительную открытку» для Кинси или подростковую приключенческую вещь, идеи для которой неприкаянно бродили у нее в голове уже несколько недель. Но пока она размышляла над столь роскошным выбором, ее охватило легкое беспокойство.

— Как ты мог оказаться под кушеткой, черт побери? — вопросила она. — Если бы я тебя уронила, когда распаковывала вещи, то это произошло бы в спальне.

Когда дело касалось мелочей, Анайя своей памяти не доверяла. Она частенько забывала, приняла ли утреннюю таблетку витаминов, еще не завинтив колпачок флакончика, и даже по влажности щетины зубной щетки проверяла, по-

чистила ли зубы. В то же время, готовясь к работе над очередным сном, она умудрялась запоминать длиннейшие диалоги героев, поэтому не считала, что у нее проблемы с памятью, и причина таких провалов лишь в сосредоточенности на главном. А синтезатор никак не относился к категории витаминов и зубной щетки.

Вчера ее некоторое время изводила параноидальная мысль о том, что синтезатор украден, но логика настаивала, что она наверняка его забыла. Синтезатор нельзя было провезти через границу, не предъявив на таможне, и Анайя не могла представить, зачем кому-то было его красть — разве что ради весьма экзотической попытки выкупа. Она потянулась было к проводам, собираясь подключиться, но ее остановила новая мысль.

— Что за дурацкая идея. Ты позволила себе поддаться влиянию Чалмиса, дорогая, — пробормотала она. Его всегда беспокоили провода в ее голове, потому что ему вечно мерещилось архаичное зрелище неожиданного короткого замыкания. Фактически же на контактных разъемах синтезатора попросту не могло появиться опасное напряжение — они сгорели бы первыми. Тем не менее она купила диагностический набор и куда-то его сунула. У нее никогда не возникало

проблем с синтезатором, поэтому случай воспользоваться покупкой так и не представился. По сути, этот набор был совершенно не нужен, потому что для любого ремонта синтезатор все равно полагалось отправить изготовителю, и теперь он служил для Анайи наглядным примером ее уступчивости навязчивой торговой рекламе. Для очистки совести она встала и занялась его поисками.

Приборчик оказалось найти почти столь же трудно, как и синтезатор, но в конце концов она откопала его в дальнем углу ящика стола под кучей всякой всячины. Она поставила его рядом с синтезатором и подготовила к работе. Потом вытянула из синтезатора провода, вставила их в разъемы и включила прибор.

Мгновенно послышался громкий треск, сверкнула яркая голубоватая вспышка, и по пластику на секунду пробежало оранжевое пламя. Запахло горелым. Анайя отшатнулась, руки ее затряслись. Она кое-как встала и глотнула воздуха. Сердце бешено колотилось.

— Боже мой, — выдохнула она, потрясенная до такой степени, словно в нее выстрелил любовник. Потом еще минут десять она уговаривала себя, что страхи ее глупы и что ожидала она вовсе

не такого подтверждения. Она долго смотрела на груду дымящихся обломков на столе.

— Мой синтезатор! — всхлипнула она, резко села, протянула к нему руку, отдернула ее и разревелась.

Через некоторое время она перестала всхлипывать, заперла дверь и позвонила в полицию. Завершив разговор, набрала новый номер. К ее удивлению, Чалмис ответил почти сразу.

— Должно быть, у меня сегодня счастливый день, — поприветствовала она его.

— Просто я случайно проходил через кабинет, — пояснил он. — Ты в порядке? — добавил он, увидев выражение ее лица.

— Мой синтезатор только что сгорел. Я до смерти перепугалась. Чалмис, он никак не мог сгореть!

— Ты была подключена? — с тревогой спросил он.

— Нет. Я его тестировала. Вот взгляни. — Она развернула экран фона, чтобы Чалмис увидел стол. — Окажись я подключена, так сейчас выглядела бы моя голова.

Анайя, последовав за своим воображением, представила, как вся паутина тончайших проводков, тянущихся от имплантата через мозг,

мгновенно вспыхивает, и точно в замедленном фильме увидела, как умирает от электрического разряда, взрывающего и сжигающего ее клетки.

— Но почему, Анайя? — спросил потрясенный Чалмис. На его лице, как и на лице Анайи, появилось то странное напряжение, которое обычно описывают словами «выглядел довольно бледно».

— Первое, что пришло мне на ум, — угрюмо предположила она, — так это то, что покойники не могут подтвердить голосом свою личность, получая деньги по чеку. — Она показала ему чек. — Его оставил сегодня мой скользкий заказчик. А отнести эту бумажку в банк я могла лишь послезавтра. И отыскался мой синтезатор сразу после ухода визитера.

Она описала ему вчерашнюю историю с багажом, увенчавшуюся потерей любимого синтезатора.

— Ты думаешь, что он обрек тебя на смерть только ради денег? — спросил Чалмис.

— Не знаю. В этом нет смысла. Я выполнила бы его заказ и за гораздо меньшую сумму. Он даже не пытался торговаться. — Анайя вспоминала недавние события, постепенно успокаиваясь. — И еще эта история с его тетушкой…

— Его тетушкой? — переспросил удивленный Чалмис.

— Готова поспорить, что у него нет никакой тетушки. И даже матери нет, — гневно добавила Анайя.

Чалмис рассеянно почесал верхнюю губу.

— Ты сообщила в полицию?

— Сразу же, как только заперла дверь.

— Думаешь, он попробует снова?

— Возможно. — Последние несколько минут ее воображение с поразительной скоростью выдавало всевозможные варианты убийств, описанные в романах. — Я немного нервничаю, потому что живу одна.

— Понимаю. Только не надо вздрагивать от каждого шороха. Он наверняка думает, что добился успеха или вот-вот добьется. И у него нет необходимости что-либо предпринимать, пока он не поймет, что разоблачен. Надеюсь, это произойдет, когда его арестуют. Но послушай, почему бы тебе не завершить дела с полицией, а потом прилететь ко мне ближайшим шаттлом? У меня ведь не дом, а настоящая крепость. Я даже могу попросить Чарлза встретить тебя в аэропорту.

Анайя благодарно улыбнулась.

— А я тем временем попробую по своим кана-

лам убедить полицию отнестись к твоему делу с максимальной серьезностью. Позвони мне еще раз, когда будешь готова выехать. Буду ждать.

— Спасибо тебе, Чалмис.

* * *

Полиция прибыла довольно быстро. Офицер-детектив и специалист по взрывным устройствам наполнили ее квартирку ощущением реальности, подобно порыву ветра, ворвавшемуся через распахнутую дверь в душную комнату. Такая непререкаемость присуща полицейским, врачам и знаменитостям. К заявлению потерпевшей они отнеслись серьезно и с профессиональной любезностью. Детектив, лейтенант Мендес, мужчина средних лет, с привычной компетентностью задал ей ряд вопросов, весьма напоминающих те, что задавал Чалмис неделю назад. Анайя снова поняла, какую беспечность проявила.

Техник уложил останки синтезатора в пластиковый ящик и унес на экспертизу. Увы, чек у Анайи тоже забрали, поскольку он стал единственной уликой в этом деле. Теперь до женщины окончательно дошло, какую предусмотрительность проявил ее заказчик, не оставив ни единого физического или электронного следа. Но детек-

тив держался вполне оптимистично.

Анайя сообщила ему, что при необходимости с ней можно связаться через Чалмиса, и вскоре была уже на борту шаттла. Полет до Торонто предоставил ей время поразмыслить о том, каким чудом она избежала смерти. И чем больше она думала, тем сильнее убеждалась, что одни лишь деньги не могли стать веским мотивом убийства. У Анайи возникло печальное подозрение, что ее сознательно использовали в качестве инструмента в гораздо более отвратительной игре. И к тому времени, когда она добралась до Чалмиса, подробности созданного ею сна, вспомнившиеся с тошнотворной ясностью, подсказали ей совершенно иной мотив преступления.

— Я уверена, что все было затеяно ради сна, — заявила она своему другу. — И считаю, что он будет использован в качестве оружия.

Ранним утром они сидели в роскошной библиотеке Чалмиса. Анайя смертельно устала, но нервное возбуждение не позволило ей заснуть. Чалмис заботливо потчевал ее успокаивающими словами и изысканными закусками, пытаясь как-то снять напряжение.

— Ведь я это почувствовала, даже ты почувствовал! Но я так увлеклась, восхищаясь своими

способностями… я хотела сделать тот сон! Надо вернуть злополучный картридж, и чем скорее, тем лучше.

— Успокойся, не торопись. Давай начнем сначала. Как сон может стать оружием?

— Сон — своеобразное гипнотическое внушение, только намного сильнее. Моя работа сделана на заказ, настроена на конкретную личность. Я думаю, что если жертва просмотрит сон несколько ночей кряду, то самоубийство станет неизбежным. План идеальный: убийце даже не придется приближаться к жертве. А потом он уничтожит картридж, и уже никто и никогда ничего не докажет.

— Очень интересная идея. Что о ней думает полиция?

Анайя нахмурилась.

— Кажется, вся эта история не заинтересовала их так, как следовало бы. Детектив ухватился за реальные улики.

— Что ж, им ведь придется доказывать дело в суде, сама понимаешь. А идея — понятие эфемерное. Я всегда полагал, что «ощущалки» есть нечто вроде супервидео. Более совершенная иллюзия, и только.

— Да, большая часть сюжетов именно такова.

Но ведь есть и откровения, и чистые абстракции. Они действуют более открыто и непосредственно. Совсем не обязательно маскировать психический символизм в персонажах или сюжетах, он и так на виду. — Встревожившись, Анайя принялась расхаживать. — Но, видишь ли, если меня, сочинителя, одолевает страх или некая другая сильная эмоция, то я могу в определенном смысле упаковать ее в сон и избавиться от нее. Очень терапевтический получается эффект — для меня. Я обретаю власть над проблемой в процессе работы над ней. Но это не всегда срабатывает подобным же образом для человека на другом конце — того, кто смотрит мой сон. Эмоция возникает, пробивается в его сознание, и теперь уже ему надо отыскивать способ избавиться от нее — или не избавиться, такое тоже не исключено.

— Ладно, примем твою теорию в качестве рабочей гипотезы. Кстати, я заметил, что ты говоришь об абстрактном «убийце», а не о Кинси. Почему?

— Я ни в чем не уверена, — покачала головой Анайя. — Никогда не встречала столь скользкого типа, как Кинси. К тому же он не произвел на меня впечатления человека, у которого хватит вдохновения написать такой сценарий. Так что давай назовем его автора Босс.

— Босс? — повторил Чалмис и взглянул на нее с удивленным упреком.

— Ну что поделаешь, я так мыслю. Понимаешь, Чалмис, ведь эта штука была хороша. Сильная вещь, полная внутренней мощи. Она заставила меня выложиться, показать все, на что я способна. Нет, Кинси всего лишь посредник.

— Хорошо. Запишем это в колонку «факты».

— А разве у нас есть какие-то факты? Мне это больше напоминает стрельбу в темноте наугад.

— О, ты знаешь намного больше, чем это может показаться. Если твоя теория верна, то тебе известны такие вещи, которые заставят заказчика пойти на любые хлопоты и риск, чтобы от тебя избавиться. И раз Босс о тебе столь высокого мнения, то кто мы такие, чтобы с ним спорить? Давай начнем с самого сна. Что он тебе говорит о намеченной жертве? Это мужчина или женщина?

— Женщина, — уверенно ответила Анайя. — Ты ничего не знаешь о телесных образах в «ощущалках», но, если бы потребовалась действительно хорошая работа, предназначенная для мужчины, им пришлось бы обратиться именно к мужчине.

— Старая или молодая?

— Не очень старая и определенно не ребенок — среднего возраста.

— Замужем?

— Тут я не уверена. Во всяком случае, не девственница.

— Дети?

— Почти наверняка. Это придавало некоторым самым жутким образам сна больше силы.

— Личность сильная или слабая?

— Слабая, хрупкая… но упрямая. — Анайя начала ухватывать образ. — Это лишь дедукция, но, будь она слабой и податливой, убийца смог бы добиться от нее желаемого, не прибегая к таким изощренным методам.

— Гм-м… Возможно. Итак, жертва — женщина среднего возраста, замужняя, с одним или несколькими детьми и имевшая проблемы с психикой. Мы также знаем, что у нее есть имплантат дримера, следовательно, она не из бедных. Нутром чую, в этой истории замешаны деньги. Во всяком случае, убийца считает деньги сильной мотивацией, если учесть, сколько он тебе предложил за работу и на какой риск пошел, лишь бы ты не получила эти деньги. Еще мы знаем, что между убийцей и жертвой достаточно интимные отношения, поскольку он может прикоснуться к ней спящей — хотя и не исключено, что он просто подкупил нужного человека. И

еще: согласно твоей гипотезе, нам стал известен его роковой просчет.

Чалмис увлекся ролью детектива, позабыв о том, что хотел успокоить Анайю и уложить ее спать.

— Какой еще просчет? По-моему, его план безупречен.

— Он не может оставить свидетелей. Не попытайся он тебя убить, ты наверняка стала бы и дальше жить своей жизнью, позабыла о подозрениях и не захотела больше копаться в этой истории. Но признаю, что если бы покушение на тебя удалось, то все кончилось бы иначе. Из-за меня.

— Да, вряд ли он предусмотрел тебя.

— Я в этом совершенно уверен. Если позабыть о твоем несомненном таланте, ты одинокая незамужняя женщина. Тебе некому открыться. Некому излить душу. И никто не станет дотошно расследовать твою таинственную смерть.

— Верно. — Она нервно грызла зеленую пластиковую палочку, на которую недавно был насажен ломтик лососины, свернутый в форме розы. — Я не хочу ждать полицию. Если я права — Господи, надеюсь, я ошибаюсь, — то созданный мною сон, быть может, уже сейчас отравляет подсознание

той женщины. Ждать некогда. Я хочу немедленно отыскать этого негодяя Кинси, вытащить его из берлоги, где бы он ни находился, и выбить из него правду. Только не знаю, с чего начать или что использовать в качестве приманки.

— Ты сама и есть приманка, — заметил Чалмис.

— Как так?

— Отсутствие сообщений о твоей смерти должно сильно его встревожить. Он начнет гадать: в чем же причина, почему не сработал его план? И я уверен, что рано или поздно он не сможет удержаться от желания прийти и проверить, в чем дело. Вот тут-то и надо поставить ловушку.

— Как это можно ускорить?

— Пожалуй, к твоему визитеру ведет лишь единственная ниточка — чек. Полиция уже работает с ним по официальным каналам. Ты же хочешь действовать независимо. Связаться с ним напрямую ты не имеешь возможности. А как насчет общественных каналов связи?

— Это идея. Допустим, я дам во всех персональных каналах службы новостей Рио такое объявление: «Господин Рудольф Кинси, банк отказывается платить по вашему чеку. Прошу связаться со мной и решить проблему». И укажу

твой номер. Если мне удастся хотя бы поговорить с ним, то есть шанс заманить его сюда. Но это такой зыбкий план… А что, если он не просматривает каналы личных объявлений?

— Я вспомнил о твоем бывшем друге — том самом, что приехал брать у меня интервью, когда мы с тобой впервые встретились, и который сам отвечал на свои вопросы. Ты ничего не сможешь сделать через него?

Анайя поморщилась:

— Пожалуй, смогу раскрутить на статейку в видеожурнале «Заочное интервью с автором „Триады“, ныне отдыхающей в Огайо». Минут пяти хватит — я появлюсь там радостная и здоровая, скажу, что решила сделать долгий перерыв в работе. И вставлю фразочку о том, что положила синтезатор на полку, или отправила на фабрику, или еще что-нибудь придумаю. Может, оброню намек на частный заказ, который только что закончила и очень от него устала. Надеюсь только, что Хельмут этого не услышит, а то его удар хватит. Но услышит ли Кинси?

Кончик зеленой палочки превратился в плоскую лопаточку.

— Он наверняка станет следить за любыми новостями о тебе. На мой взгляд, шансы очень

неплохие.

— Тогда попробуем оба варианта. Да… если план сработает?.. Если он заявится сюда вооруженным? У тебя есть оружие? — спросила Анайя.

— Оружия у меня нет. Но не могу тебя винить в том, что ты не смотришь на жизнь глазами инженера. Вокруг нас много разного оружия, и оно намного лучше пистолетов. И если ты заманишь мерзавца сюда, то остальное предоставь мне.

— Так и решим.

Последующие дни стали для Анайи просто кошмаром. Лишившись привычной работы, ее воображение занялось постройкой городов-башен и хитроумных лабиринтов дальнейших предположений на узком фундаменте имеющихся фактов. Из сочувствия Чалмис заказал и оплатил для нее новый синтезатор, но прибор не могли доставить быстрее чем через неделю, и Чалмису приходилось терпеть приступы хандры своей подруги. Наконец он не выдержал и заявил, что она ведет себя как капризный ребенок накануне Рождества, и это немного образумило Анайю.

Они не теряли связи с полицией в Рио. Улики, которыми располагало следствие, ничего не дали. Как выяснилось, в синтезатор вмонтировали

обычный коммерческий электрет[1], который попросту разрядился, когда прибор включили. Такую подлость мог устроить любой, имеющий элементарные познания в электронике. Не нашлось ни отпечатков пальцев, ни волосков, ни волокон ткани. Чек был проплачен в одном из отделений банка человеком, чья внешность соответствовала описанию Кинси, однако имя он назвал другое. Банкноты, которыми он заплатил, давно растворились в обороте, хотя полиция и предприняла попытки их отследить. Имя и адрес оказались фиктивными, а отпечаток голоса не совпадал с голосами известных полиции преступников. Сейчас этот отпечаток долго и тщательно сравнивался с голосами из других архивов. В Ла-Плате и Манаосе отыскались два Рудольфа Кинси: один оказался пекарем на пенсии, а второй молодым студентом, и оба не имели никакого отношения к объекту поисков.

Чалмис тоже кое о чем договорился с ближайшим соседом — местным шерифом. Ситуацию усложняло то, что их предполагаемый посетитель мог и не совершать прежде никаких преступле-

[1] Примечания: 1

Электреты — диэлектрики, длительно сохраняющие поляризацию при их затвердении в сильном электрическом поле, то есть, по сути, электрические аналоги магнитов. — *Примеч. пер.*

ний в Северной Америке. Арестовав его на месте, они защитили бы Анайю, но вряд ли бы им удалось предъявить ему какие-либо обвинения. И даже в случае ареста в Рио он имел превосходные шансы отвертеться — если не потеряет головы и станет упорно все отрицать.

В среду вечером Анайя услышала звонок у входных ворот. Ее сердце дрогнуло. Она подошла к экрану, нажала кнопку и увидела зубасто улыбающегося Рудольфа Кинси.

— О-о… — протянула Анайя. — Странно видеть вас здесь. — Она тут же дала себе мысленного пинка, надеясь, что больше не сморозит какую-нибудь глупость.

— Добрый вечер, мисс Рюи. Я так рад, что отыскал вас, — произнес Кинси, сохраняя безупречное самообладание. — Не могли бы вы уделить мне немного вашего времени?

— Я… Мне надо спросить капитана Дюбаора. У него весьма своеобразное отношение к посетителям.

— Да, меня предупреждали, — улыбнулся Кинси.

— Если вы по поводу открытки ко дню рождения, то примите мои извинения. У меня сломался синтезатор, пришлось отправить его в ремонт.

Быть может, я смогу вам это чем-то возместить?

Кинси слегка встревожился.

— Ничего страшного, мисс Рюи, и вам вовсе незачем беспокоить хозяина. Если вы подойдете к воротам, я очень быстро завершу свое дело.

«Не сомневаюсь», — подумала Анайя и улыбнулась.

— Подождите, пожалуйста, — попросила она и нажала кнопку «пауза».

— Чалмис! — закричала Анайя, припустив во весь дух. Пробежка на полсотню метров привела ее на кухню, где Чалмис испытывал терпение повара. — Он здесь! У ворот. Сам Кинси. Хочет со мной встретиться.

— Да, знаю, — небрежно отозвался Чалмис, обмакивая палец в соус. — Он больше часа бродил вдоль периметра силового экрана. Наверное, понял, что пролезть не удастся, решил рискнуть и атаковать с фронта.

Анайя метнула на своего друга яростный взгляд:

— Так ты знал! И даже не предупредил меня!

— Не было времени, — спокойно ответил он.

— Что будем делать?

— Ты можешь пойти к фону и вызвать шерифа Йодера. Попроси его заехать примерно через час.

Потом жди в кабинете. Чарлз, отложи обед на час. Думаю, мы управимся.

— О-о-о! — Анайя приплясывала вокруг Чалмиса, как нетерпеливая планетка-спутник вокруг Юпитера. — А ты что собираешься делать?

— Пригласить нашего гостя на прогулку.

— Ладно, будь по-твоему, — хмуро согласилась она. — Но, пожалуйста, осторожней.

— Я всегда осторожен. И не забудь — ты согласилась предоставить эту часть плана мне.

Чалмис вышел из дома, направляясь к воротам. Сгущались сумерки.

«Главные ворота» представляли собой похожую на паутину конструкцию, расположенную в некотором удалении от дома. Интерком был вмонтирован с наружной стороны в один из пилонов ворот. Кинси ждал рядом, прислонившись к пилону и ковыряя землю острым носком ботинка. Он насторожился, заметив Чалмиса, потом слегка расслабился, убедившись, что хозяин пришел один.

— Господин Кинси? — вежливо осведомился Чалмис.

— Э-э… капитан Дюбаор? — вопросил Кинси. — Очень сожалею, что побеспокоил вас, но мне надо обсудить очень срочное дело с вашей го-

стьей, мисс Рюи.

— Да, она мне передала. — Чалмис набрал код. — Проведите свой флайер через ворота, поставьте его на той полянке, и мы пройдем к мисс Рюи.

Кинси выполнил его инструкции. Было заметно, что он нервничает. Чалмис запер ворота другой кодовой комбинацией и направился к лесистому участку на своей территории. Вскоре его догнал Кинси.

— Это довольно деликатное и личное дело, — намекнул Кинси. — Возможно, она пожелает обсудить его только со мной. — Его тон подразумевал некие близкие отношения с Анайей. Чалмис оценил артистизм фразы.

— Ну конечно, — сердечно согласился он. — Мисс Рюи в летнем домике, как раз за этим лесом. Там вам ничто не помешает: полное уединение.

— Наше дело потребует некоторого времени. — Кинси мгновенно проглотил приманку.

Они вошли в лес. Здесь было темнее, прохладные влажные лощины и землю под ногами покрывал толстый упругий слой листьев, накопившийся за много лет. Сверху они потрескивали, а ниже размягчались до скользкой черноты, заглушая звуки шагов. Подлесок выбрасывал на тропу щупальца ветвей и кривых узловатых

корней.

— Идите впереди, дальше тропа станет узковатой для двоих, — предупредил Чалмис. Он остановился и присел стряхнуть какой-то мусор с обуви, потом достал из кармана дистанционный пульт и магнитофон. Пройдя еще несколько шагов, он поудобнее расположился на упавшем дереве и произвел кое-какие манипуляции.

— Пожалуй, мы зашли достаточно далеко, господин Кинси. Мне не хочется, чтобы вы заблудились в лесу.

Чалмис положил пульт и магнитофон на бревно рядом с собой. Кинси резко обернулся, на его лице вспыхнуло подозрение.

— Что это? — Глаза гостя обшарили Чалмиса. Не обнаружив ничего напоминающего оружие, он бросился к хозяину и с разбегу наткнулся на невидимую стену силового экрана. Кинси отпрянул, но не упал. — В чем дело, капитан?

— А ни в чем, — радушно ответил Чалмис. — Я просто подумал — вдруг вам захочется со мной поговорить? — И он с намеком постучал пальцем по магнитофону.

— О чем? — спросил Кинси, неуверенно нащупывая хоть какую-то точку опоры в изменившейся ситуации.

— Тему я предоставляю выбрать вам, — сказал Чалмис. — И не сомневаюсь, что через некоторое время вы вспомните что-нибудь интересное.

Наступило долгое молчание.

— Чтобы расшевелить вашу память, могу указать на несколько пикантных особенностей ситуации, в которой вы оказались, — пришел на помощь гостю Чалмис. — Как мне кажется, вы проявили большую осторожность, и никто не знает, где вы. Вы совсем один, без транспортного средства, в незнакомой местности, где наступает ночь. До ближайшего соседа как минимум восемь километров — вы уж извините, если я не подскажу, в каком направлении, — и на этом пути вас ждет пересеченная местность: кустарники, болота и так далее. Вы мне кажетесь городским человеком… интересно, когда вы в последний раз путешествовали пешком?

Кинси злобно сверкнул глазами, но промолчал. Один из первых вечерних москитов превратился в беззвучную вспышку, наткнувшись на силовой экран.

— Ах да, совсем забыл про москитов, — продолжил Чалмис. — Вы, жители цивилизованного юга, и понятия не имеете о ненасытности насекомых здесь, на диком и радиоактивном севере.

Хотя неправда, что они могут высосать из человека кровь за пятнадцать минут — на это им нужно гораздо больше времени. Однако гораздо меньше, чем требуется человеку, чтобы прошагать восемь километров.

— Да вы сумасшедший! — заорал Кинси и выхватил из кармана пиджака маленький лучевой пистолет. — Немедленно прекратите! — потребовал он.

— О, друг мой, надеюсь, вы немного разбираетесь в физике, — предупредил Чалмис, даже не шелохнувшись.

Выражение на лице Кинси подтвердило, что в физике он разбирается. Сжав губы, он сунул лучевик в карман.

— Благодарю вас. Магнитный резонанс — очень мощная сила. Там, где вы стоите, получилась бы внушительная воронка. Я мог бы превратить ее в пруд для золотых рыбок. Но вы правильно сделали, что не выбросили оружие. Оно вам может потом потребоваться, если вы все же решите прогуляться. Знаете, тут водятся лесовики.

— Какие еще лесовики? — не сдержался Кинси.

— Ну, это были довольно неуклюжие маленькие и мохнатые животные — когда я был мальчиком, еще до войны. Война настолько все

изменила. Москиты, лесовики… — Чалмис смолк, поглядывая на вспыхивающие за листьями вдоль границы силового экрана искры погибающих москитов. Кинси, обрушив на хозяина поток яростной брани, отошел было в лес, но тут же вернулся.

— Москиты, — назидательно пояснил Чалмис, — отыскивают жертву, улавливая углекислоту, которая содержится в выдыхаемом млекопитающими воздухе. Могу вам посоветовать некоторое время не дышать.

Над головой Кинси послышалось назойливое басовитое жужжание. Взвизгнув, он отбил крупное насекомое ладонью. Кинси прислонился к экрану, образовавшему вокруг него золотистую ауру.

— Чего вы от меня добиваетесь? — рявкнул он. — Признания? Любое признание, полученное под угрозой, не считается в суде доказательством.

— Верно, если признание выбито полицией, — согласился Чалмис. — Но, когда дело касается частных лиц, понятие угрозы несколько расплывается и утрачивает четкость. Рад, что вы догадались: я весьма заинтересован в правосудии. Хочу лишь напомнить, что для исполнения правосудия совершенно не обязательно при-

бегать к помощи неповоротливой судебной машины.

— Вы говорите об убийстве! — взвизгнул Кинси. В серых глазах Чалмиса на мгновение вспыхнул огонек гнева, и Кинси, позабыв о москитах, отпрянул от силового экрана, точно впервые осознав, насколько силен хозяин поместья. Затем Чалмис слегка опустил веки, и на его лице вновь появилась маска ироничного шутника.

— Я как раз надеялся, что мы подойдем к этой теме. Что-то я монополизировал разговор…

— Такое вам с рук не сойдет! — выкрикнул Кинси.

— Что? Невежественный горожанин заблудился ночью в лесу, и его настигла предсказуемая судьба. И не просто предсказуемая; такое происходит регулярно. Только в этом году в болотах Толедо утонули двое — лето было влажное.

Послышалось мерзкое басовитое жужжание, и Кинси отвернулся, обороняясь. Пока он загонял двух москитов на силовой экран, третий сзади впился ему в ногу. Кинси заверещал, когда в кровь проник яд, заплясал от боли и оторвал присосавшегося москита.

Чалмис терпеливо ждал.

Кинси в состоянии шока забормотал какую-

то историю про Анайю, полную инсинуаций и наглой лжи об их вымышленных сексуальных отношениях.

— Сказки меня утомляют, — оборвал его Чалмис, — к тому же я опаздываю на обед. Пойду-ка лучше в дом.

— Вы блефуете.

— Мистер Кинси, насколько я понял, Вселенная существует для вас, пока существуете вы. Похоже, солипсизм — общая особенность сознания всех преступников. Но вы уж поверьте, для меня это ничто.

Чалмис встал. В кустах запели москиты. Кинси сломался.

— Меня зовут Карлос Диас, — торопливо заговорил он, прижимаясь к экрану. — Я был частным детективом в Рио. В прошлом году потерял лицензию. А потом эта большая шишка из фармацевтической компании «Портобелло» — доктор Бианка, заведующий отделом развития, — предложил мне тысячу песодолларов за то, чтобы я сходил к мисс Рюи и заказал ей сон. Но так, чтобы заказ нельзя было проследить. И дал мне свою отмытую «наличку». Ай! Ой! Снимите его с меня!

Кинси завертелся, отчаянно размахивая руками и пытаясь избавиться от маленького кошмара,

погрузившего хоботок в его спину.

— Прислонитесь спиной к экрану, — посоветовал Чалмис.

Кинси/Диас последовал совету и продолжил исповедь в еще более быстром темпе.

— Я увидел возможность сорвать куш, — тараторил он, задыхаясь. — Вложить деньги в именной чек… закоротить синтезатор мисс Рюи… и побудить ее включить его до того, как она сходит с чеком в банк. Никто не заподозрит связи между чеком и несчастным случаем. Потом выждать три месяца и обменять чек обратно на деньги. У меня есть старый друг в аэропорту… он думал, что я расследую какое-то дело. Я добрался до багажа мисс Рюи, вытащил синтезатор, вставил в него что надо и подбросил ей в квартиру, когда приходил. Это было легко.

— Значит, вас не нанимали убить ее, — заметил внимательно слушавший Чалмис. — Просто к двум великим мыслителям пришли одинаковые идеи.

Диас смолк, очевидно, осознав, что только что утратил возможность оправдать себя.

— Вы доставили сон заказчику? Для чего он ему потребовался? Что вы еще о нем знаете?

— Он мне не сказал зачем. А диск сейчас у него.

Я отдал его в понедельник.

Диас отчаянно пытался вспомнить новые факты, чтобы ублажить своего мучителя. Вокруг него все яростней жужжали москиты.

— Прежде я никогда о нем не слышал. Он богатый человек, живет в одном из старинных поместий кофейных плантаторов. Дом с видом на море. Я предположил, что он хочет защитить свою репутацию, и не стал совать нос в его дела. И он не должен был предлагать исполнителю такую крупную сумму, — нашел Диас оправдание и для себя. — Да впустите же меня, ради всего святого!

Чалмис, чье лицо оставалось в тени, вгляделся в Диаса, освещенного слабым сиянием защитного поля, и решил, что тот наконец сказал правду. Во-первых, для выдуманной его история не была достаточно драматичной. А во-вторых, из-за москитного яда у жертвы слегка поехала крыша, и бедняге стало уже не до изощренного фантазирования.

— Положите лучевик возле экрана и встаньте к тому дереву, — приказал Чалмис.

Он кое-что подстроил на пульте, протянул руку сквозь появившееся в экране светящееся окошечко и взял оружие. Потом расширил круг

и пригласил Диаса внутрь. Прихрамывая и спотыкаясь, тот поплелся через лес в сторону дома. Чалмис шел следом.

В кабинете их ждала встревоженная Анайя в компании шерифа Йодера и его помощника Шримла.

— Боже мой, — произнесла она, увидев напряженное и уже распухающее лицо Диаса, потом сжала губы и воздержалась от комментариев. Чалмис был привычно вежлив и благожелателен. Преисполненный подозрений Диас хранил упорное молчание.

— Добрый вечер, Билл, — поздоровался Чалмис с соседом. — Это и есть та небольшая проблема, о которой я тебе говорил. Думаю, пока можно оставить в стороне сложности международных законов, — он кивнул Анайе, — и арестовать этого человека за нарушение границ частных владений. Такое вполне в пределах юрисдикции местных стражей порядка. Ах да, еще можете проверить этот пистолет. — Он вручил шерифу лучевик. — Как мне кажется, он им владеет незаконно.

Шериф Йодер приступил к формальностям ареста. Диас встрепенулся и попытался обороняться.

— Этот человек сам меня пригласил, — начал

он. — Он мне угрожал… пытался убить… и все это записано на диске…

— Ну-ну, господин Диас, — охладил его Чалмис. — Не начинайте того, чего не сможете закончить. Вспомните, что еще есть на этом диске. Я вас и пальцем не тронул. Вы были вооружены смертельно опасным оружием, а я безоружен. Кстати, вы больше часа провели в пределах моей собственности, прежде чем объявили о своем присутствии. Да будет вам известно, что я владею несколькими сотнями акров земли и вокруг огороженного силовым экраном дома.

— Капитана Дюбаора в нашем округе очень уважают, — вставил шериф невинным тоном гида, обращающего внимание туриста на местную достопримечательность. — Это я говорю на тот случай, если вы сомневаетесь, чьим словам здесь охотнее поверят — его или вашим.

— Учитывая альтернативу, вам выгоднее предстать перед судом за мелкое нарушение закона, — добавил Чалмис.

До Диаса внезапно дошло, что его не обвиняют в покушении на убийство — во всяком случае, пока. Его рот резко захлопнулся.

— В окружной тюрьме тоже есть немалый запас сыворотки против яда москитов, — задум-

чиво произнес Чалмис, когда Диаса выводили. — Думаю, Билл, этот подопечный вам хлопот не доставит.

— Чалмис! — восхищенно проворковала Анайя, когда они остались наедине. — Ты гений! Как тебе это удалось? Узнал что-нибудь про мой сон?

Чалмис устало выдохнул и сел.

— Что за грязная история… Пожалуй, я приму душ перед ужином. — Он повернулся к экрану фона и стал набирать инструкции. — То, что произошло в лесу, я обсуждать не желаю. А насчет твоего сна — да, я, кажется, знаю, где он сейчас. Как в конце концов выяснилось, Босс не замышлял твоего убийства. То была идея Кинси — то бишь Диаса. Роль посредника он провалил по всем пунктам и ухитрился подвести и заказчика, и исполнителя, попытавшись украсть предназначенные тебе деньги.

На экране Чалмиса появилась эмблема доступа к справочной системе библиотеки Рио-де-Жанейро.

— Посмотрим, что мы сможем узнать сами, не обращаясь к полиции.

— Кто такой доктор Бианка? — спросила Анайя, взглянув на экран.

— Думаю, что он и есть Босс. Посмотрим, подой-

дут ли другие приметы. Гм-м… Степени по химии и психологии. Интересная комбинация.

— Он женат, — отметила Анайя.

— Да, давай узнаем что-нибудь о ней. Поищем в социальном регистре.

— Смотри, — показала Анайя. — Она уже была замужем. Один ребенок. Но ничего не сказано о проблемах с психическим здоровьем.

— Такая информация хранится в медицинских архивах, а нам туда не влезть. Законным способом, во всяком случае. Так, а как насчет денег? — Он быстро застучал по клавишам. — Ага! В яблочко!

Как выяснилось, жена доктора Бианки владела шестьюдесятью процентами акций знаменитой компании, в которой работал ее муж. Вскоре выявилась и причина: она была внучкой покойного основателя фирмы.

— Женился на дочке начальника. Вот тебе и мотив убийства, — прокомментировала Анайя. — У нее огромное состояние.

— И поэтому он должен был действовать с величайшей осторожностью, чтобы ее смерть не вызвала никаких подозрений. Но зачем ее убивать? На мой взгляд, он и так уже получил все.

Чалмис уставился на экран, как на магический

кристалл, но тот его больше ничем не порадовал.

— Ты ведь понимаешь, — сказал он после краткого молчания, — что мы хотели обвинить его в убийстве, предполагая, что он заказал покушение на тебя. Теперь мы знаем, что он этого не делал. И наши подозрения могут оказаться совершенно необоснованными.

Анайя обдумала проблему с этой новой точки зрения.

— Мои выводы совпадают с твоими, — признала она, — но…

— Это знаменитое «но», — пробормотал Чалмис.

— Но мне станет намного спокойнее, если я верну заказанный сон, — договорила она. — И не желаю выслушивать шуточки насчет женской интуиции.

— Дорогая моя, твою интуицию я приравниваю к силам природы — например, к приливам. Я не царь Канут. И несмотря на прочие твои недостатки…

— Огромное спасибо.

— …ты свое дело знаешь. По крайней мере насколько я могу судить.

— Полагаешь, мы сможем его выкрасть?

Чалмис обиделся, услышав такое предложение.

— Возьмите себя в руки, Ватсон. В этом нет необходимости. Правы мы или нет в своих предположениях, я не вижу вреда в том, что ты потребуешь вернуть работу. Однако не вижу и оснований для любых обвинений против доктора Бианки. Даже если худшие твои предположения верны, он, по сути, не сделал ничего противозаконного.

— Даже если он использует мой сон против своей жены?

— Такое будет чертовски трудно доказать в суде. И, насколько я тебя знаю, ты гораздо больше заинтересована в предотвращении преступления, чем в возмездии.

— Разумеется.

— Хорошо. Полагаю, тебе вполне удастся… гм… вакцинировать доброго доктора против искушения, даже не поднимая деликатной темы доказательств. Ты по-своему чрезвычайно тонко ощущаешь чувства людей в тех редких случаях, когда ухитряешься обращать на них хоть какое-то внимание. И когда ты туда попадешь…

— Когда я попаду — куда? По-твоему, мне надо просто прийти к нему и сказать: «Привет, я не

хочу, чтобы вы убивали свою жену. Отдайте диск с моим сном». Чалмис, да у него в подвале наверняка есть бассейны с акулами и аллигаторами как раз для таких, как я.

— У этих зверюг от тебя начнется несварение желудка, — ухмыльнулся Чалмис. — Но вот что я предполагаю. Если учесть образование и должность нашего клиента, это, как мне кажется, его первая попытка насильственного преступления. И если ты сумеешь его убедить, что он разоблачен, и при этом не повергнуть в панику, то готов поспорить, что напугаешь его сильнее, чем он может напугать тебя. Но, учитывая, что перепуганные мужчины способны на идиотские поступки, я организую какой-нибудь предлог, чтобы во время встречи с ним тебя сопровождал полицейский эскорт. В любом случае это усилит эффект. Только постарайся не схлопотать иск за клевету.

Анайя была далеко не в восторге от предложенной схемы, но вспомнила о своем зловещем сне и сказала:

— Хорошо. Надеюсь, ты прав. Давай начнем. Чем быстрее все кончится, тем лучше.

На следующее утро Анайя вылетела в Рио первым же шаттлом. Лейтенант Мендес, с которым

она предварительно договорилась, встретил ее в аэропорту. Его очень обрадовало известие о том, что Диас сидит под замком в Огайо.

На очереди стоял доктор Бианка. Анайе представлялось, что его немедленно арестуют, а кассету со сном конфискуют в качестве доказательства. Мендеса заинтриговала ее теория о предполагаемом использовании этого фили-сна, хотя сам он не имел имплантата и вероятность подобного воздействия «ощущалки» мог оценивать скорее с помощью воображения, чем интуиции. Как профессионал он имел больше оснований для скепсиса.

— Когда преступление еще не совершено, то доказать преступное намерение весьма трудно, — сказал он. — На мой взгляд, богатый убийца ничуть не лучше бедного, но богатому по карману более опытные юристы. И если только он не осчастливит вас спонтанным признанием, хороший адвокат изрубит ваши обвинения в лапшу да еще выдвинет встречный иск за оскорбление и клевету. Новые технологии порождают новые преступления — это известная проблема. Всем ясно, что противозаконно убить человека, воткнув в него нож. Но, насколько мне известно, нет закона, запрещающего убить его, вонзив в него идею.

— Так как же мне заставить доктора вернуть диск, если он не пожелает? Полагаю, теперь это его собственность, раз я взяла плату за работу.

— Да, это так. — Мендес поразмыслил. — Мне в любом случае придется задать ему вопросы о Диасе, и, хотя Диас отвел от него подозрение в убийстве, остается еще любопытная проблема «отмытой» наличности. Так что в целом я охотно помогу вам заставить доктора ощутить себя, скажем, неуютно. Но выходить за эти рамки я не имею права.

— Надеюсь, этого окажется достаточно. Остальное, пожалуй, будет зависеть от моих способностей.

Добраться до доктора Бианки и договориться о встрече оказалось нелегко. Анайе пришлось пробиваться сквозь несколько слоев секретарей и ассистентов, но когда доктор услышал ее имя, то охотно согласился встретиться у него в кабинете дома. О цели визита она даже не намекнула — пусть помучается в догадках.

Дом доктора располагался в прекраснейшем и богатейшем жилом районе города. Старинные дома с чудесными садами, выстроившиеся вдоль улиц, пережили период упадка, но последнее поколение жильцов вложило немало средств в

их реставрацию, когда наступила очередная мода на старину. Анайя решила, что здесь Чалмис чувствовал бы себя как дома.

Дверь Анайе и лейтенанту Мендесу открыл самый настоящий дворецкий. Он повел их наверх по широкой лестнице; навстречу им спускалась женщина лет под сорок, худая и настороженная.

Анайя считала, что умеет со вкусом одеваться, но одежда женщины отличалась такой элегантностью, что у гостьи возникло ощущение, будто свой собственный гардероб она подбирала в подвале и на ощупь. Высокомерно-презрительные глаза хозяйки дома задержались на Анайе и ее облаченном в штатское спутнике — женщина не смогла быстро определить, на какую полочку в ее мире их следует поместить. Когда она повернула голову, увенчанную пышными и блестящими черными волосами, Анайя заметила, как за украшенным драгоценностями левым ухом блеснул серебряный кружок коннектора. Она намеренно поймала глазами скользнувший по ней взгляд хозяйки и ответила ей вежливым кивком и улыбкой, а потом остановилась, надеясь улучить момент для дальнейшего наблюдения.

— В чем дело, Хуан? — Женщина обратилась к слуге так, точно Анайи и полицейского рядом

не было.

— Доктор назначил им встречу, мадам, — пояснил слуга с извинением в голосе.

— Это что, очередная часть его схемы развития? — Она повернулась к Анайе, раздувая ноздри от плохо скрываемой ярости. — Можете передать моему так называемому мужу, что я не поддержу его на совете директоров. Этот Даккуто положил предел моему терпению. Во времена моего отца мы не связывались с такими продуктами. И не станем связываться.

— Кажется, у нас вышло некоторое недоразумение… миссис Бианка? Мое дело не имеет никакого отношения к вашей компании, — ответила Анайя, продлевая момент.

— О, — равнодушно бросила она, утратив к ней интерес. — Мило. Хуан, напомни доктору, что через час нам надо ехать на обед к Гендерсонам.

Она пошла вниз по лестнице, оставляя за собой шлейф дорогих духов. Анайя задумчиво сжала губы, глядя на ее прямую спину, потом повернулась и направилась следом за дворецким в кабинет доктора.

Когда гостья вошла, Бианка встал и с церемонной любезностью пожал ей руку. Он оказался мужчиной лет сорока с едва тронутыми седи-

ной волосами, загорелым и подтянутым. Явной нервозности он не проявил, но его взгляд быстро скользнул по спутнику Анайи, о котором она предусмотрительно не сообщила, договариваясь о встрече.

— Здравствуйте, мисс Рюи. — Анайе показалось, что он изучает ее лицо с тем же интересом, с каким она изучает его. — Чему обязан удовольствию нашей встречи? — Он явно намеревался хранить спокойствие.

— Я встретила в холле вашу жену, — начала Анайя замаскированную атаку. — Весьма элегантная женщина. И, как я слышала, еще и деловая.

— Это она так думает, — едва заметно улыбнулся Бианка. — На самом деле большинство своих талантов она проявляет в светской жизни. Ей трудно оценить уровень конкуренции на современном рынке. Компания же — совокупность сотен работников… Но вы человек творчества, и не стану утомлять вас болтовней о бизнесе. Э-э… — Он кивнул на лейтенанта.

— Позвольте вам представить лейтенанта Мендеса из городского бюро по расследованию убийств. Он со мной. — Она сделала паузу, чтобы до хозяина дошел подтекст сказанного. — У меня возникла небольшая проблема с вашим служа-

щим Карлосом Диасом.

— А-а… Я не назвал бы его нашим служащим, — быстро поправил ее Бианка. — Просто у человека были проблемы с работой, и мне захотелось помочь ему снова встать на ноги. Я не верю в прямую благотворительность, но небольшое поручение, предложенное в нужный момент, зачастую приносит гораздо больше пользы.

— Зато господин Диас, очевидно, по-иному расценил ваше доверие, — сухо заметила Анайя. — И попытался извлечь выгоду из моего скромного заказа, совершив покушение на мою жизнь.

— Боже милостивый! — Насколько Анайя могла судить, потрясение доктора оказалось искренним. — Я и понятия об этом не имел! — Он внезапно выпрямился. — Э-э… что это был за заказ?

Анайя поймала его взгляд и с фальшивой улыбочкой пояснила:

— Фили-сон для вашей жены. Кажется, ко дню ее рождения, да?

Бианка с тревогой взглянул на лейтенанта. Тот флегматично ждал, и лицо его оставалось невыразительным, словно пудинг. Анайя почувствовала, что сейчас Бианка начнет все отрицать, и сделала упреждающий ход. Подавив вздох сожаления,

она достала из сумочки чек Диаса и положила его на полированный стол из настоящего дерева.

— Я возвращаю деньги, которые вы мне заплатили. По этому чеку вы сможете получить их в любом отделении банка. И прошу вас вернуть диск с заказанным сном. В процессе работы в него вкралась ошибка.

Анайя затаила дыхание. Если Бианка в присутствии лейтенанта заявит, что понятия не имеет ни о каком заказанном сне, это погубит все ее шансы на успех. Но выведенный из равновесия доктор — он ведь не знал об откровениях Диаса — сделал ошибочный ход.

— Я сам проверил этот сон, — заявил он. — Вероятно, вы слишком взыскательны к своему творчеству. Заверяю вас, заказ выполнен безупречно.

И он подтолкнул к ней чек. «Попался», — подумала Анайя, однако не шелохнулась.

— Как раз наоборот, я допустила принципиальную ошибку. — Гостья выразительно взглянула на Мендеса. Тот, уютно устроившись на стуле, делал вид, будто с большим интересом разглядывает что-то в саду за окном.

Бианка встревожился не на шутку и впервые косвенно признал реальную суть дела.

— Но почему это вас настолько тревожит, если клиент удовлетворен? А я весьма доволен вашей работой, причем настолько, что могу даже удвоить ваш гонорар.

Анайя улыбнулась и покачала головой, отклоняя взятку. Теперь она не сомневалась, что наступление удалось.

— Если бы я была машиной и производила некий товар подобно машине, то мне было бы все равно. Но я зарабатываю, создавая образы, слова, идеи — то, что существует лишь в воображении. Мою продукцию надо «принимать внутрь», как лекарство. Вот почему меня так заботит, чтобы мой продукт не имел ядовитых примесей — вы наверняка оцените такую аналогию.

Анайя вонзила в него эту словесную шпильку с превеликим удовлетворением.

— А мне о фили-снах говорили совершенно иное, — едко парировал Бианка.

Анайя с чувством вины вспомнила некоторые свои прежние работы, но решила, учитывая величину ставок в этой игре, что капелька лицемерия сейчас будет извинительна.

— У разных композиторов разные стандарты, — пояснила она, глядя в потолок. — И зависят они от величины таланта.

— Знаете, художник, к которому пристанет репутация человека, неспособного выполнить заказ, может лишиться средств к существованию, когда про такое узнают все. — Бианка нахмурился, отчаянно пытаясь придумать угрозу, которую можно без опаски произнести в присутствии полицейского. — А я вряд ли смогу рекомендовать вас своим друзьям. На вас даже можно подать иск за нарушение контракта.

Лейтенант выпрямился на стуле и взглянул на доктора, чуть заметно улыбаясь. Бианка на мгновение метнул в него ненавидящий взгляд.

— Да, процесс может оказаться интересным, — проговорила Анайя. — Сон, разумеется, станет фигурировать в суде как доказательство. Его захочет просмотреть судья. Возможно, и эксперты. И изучат его весьма тщательно. А огласка… лично я люблю огласку. Когда твое имя мелькает на публике, его вспоминают, услышав снова — скажем, в другом контексте.

Бианка ответил ей кислым взглядом человека, только что заляпавшего почти завершенный манускрипт. Анайе сразу вспомнились опасения насчет акул и аллигаторов, и она вдвойне порадовалась соседству лейтенанта Мендеса, терпеливо дожидавшегося момента, когда он

сможет приступить к своим непосредственным обязанностям.

Медленно и неохотно безупречный убийца расстался с надеждой завершить тщательно замысленный план досрочного овладения покоем, свободой и властью.

— Как вам будет угодно, — сдался он. — Я вам его верну.

И он занялся тактильным замком сейфа, скрытого за картиной на стене кабинета. Анайя послала Мендесу краткий торжествующий взгляд, тот ответил улыбкой и тут же стер ее с лица, когда Бианка достал мастер-картридж и положил на стол рядом с чеком.

Анайя достала из сумочки свой старый плеер.

— Я, естественно, желаю ознакомиться с продуктом, — процитировала она и быстро проверила запись. Это действительно был оригинал. Она положила его в сумочку и встала.

— Доктор Бианка, благодарю вас за то, что уделили мне несколько минут своего времени. — Она быстро придумала, как загнать последний гвоздь в крышку гроба его надежд. — Передайте мои наилучшие пожелания вашей жене. Она произвела на меня неизгладимое впечатление. Теперь, когда я с ней познакомилась, если так

можно выразиться, и снаружи, и внутри, я стану внимательнее искать ее имя в светских новостях. Это придаст всей истории более личный интерес.

Анайя решила, что если задержится еще немного, то может перестараться — она и так балансировала на грани допустимого.

— А теперь позвольте оставить вас, господа. Не стану более отвлекать вас от реальных дел. Меня же ждет мир моих неописуемых фантазий.

Когда она выходила, доктор Бианка не поднялся из кресла, чтобы проводить даму.

Анайя облегченно выдохнула, выйдя на мягкий дневной свет зимнего солнца. Ей казалось, что она побывала в пещере, где время остановилось на целые столетия, или сбежала из дворца злобного царя эльфов. Крепко сжав сумочку с картриджем, она отправилась на поиски ближайшего общественного транспорта, который доставил ее домой, в не столь роскошный район города.

Заброшенная на неделю квартира показалась ей холодной, к тому же в ней установился неприятный запах. Разбросанные вещи напомнили о торопливом отъезде. Она увидела кофейную чашку, в которой над слоем черной слизи на дне

уже выросла плесень, и кучу грязной одежды. Обычно Анайя не очень-то жаловала домашнюю работу, но мерзость запустения ее доконала, и следующий час она посвятила энергичной чистке и уборке. Даже самые навороченные и автоматические домашние приборы не станут работать, если их не включать, не программировать и не обслуживать. Финальным актом наведения порядка стало церемонное извлечение из сумочки картриджа и его электронная кремация в утилизаторе. Анайя так и не решила, куда его отправила — в ад или рай для снов, но знала, что призрак этого видения останется с ней надолго.

Ее труды и добродетель оказались вознаграждены. Вскоре после скудного ужина ей доставили новенький синтезатор — Чалмис предусмотрительно переадресовал доставку. Анайя схватила его с нескрываемой жадностью.

Плетельщица снов благоговейно поставила коробочку на рабочий стол и ненадолго отвлеклась, глядя в окно, где переливались городские огни, напоминая драгоценности в витрине ювелира. Потом села и задумалась — за какую работу взяться в первую очередь. Она все же испытала краткую остаточную тревогу, подключая провода к вискам, но сразу же забыла о ней, когда перед

ее мысленным взором возник новый яркий мир.

Девочка смотрела сквозь стекло купола на бесконечные поющие пески Колонии Бета — то охряные, то цвета ржавчины, но никогда не замирающие, никогда не умолкающие. Она смотрела на них с тоской и желанием, прижав пальцы к прохладной гладкости оберегающей ее тюрьмы, почти не замечая обволакивающего ее негромкого гудения машин, позволяющих ходить в простой одежде и дышать без маски. Воздух в ноздрях был сух и прохладен — его выдыхала машина, а не что-то живое и зеленое. Девочка повернулась к стоящему рядом брату…

Анайя вернулась домой.

Приключение дамы на набережной

Поздним и не по сезону холодным утром в июне 1903 года я зашел к моему другу Шерлоку Холмсу на нашу прежнюю квартиру на Бейкер-стрит. Ночь моя прошла в печальном бдении у смертного одра пациента, с которым мы с женой давно были дружны. Его разъедал рак. Но даже мысль о том, что он приветствовал смерть как избавление от нескончаемой муки, которую уже не могли умерить даже самые большие дозы морфия, что я осмеливался ему давать, не умерила глубокой печали, вызванной его уходом. Его случай с самого начала был безнадежным, непоправимым, и серый унылый дождик, зарядивший с самого утра, только ухудшал мое настроение. Мои размышления о бренности всего сущего приобрели поистине уродливый характер, когда кеб, который вез меня домой, на Куин Энн-стрит, свернул с Мерилебоун-роуд на Бейкер-стрит. Отчасти желая прогнать дурные мысли, а отчасти оттягивая ту минуту, когда мне придется огорчить Алисию столь печальным известием, я поддался порыву

и остановился у знакомого дома, чтобы зайти к моему другу.

Билли, юный слуга Холмса, впустил меня в квартиру, и я застал его хозяина за остатками скромного завтрака. Он уже закурил первую за день трубку (набитую недокуренным накануне табаком) и начал изучать одну из газет, разбросанных по столу в обычном беспорядке. Холмс пристально посмотрел на меня.

— Принесите еще кофе, Билли, — в первую очередь распорядился он. — Присаживайтесь, старина. Вид у вас очень усталый.

Я кивнул и с радостью опустился в привычное кресло. Холмс хранил спокойное молчание, пока я не допил первую чашку кофе, а потом мы поговорили о старом Гастингсе, с которым Холмс был немного знаком.

— Вы чем-то заняты? — осведомился я наконец, желая перевести разговор на более веселую тему, и кивком указал на газету, развернутую у его тарелки.

— Возможно. Хотя на первый взгляд может показаться, что это скорее по вашему профилю, чем по моему. — Он постучал по газетному листу длинным тонким пальцем. — Судя по состоянию вашего подбородка, вы утреннюю газету не чи-

тали. А вчерашнюю видели? Нет? У вас как раз хватит времени, если хотите. Лестрейд звонил мне недавно, и скоро появится здесь сам. Центральная колонка. — Он протянул мне газету. — Все газеты пишут примерно одно и то же.

Заголовок гласил: «На набережной найдена женщина. Попытка самоубийства? Полиция ищет сведения, чтобы установить личность неизвестной». На газете было проставлено вчерашнее число.

«Сегодня примерно в два часа утра неизвестная женщина была обнаружена констеблем Джоном Хармоном, совершавшим обход своего участка на набережной неподалеку от Нортумберленд-авеню. Несчастная сидела на спуске к реке, вымокшая до нитки, и куталась в простыню. Она находилась в странном состоянии, похожем на глубокий шок, и отказывалась говорить и отвечать на вопросы. Констебль доставил женщину в Новый Скотленд-Ярд, откуда ее затем перевели в больницу Святого Варфоломея. Полиция дает следующее описание неизвестной: рост пять футов восемь дюймов, вес приблизительно 9 стоунов, волосы длинные, темно-русые, глаза серые. На вид тридцать — тридцать пять лет. На левой икре след от давнего ожога, еще один шрам — на левом

плече, и свежий порез на правом запястье. Всех, кто имеет сведения о личности этой женщины, просят связаться с полицией. Расследование — в опытных руках инспектора Скотленд-Ярда Лестрейда, который ведет дело со свойственными ему решительностью и проницательностью».

— Весьма странно, — сказал я, возвращая Холмсу газету, — но не слишком подробно.

— Полагаю, материал подверстали в последнюю минуту, — отозвался Холмс. — Но в сегодняшнем номере мало что добавлено, хотя они еще не говорят, что полиция пребывает в недоумении. Однако здесь слишком мало сведений, чтобы решить, попадает ли это дело в категорию необычных или просто отвратительных. Но, если я ничего не путаю, эти размеренные шаги принадлежат тому, кто сможет поведать нам обо всем.

Инспектора Лестрейда впустил в комнату паренек в курточке со множеством пуговиц. Сам Лестрейд нес под мышкой грязный белый узел, а на хитроватом лице выражалось легкое раздражение. Он поздоровался с нами тем тихим и вежливым тоном, какой появлялся у него всякий раз, когда расследование двигалось туго.

— Право, мистер Холмс, не припомню дру-

гого дела, где было бы настолько мало улик, — проговорил он, развязывая свой узел, чтобы продемонстрировать его Холмсу. — Одежда хоть что-то да говорит о человеке. Иногда можно даже определить, откуда она. Видел я, как вы чудеса творили с подкладкой карманов. Но у этой несчастной нет ни подкладки, ни карманов.

— Насколько я понимаю, простыня — то самое одеяние, о котором упоминалось в газетах, — отозвался Холмс. Взяв ткань, он принялся внимательно ее рассматривать. — Ну что ж: отсутствие улик иногда тоже о чем-то говорит. — Он отошел с простыней к окну. — Довольно обычный предмет, правда? Простынями такого размера и качества часто застилают больничные койки. Могу ли я полагать, что вы проверили наиболее очевидную возможность, что эта несчастная женщина сбежала из какого-нибудь учреждения?

— Мои люди занимались этим со вчерашнего утра. Полагаю, мы проверили все общественные и частные клиники и дома умалишенных в городе (Господи, сколько же их!), но ни из одной не пропадала женщина, которая соответствовала бы описанию этой леди.

— Эти пятна крови… Какие раны были у молодой особы?

— Небольшие. Порез и пара царапин. Ее не избивали, не связывали. И больничный врач сказал, что насилию она тоже не подвергалась.

— Сколько отрицательных результатов! А как насчет лекарств?

— Вот из-за этого я и отправился по больницам. На ней несколько следов от уколов. Ясно, что ее где-то лечили, если только она не потакала собственному болезненному пристрастию. Постепенно я прихожу именно к такой теории.

— Следы на одной руке или на обеих?

— О, на обеих.

— Значит, уколы ей делал кто-то другой, так что ваша вторая теория несколько теряет привлекательность. Вы сами осматривали эту женщину?

— Я ее видел. Необычная у нее внешность, я бы сказал. Но с тем же успехом можно разговаривать со статуей: такая же неразговорчивая. Остаются только улики. А их нет. Так что придется сидеть и ждать, чтобы кто-нибудь пришел ее опознавать. Если придет.

— Ну, я бы так не сказал, — проговорил Холмс. — Возможно, сама женщина может предоставить нам больше улик, чем вы думаете. Хотя на сей раз я вынужден согласиться, что это ваше одеяние дает немного материала для дедукции.

Услышав такое признание собственного поражения, Лестрейд довольно улыбнулся.

— Если бы нам удалось найти то, чем она порезалась, я был бы доволен, — сказал он. — Например, следуя вашему способу рассуждений, если бы это оказался кухонный нож, мы могли бы сказать, что она — несчастная домохозяйка, которую нищета толкнула на столь отчаянный поступок. А будь это, скажем, дешевый перочинный ножик, мы бы решили, что это бедная девица, которую бросил возлюбленный.

Холмс задумчиво поднял простыню к свету.

— Следуя вашему способу рассуждать: она разрезала себе запястье и была в воде, следовательно, пыталась вскрыть себе вены и утопиться, да? Это выглядит несколько чрезмерным. — Холмс кисло улыбнулся. — Ну что ж, я предложу вам альтернативный вариант. Вы не найдете ножа, потому что его не существует, и она не пыталась покончить с собой, утопившись. На самом деле она вообще не пыталась покончить с собой.

— А как вы пришли к такому заключению по простыне? — вопросил несколько удивленный Лестрейд.

Однако на этот раз осторожность не позволила сыщику отвергнуть теорию моего друга.

— В ту ночь, когда эту женщину нашли, она проходила через Кэмберуэлл — или находилась там. Эти пятна от глины выглядят довольно характерно, хоть они и размыты от пребывания в реке. Полагаю, она переплыла реку. А женщина, способная переплыть Темзу, вряд ли сочтет воду достаточно смертоносной, чтобы пытаться покончить жизнь самоубийством, утопившись. К этому я могу добавить только то, что она покинула место своего пребывания, обернув простыней правую руку и разбив окно, и что она ела овсянку. Дополнительные сведения должны поступить из больницы. Я был бы рад, если бы вы к нам присоединились, Ватсон. Подозреваю, что ваша специальность может оказаться для нас полезной. Будьте добры, вызовите Билли. Мы возьмем кеб.

Очень скоро наемный извозчик высадил нас у входа в огромную больницу. Когда мы попали в плохо освещенный коридор, из палаты неизвестной как раз выходил дежурный врач.

— А, мистер Лестрейд! — воскликнул он, увидев инспектора. — Значит, полиции удалось что-то найти?

— Ну, не совсем, — ответил Лестрейд. — Я привел сюда этих джентльменов в качестве кон-

султантов. Доктор Стэнли, это мистер Холмс. И, разумеется, доктор Ватсон. Доктор Стэнли дежурил вчера, когда ее привезли констебли.

Услышав имя моего спутника, доктор Стэнли захлопал глазами.

— Конечно, я слышал о вас, мистер Холмс. Право, какая честь для меня!

Доктор Стэнли оказался молодым человеком чуть ниже среднего роста. Он смотрел на мир сквозь толстые стекла очков в позолоченной оправе, а по его губам часто пробегала робкая улыбка. По всей видимости, он был из небогатых студентов-старшекурсников.

— В ее состоянии были какие-то изменения? — осведомился Лестрейд.

— Да, определенно, — ответил доктор Стэнли. — То есть так мне кажется. Сегодня утром она разговаривала с медсестрами. Им наконец удалось ее немного покормить. Так что она может говорить. Я начал было думать о полной афазии, как после инсульта, хотя в правой стороне слабости не наблюдалось. Это было бы ужасно для столь молодой женщины.

— Что она сказала? — с большим интересом спросил Лестрейд. — Вчера она и смотреть-то на меня не желала, не то что говорить.

— Ну… ничего особенного, — признался доктор Стэнли. — По правде говоря, она сказала только «спасибо». Но это уже хоть что-то. Вчера я думал поставить ей диагноз «истерическая каталепсия», но этот диагноз явно не подходит. Сегодня она не в истерике, да и каталепсии тоже не наблюдается. Но она все еще замкнута. Она сидит и смотрит в пространство с глубоким… гм… равнодушием. И по-прежнему не хочет со мной разговаривать. Может, вам повезет больше. В любом случае попробовать стоит.

Врач повернулся и впустил нас в палату. Просто обставленная больничная комната была залита холодным серым светом, проходившим сквозь два высоких узких окна. Пациентка, к которой мы пришли, сидела на койке с металлической рамой, опираясь на груду подушек. На ней был больничный халат, ноги накрыты накрахмаленной больничной простыней. Внешность женщины оказалась в высшей степени необычной. Густые шелковистые рыжие волосы обрамляли бледное лицо с резкими, но гармоничными чертами. Высокий лоб, широкие скулы, волевой подбородок. Лицо изможденное, как от недоедания. Бледно-коралловые губы, прямой нос, глубоко посаженные прозрачные серые глаза, которые поначалу нас

не заметили. Взгляд был устремлен в изножье кровати, выдавая внутреннее напряжение. Женщина сидела почти неподвижно — только палец с коротким, неровно обломанным ногтем чертил по краю простыни маленькие круги.

— Гм! — произнес Холмс, встав у кровати и глядя на женщину.

Он перешел к левой стороне кровати и поднял ее руки. Та не сопротивлялась, но впервые ее веки приподнялись: мне показалось, что она смотрит на моего спутника.

— Сразу видно, что она — правша, знает грамоту и не была в услужении, — начал Холмс тоном профессора, обращающегося к студентам. Его обожженный кислотой палец указал на заметную мозоль, оставленную пером на среднем пальце правой руки незнакомки. — Она часто работала с химическими препаратами. И она — женщина, которую мало интересуют условности. Видите эти очень слабые, размытые следы на ее пальцах? — Наклонившись, я едва сумел различить коричневатые отметины, на которые указывал Холмс. — Дама курит. По-моему, сигары. Она играет на струнном музыкальном инструменте — как любительница, а не как профессионал. Вероятно, на гитаре. Несомненно, на гитаре. В недавнем

прошлом она колец не носила, что заставляет нас предположить, что она не замужем либо уже достаточно давно овдовела.

— Бесспорно, не замужем, — вставил доктор Стэнли.

— О? Ну что ж, это уже кое-что. Некоторые ногти обломаны, другие — обкусаны. Ни один не подправлен пилкой. Думаю, мы можем заключить, что ее неприятности начались как минимум несколько дней назад. Но, как можно видеть, не раньше чем три-четыре недели, судя по следам от уколов у нее на руках. А вот эти царапины на ладонях появились только в результате ее позавчерашних приключений. Гравий. Порез на запястье действительно нанесен разбитым стеклом, тоже позавчера — он-то и послужил источником пятен крови на той простыне. Давайте посмотрим, о чем скажут ее ноги.

Холмс начал опускать руки женщины, но тут ее пальцы схватили его за руки. Теперь она пристально смотрела на Холмса, и ее пальцы начали двигаться по его руке. Ее брови чуть шевельнулись, когда указательный палец прикоснулся к пластырю на тыльной стороне Холмсовой ладони. Она начала было отодвигать левый манжет его рубашки, но потом резко отпустила. Холмс

пристально наблюдал за ней, наклонив голову набок, с удивленной полуулыбкой. Женщина подняла голову и посмотрела прямо ему в лицо.

— Вы ведь… — начала она — и замолчала.

У нее был приятный низкий голос, но говорила она так тихо, что я едва мог разобрать слова. Похоже, она передумала, уронила руки на колени и снова откинулась на подушки.

— Продолжайте, — сказала она Холмсу.

Холмс отступил на шаг, чуть сдвинув брови.

— Она с вами заговорила! — радостно воскликнул доктор Стэнли.

— Несколько бессмысленно, — вставил Лестрейд.

— Ее выговор… — начал я, но Холмс предостерегающе поднял палец:

— К ее выговору мы вернемся позже.

— Но она действительно может говорить!

Доктор Стэнли шагнул к кровати и взял ее руку в свою.

— Мадам. Как ваше имя?

Кажется, она едва заметно кивнула, но не подняла глаз. Доктор Стэнли секунду с надеждой смотрел на нее, а потом вздохнул, пожал плечами и снова отошел. Тем временем Холмс завершил короткий осмотр ее ног.

— Здесь отметины тоже относятся к позапрошлой ночи. Более старых нет. Она привыкла носить удобную обувь. Когда-то она была хорошо натренирована, но в последнее время вела менее подвижный, сидячий образ жизни. След ожога у нее на ноге очень давний. Он относится к тому же времени, что и шрам на левой руке, который, кстати, несомненно является следом пулевого ранения.

— Но как это все сочетается? — вопросил Лестрейд, которого полученные сведения сбивали с толку все больше.

Серые глаза женщины были устремлены на Холмса с прямо-таки обжигающим вниманием, однако она по-прежнему хранила молчание.

— Вы распутали это дело! — воскликнул доктор Стэнли, следивший за лекцией Холмса с восхищением.

— Вряд ли, — сухо отозвался Холмс, ни в коей мере не чувствовавший себя польщенным. — Я пока даже не могу предположить, как такая женщина могла в подобном состоянии оказаться на набережной Темзы в два часа ночи. Есть нечто маловероятное…

Я заметил, что моего друга что-то весьма озадачило. Мгновение он стоял, обхватив подбородок

рукой, так и не закончив последней фразы, а потом вернулся к изголовью. Бережно подняв массу светлых волос, он осмотрел затылок незнакомки, а потом стал рассматривать кожу.

— Очень жаль, что вы вымыли ей голову: там могло оказаться нечто интересное… Наверное, необходимо было… Гм… Э, а это что? Ну-ка, что вы по этому поводу думаете, Ватсон? — Холмс поднял прядь ее волос, чтобы продемонстрировать небольшое пятно размером с монету на правой стороне затылка. — Похоже, выбрито. И обратите внимание на эту небольшую круглую болячку в центре. Погодите-ка, вот еще одно. Одинаковые, — добавил он, подняв волосы слева.

— Похоже на след иглы от шприца, — высказал я догадку.

Холмс выгнул бровь.

— Весьма необычное место для инъекции, не так ли?

— Возможно, инъекция была подкожная, — предположил я.

Доктор Стэнли тоже осмотрел странные пятна.

— Вчера я их не заметил. — Он явно был в недоумении. — Никогда ничего подобного не видел.

Холмс внимательно осмотрел пятна через карманную лупу. По суровому выражению его лица

я понял, что ему пришла в голову исключительно неприятная мысль.

— Послушайте, Ватсон, — сказал он, отходя к окну и понижая голос, из чего я заключил, что он хочет поговорить со мной конфиденциально. Я приблизился к нему и стал смотреть на небольшой двор, образованный углами старого здания. — У меня есть некая странная мысль относительно этих пятен, но не знаю, возможно ли такое с медицинской точки зрения. — Он устремил невидящий взор на небольшой клочок неба. — Предположим, что по какой-то причине кому-то понадобилось имитировать у кого-то обширный инсульт. Припомните, пожалуйста, как готовят лягушку для препарирования.

— Холмс, что за ужас! — воскликнул я, уловив направление его мысли.

Он слегка шевельнул рукой, призывая меня не повышать голоса.

— Иглу вводят, чуть-чуть поворачивают, — его указательный палец повернулся, иллюстрируя, — и дело сделано. Через несколько дней крошечное пятно исчезнет, не останется практически никаких следов. Следы исчезнут совсем, как только болячка отвалится, а волосы отрастут. Но — такое возможно?

— Трудно сказать определенно. — Я говорил очень медленно. — На такое мог бы решиться только опытный хирург. Малейшая неточность — и произойдет убийство либо результат окажется совершенно непредсказуемым.

— Да. Человек должен быть очень умелым — или очень удачливым. Первая гипотеза предоставляет несколько больше информации, хотя на данном этапе нельзя полностью исключить и вторую. Если это окажется так…

— Да?

Я видел, что подобная мысль ему особенно противна — впрочем, она ужаснула бы любого. У него она явно вызывала отвращение и жалость. Холмс пожал плечами, словно пытаясь от нее избавиться.

— Не уверен, что это не будет убийством — в обоих случаях. Однако не следует спешить с выводами, не получив всей информации. Есть и другие варианты. Может быть, электричество?

Стэнли тоже приступил к изучению пятен.

— Вы подозреваете злой умысел, мистер Холмс? — встревоженно спросил он. — Если бы только леди согласилась с нами разговаривать! — Врач схватил ее за руки и с досадой заглянул в глаза. — Почему вы не хотите назвать нам свое имя?

— Потому что я не помню! — выкрикнула она вдруг охрипшим от гнева голосом.

Доктор Стэнли отшатнулся. Словно испугавшись собственной вспышки, женщина сжалась в комок, как моллюск, прячущийся в свою раковину. Она закрыла лицо ладонями и некрасиво ссутулилась.

Глаза доктора Стэнли встретились с моими. В них отразилась страшная догадка.

— Амнезия! — выдохнул он.

Я заметил, что его крайне обрадовало появление диагноза, который можно занести в историю болезни. В способности дать название явлению есть нечто, что делает непонятное более понятным для людей с определенным складом ума. Я не делаю исключения и для себя самого.

— Ее выговор… — снова начал я.

Холмс кивнул:

— Либо она — англичанка, которая много времени провела в Америке, либо — американка, которая давно живет в Англии. Скоро станет ясно, что верно в нашем случае. Подождите.

Холмс придвинул к кровати стул. Незнакомка смотрела на него внимательно и серьезно — и, как мне показалось, с некоторой надеждой.

— Вы согласитесь со мной поговорить? —

негромко спросил он.

— Да, — ответила она после долгой паузы. — Вы… вы не теряете голову. У вас есть знания. Это был кошмар. Они, — тут она кивком указала на Лестрейда и Стэнли, — все время спрашивали у меня, почему я пыталась покончить с собой. Я не могла понять, о чем они говорят. И они постоянно хотят узнать мое имя, а я не могу…

Ее голос сорвался. Казалось, она готова вот-вот снова замкнуться.

— А что вы можете вспомнить? — спросил Холмс, как будто не замечая страха, звучавшего в ее голосе. — Смотрите на меня. Не волнуйтесь. Забудьте обо всем, чего вы не можете вспомнить. Сосредоточьтесь на том, что помните. Начните с начала. Говорите медленно. Расскажите мне все в мельчайших подробностях. Ну вот, так-то лучше.

Он слегка отодвинулся, убедившись, что благодаря его поддержке незнакомка овладела собой. Та села прямо, словно, выпрямившись сама, могла привести в порядок свои смятенные мысли, и начала рассказ со странного заявления. Сначала слова приходили медленно, но постепенно женщина заговорила внятно и громко.

— Я очнулась в маленькой комнатке. Это было… позавчера, наверное. Точно не знаю.

— Вы можете описать комнату? — спросил сыщик.

— Квадратная, со сторонами примерно десять футов. В ней был кирпичный камин, заколоченный, перед камином — черный сланец. Пол из светлых досок, но очень грязный. Половика не было. Стены выкрашены зеленой краской, в нескольких местах краска уже начала отслаиваться.

— Что было под ней?

— Другая краска. Верхний слой — зеленый, потом — желтый, потом — белый, потом — розовый. Потолок высокий — на три фута выше вытянутой руки. Окно завешено простыней, прикрепленной кнопками. Я лежала на узкой кровати, деревянной. На раме — резьба в виде виноградных листьев. У кровати стоял квадратный столик. Деревянный, очень простой. Другой мебели не было.

— Как вы себя чувствовали, когда очнулись? Болела ли у вас голова, не было ли ощущения, как от похмелья? Не пересохло ли во рту?

— Сначала я ничего не чувствовала. Я долго лежала и смотрела в потолок, не двигаясь. Мной владело какое-то оцепенение. Было такое чувство, будто я потерялась во времени и останусь

там навеки. Не знаю, сколько бы я так пролежала, но тут открылась дверь и вошел какой-то мужчина. Он принес фарфоровую чашку с едой — сладкая жидкая каша, посадил меня на кровати, дал мне чашку и ложку. Деревянную ложку. Он был странный.

— В чем?

— Не внешне. Внешность — довольно обыкновенная: немного ниже меня, чисто выбрит, равнодушен. Очень бледный и пухлый, как опарыш. Глаза карие. Мне он не слишком понравился, а вот он… он меня боялся.

— Как вы это определили?

— Он старался держаться от меня как можно дальше. Не смотрел мне в глаза. Когда я делала неожиданное движение, он вздрагивал. Если ему все-таки приходилось смотреть мне в лицо, его глаза… они словно о чем-то допытывались. Вот тогда я сама начала задавать себе вопросы. Я съела кашу, он взял чашку, ушел и запер за собой дверь. Мне хотелось встать и осмотреться, но я почувствовала сонливость и головокружение и заснула.

Когда я снова проснулась, в комнате были двое: тот, что похож на опарыша, и еще один. Высокий, старше первого. Седой, с крупным носом и

глазами ястреба: блестящими, непроницаемыми. Они принесли еще чашку каши. Седой присел у кровати на корточки. «Кто вы?» — спросил он меня. Я не могла ответить. Я не способна была думать. Я лежала молча и смотрела на них. «Вот видишь, — сказал он, обращаясь ко второму, и встал. — Тревожиться не о чем».

— А что вы скажете о нем? — спросил Холмс. — Он тоже вас боялся?

— Нет. Он просто был… осторожен. Глядя на него, я испытывала странный гнев. Мне хотелось запомнить его лицо, так что, если бы я снова с ним встретилась…

Она вдруг замолчала.

— Продолжайте.

Женщина глубоко вздохнула.

— Я испытывала примерно то же чувство, что и человек, запоминающий узор на спине у ядовитой змеи. Что это полезно знать. Если хотите, — решительно добавила она, — я почему-то чувствовала себя разгневанным призраком. Мужчина, похожий на хищную птицу, ушел. Второй остался проследить, как я ем, но я только притворялась, будто ем. Это было нетрудно. Я просто смотрела на него: вот так.

Она опустила голову, а потом вдруг резко подня-

ла ее, устремив на меня взгляд, полный яростной, фанатичной враждебности. Почему-то это выражение подчеркнуло ее странные черты лица. Я вдруг обратил внимание на неженственную решительность подбородка и на то, что лицо у нее похоже на череп. Казалось, немигающие глаза неестественно расширились. Столь пугающий и пристальный взгляд настолько меня смутил, что я невольно опустил глаза и отошел к окну, чтобы избавиться от ее внимания.

— Это сработало именно так, — жизнерадостно объявила она. — Я вылила кашу на кровать, а он взял чашку и ушел.

— А откуда вы знали, как нужно себя вести? — спросил мой друг.

Он откинулся на спинку стула, сцепив пальцы в замок и полузакрыв глаза. Казалось, он вот-вот заснет, но по этим знакомым признакам я заключил, что он слушает рассказ незнакомки со всем вниманием.

— Не знаю, откуда я это знала. Это было… самоочевидно.

Женщина снова испытала недоумение.

— Не важно. Продолжайте, — попросил ее Холмс. — Что вы сделали потом?

— Осмотрела комнату. Стало темнеть. Я сорвала

с окна простыню и выглянула наружу. Окно выходило во двор, окруженный стеной. Я долго сидела в темноте, пытаясь сообразить, что происходит, но не могла сосредоточиться. Окно не открывалось: рама была покрыта несколькими слоями краски. Я не смогла его открыть. В комнате внезапно стало душно. Мне захотелось выбраться из нее. Страх начал усиливаться. Я обмотала руку простыней с кровати и разбила стекло. А потом вылезла на подоконник и спрыгнула вниз.

— Вы были на первом этаже, — вставил Холмс.

— Нет. — Вопрос Холмса на секунду смутил ее. — Нет, этаж был второй.

— Понятно. Продолжайте.

— Я приземлилась на траву. Мгновение я не распрямлялась, прислушиваясь к тому, что происходит в доме: мне показалось, что я произвела слишком много шума. А потом мною снова вдруг овладела паника. Я выбежала через заднюю калитку. Я бежала и бежала по каким-то переулкам, стараясь держаться в темноте и в тени. Не думаю, чтобы я смогла найти дорогу обратно: голова у меня плохо работала. Все вокруг казалось грязным и странным. Я оказалась у широкой реки. Мне почудилось, что позади, в темноте, что-то есть. Я вошла в реку, упала в холодную воду и

позволила ей унести меня прочь. Пока я плыла, я почувствовала себя лучше: вода скрывала меня, поддерживала. Я плыла по течению довольно долго и почти не гребла. А потом меня вынесло к каменной стене. Я плыла вдоль нее, пока не оказалась у какой-то каменной лестницы. Я с трудом поднялась вверх по ступенькам и просто села. У меня кружилась голова, меня тошнило, я замерзла. Я завернулась в простыню — не знаю, почему она осталась у меня, не помню, чтобы я ее несла. И так я сидела очень долго. Какой-то мужчина в мундире вышел из темноты и начал задавать мне вопросы. Я не могла ему ответить, потому что не знала ответов. Он доставил меня сюда.

Рассказ завершился. Женщина тряхнула головой, и на ее губах появилась грустная полуулыбка. Она умоляюще посмотрела на моего спутника.

— Вы считаете меня сумасшедшей? — тихо спросила она.

Холмс встретил ее взгляд, не дрогнув.

— Нет, — ответил он.

Она долго смотрела на него внимательным взглядом, в котором светился ум, а потом откинулась на подушки, едва заметно кивнув, словно увиденное ее удовлетворило.

— Вы — человек слова, — негромко прогово-

рила она.

Тут она снова погрузилась в свои мысли и замолчала.

— Ну что ж, инспектор Лестрейд, — сказал Холмс, энергично поднимаясь, — это должно подсказать вам, как действовать.

— Что? — спросил инспектор с откровенным недоумением.

У него был вид человека, которому обещали на завтрак угощение, а поставили тарелку улиток. Инспектор смутно чувствовал, что от него ожидают благодарности, но совершенно не понимал, почему.

— Вам не очевиден следующий шаг? А ведь вы слышали то же, что слышал я, и видели то, что видел я. Ну хорошо: я сделаю вам подарок, поскольку вы привезли меня сюда, чтобы попросить у меня совета, и избавили от необходимости все утро скучать. Вы ищете дом в Кэмберуэлле, который не далее чем месяц назад арендовал один из мужчин, только что любезно описанных нам этой леди. Дом кирпичный, в плохом состоянии, стоит особняком и окружен стеной. В задней части дома на первом этаже разбито окно. Кстати, окно доказывает, что эта леди — американка, несмотря на выговор, вызывавший наши сомне-

ния: она — особа спортивная, но не настолько, чтобы спрыгнуть вниз на тридцать футов. То, что первый этаж называется вторым, — чистой воды американизм.

— Но, мистер Холмс, — запротестовал Лестрейд, отводя моего друга в сторону и понизив голос, — как мы можем доверять ее показаниям? Состояние ее мышления! — Тут он выразительно постучал себя по лбу. — Ведь она даже не помнит своего имени!

— А, да — ее память, — откликнулся Холмс. — В ее памяти действительно есть нечто необычное. Вы это заметили, Ватсон?

— Она потеряла память, — сказал я, пытаясь понять, к чему он пытается нас подвести.

— И это тоже, — ответил Холмс. — Но если вы одолжите мне номер «Таймс», который высовывается из вашего кармана, инспектор, я, наверное, смогу продемонстрировать вам нечто удивительное.

Он взял у Лестрейда газету, быстро просмотрел ее и открыл на одной из статей.

— Вот эта милая и нейтральная. Подойдет. Сударыня, — повернулся он к пациентке, — если вы позволите мне еще раз вас побеспокоить. Пожалуйста, прочтите вот этот абзац. Прекрасно.

Теперь верните газету. Хорошо. А теперь перескажите мне то, что вы прочли, дословно.

Незнакомка охотно согласилась, сложила руки на коленях и начала пересказ. Холмс вручил нам с Лестрейдом газету и указал абзац, который она только что прочла: это оказался финансовый отчет об импорте копры.

Когда она дошла до середины абзаца, я во внезапном озарении воскликнул:

— Холмс! У нее фотографическая память!

Сыщик благосклонно улыбнулся мне и чуть наклонил голову, словно делал поклон по окончании представления.

— Но о чем это говорит? — слабо спросил Лестрейд.

— Понятия не имею, — жизнерадостно признался Холмс. — Однако присовокупьте это к вашей коллекции фактов. Позже это может оказаться важным.

Мы собрались уходить. Холмс повернулся, чтобы на прощание ободрить пациентку:

— Сударыня, не бойтесь. Есть все основания надеяться, что благодаря полученным нами сведениям инспектору Лестрейду удастся быстро и удачно завершить ваше дело. Мы будем поддерживать с вами связь.

Он был вознагражден первой искренней улыбкой, которую я увидел на лице незнакомки. В ней была робкая надежда, осветившая и смягчившая лицо, которое прежде казалось слишком суровым, костлявым и напряженным, чтобы видеть в нем женскую красоту.

— Этот случай не лишен интересных моментов, Ватсон, — заметил Холмс, пока мы ехали в кебе домой. — Надеюсь, наш друг Лестрейд сумеет отдать ему должное. Не сомневаюсь, что он еще обратится ко мне, прежде чем дело будет завершено. Тут есть несколько двусмысленностей: пока их можно истолковать по-разному. — Он замолчал, задумавшись. — Но прекрасный пол — это по вашей части, как я, кажется, уже имел случай вам говорить. Что вы думаете о находке Лестрейда?

— Как о женщине? — Я пожал плечами. — Конечно, ее душевное равновесие очень нарушено. Трудно судить.

— Вы не были ею полностью очарованы? Это необычно.

Я искал слова, которые передали бы мои очень неясные впечатления.

— Несправедливо было бы судить ее в ее нынешнем состоянии, однако должен признать, что

я не расположился в ее пользу безоговорочно. Мне показалось, что ей не хватает той нежной одухотворенности, которая служит решающим признаком утонченной женщины.

— Короче, она показалась вам слишком резкой. Полагаю, вы правы. Утонченность, по-видимому, не очень ей свойственна. И в то же время для женщины она удивительно умна и обладает отвагой, в высшей степени необычной для представительниц ее пола.

— Вы нашли ее привлекательной? — спросил я, изумившись даже столь осторожной похвале в устах моего друга-женоненавистника.

— Я нахожу ее загадочной. Но, боюсь, она должна служить предметом интереса для психиатра, а не для пожилого сыщика. У меня были клиентки, которые теряли драгоценности, мужей или женихов. Но вот клиентка, потерявшая прошлое, — это нечто новое.

— Но вы ведь сказали, что не считаете ее сумасшедшей!

— Она явно способна рассуждать логически и обладает даром наблюдателя. Амнезия не обязательно означает безумие в смысле больничной палаты и смирительной рубашки.

— Значит, вы считаете, что ее проблема имеет

не уголовный, а медицинский характер?

— Безусловно, медицинский. Но пока мы не можем исключить и того, что она связана с преступлением. Более того, исключить такую вероятность мы не имеем права. Мне будет весьма интересно услышать, что Лестрейд откопает в Кэмберуэлле. Нет, я не стану к вам заходить. Миссис Ватсон лучше меня сможет позаботиться о том, что вам сейчас необходимо. Прошу прощения за то, что так надолго отсрочил столь необходимый вам отдых.

Я вышел из кеба перед домом и прощально помахал Холмсу вслед.

— Дайте мне знать, как все обернется! — крикнул я.

Ближе к полуночи я сидел дома в своем кабинете, на Куин Энн-стрит. Жена и слуги уже легли. Днем я довольно долго спал, так что успел отдохнуть после трудов прошедших ночи и утра, но теперь мне не спалось. Благодаря самой скучной статье, которую удалось найти в «Британском медицинском журнале», я уже начал надеяться, что засну, и тут звонок в дверь рассеял надежды на спокойный вечер. Полуночные звонки неизменно означали, что какому-то пациенту понадобилась неотложная помощь. Не надевая

сюртука, я направился открывать дверь, размышляя о прелестях жизни правительственного чиновника.

— Холмс! — воскликнул я. — Что привело вас в…

Только тут я заметил, что он не один, — и изумленно замолчал. С ним была дама с набережной. На ней был хорошо сшитый, но очень простой длинный плащ, но из-под плаща выглядывали ноги: одна в шлепанце, другая — босая. Влажные нечесаные волосы падали на бледное напряженное лицо, потемневшие глаза были расширены, из-за чего вид у нее был неопрятный и дикий. Она неловко прижимала одну руку другой. Рукав плаща был в пятнах крови.

— Холмс, что случилось? — встревоженно спросил я, закрывая дверь за странной парой: мне показалось, что и сам Холмс не так подтянут и спокоен, как этим утром.

— По меньшей мере попытка убийства, Ватсон, — негромко проговорил он. Его тон совершенно не вязался со страшным смыслом его слов. — Извините, что потревожил вас в такой час, но вы нужны мне в вашем профессиональном качестве. Миссис Ватсон спит? Ну, это к лучшему. Пока ее нет нужды беспокоить.

Я старался говорить тихо.

— Пойдемте в кабинет. — Я прошел перед ними и включил свет.

— Придется зашивать, — сказал Холмс, помогая даме снять плащ и усаживая ее за стол. Под плащом оказались простые юбка с блузкой. При свете стало видно, что она бледна и дрожит. — У нее на руке резаная рана. Не смертельная, но кровоточит чертовски сильно.

Раненая рука была замотана пропитанным кровью полотенцем, так что мой друг явно не преувеличивал. Приготовив инструменты и тазик, я развязал полотенце и пропитанный кровью носовой платок. На предплечье оказалась длинная и прямая резаная рана: у запястья — почти царапина, но ближе к локтю — глубокая.

— Боже мой, как это случилось? — вопросил я.

Пока я промывал и зашивал рану, Холмс рассказывал о происшествии. Незнакомка хранила обычное молчание, лишь иногда резко втягивая воздух, когда мои действия причиняли ей неизбежную боль.

— Отчасти это моя вина. Глупо было полагаться на этого идиота Лестрейда! — с горечью произнес Холмс. — Но мне следует начать с начала, после чего леди сможет поведать вам свою часть

истории.

После того как мы расстались, я занимался картотекой. После ужина ко мне заглянул покурить Лестрейд, как он порой это делает. Я спросил его, как идут поиски в Кэмберуэлле.

«Ах, мистер Холмс! — жизнерадостно проговорил он. — Как все неожиданно разрешилось! Всего пару часов назад к нам пришел брат той леди и забрал ее».

«Что?!» — изумленно воскликнул я.

«Да, тут никаких сомнений быть не может. После того что вы сказали сегодня утром, я склонен был отнестись к нему с подозрением, но он смог вполне удовлетворительно продемонстрировать свою благонадежность. Кстати, одно ваше предположение действительно оправдалось: он имеет американское гражданство, хотя родился в Англии, как и его сестра. При нем были их паспорта, которые это подтвердили. Его зовут Ормонд Сэкер, имя его сестры — Вайолет. Он, несомненно, один из тех мужчин, которых нам описала та леди, хотя она говорила о нем так нелестно, что это не сразу стало понятно. Это темноволосый молодой человек примерно тридцати пяти лет, одного со мной роста или чуть ниже, с выпуклыми карими глазами. Одет как

подобает джентльмену. У него круглое гладкое бледное лицо и быстрые движения. Оказалось, что леди перенесла в Америке воспаление мозга в довольно тяжелой форме. Он сказал, что в течение нескольких недель они опасались за ее жизнь. Его дядя, который одновременно является их семейным врачом, этот тип Сэкер и преданная служанка перевезли леди в Англию, надеясь ускорить ее выздоровление, но не успели они приехать в Лондон, как ее состояние ухудшилось. Кстати, дядя — это тот, которого Вайолет Сэкер назвала похожим на птицу. Оказывается, болезнь этой леди проявляется в виде сильного бреда, во время которого она не узнает родных и друзей. Бедняга был ужасно этим смущен. Подающему надежды молодому человеку неприятно иметь в родне сумасшедшую, хотя, похоже, он очень к ней привязан. Боюсь, что, когда я с ним разговаривал, я позволил себе излишнее любопытство. „А как мисс Сэкер получила воспаление мозга?“ — спросил я. Похоже, он готов был сквозь землю провалиться. Тут фигурирует молодой человек: ничего странного, конечно. Он оказался прощелыгой и внезапно уехал в Южную Америку. Ну, вы же знаете, что бывает с женщинами, когда молодость проходит, а мужчины не видно. Коро-

че, она страшно переживала и в конце концов подорвала себе здоровье. И вот результат».

Это звучало достаточно убедительно, Ватсон. Все, что он сказал, не противоречило той картине, которую я наблюдал утром. Однако оставались некоторые моменты, не дававшие мне покоя.

«А почему они не явились раньше? — задал я самый очевидный вопрос. — И почему не обратились в полицию, как только она исчезла?»

«Я тоже об этом подумал, — сказал инспектор. — По словам Сэкера, они искали ее с той минуты, когда выяснилось, что ее нет в постели, и поэтому прочли газету только сегодня утром. Дядя хотел обратиться в полицию, но Сэкер испугался огласки и хотел попробовать найти ее самостоятельно. Этим утром дядя убедил его обратиться в Скотленд-Ярд, и вот тут-то они увидели статью во вчерашней газете. К этому времени старый доктор совершенно выбился из сил, вот почему он отправил Сэкера в больницу одного.

Ну, когда женщина увидела братца, у нее случился приступ тревоги. Доктору Стэнли пришлось дать ей успокоительного, чтобы сестры смогли надеть на нее одежду, которую привез брат. Кстати, на ее плаще была американская этикетка, так что все сходится. Я записал его адрес

и отправил их домой на извозчике».

«И вы не поехали с ними убедиться в том, что мисс Сэкер благополучно доставлена в Кэмберуэлл?» — спросил я у него.

«Тут вы промахнулись, мистер Холмс, — ответил Лестрейд со смешком. — Хотя мне показалось, что защита нужнее ему. Леди сопротивлялась, как дикая кошка. Но они не в Кэмберуэлле: они в пансионе в Хаммерсмите. Ну, знаете ли, вы же не можете постоянно угадывать все до мельчайших деталей».

К этому моменту я уже понимал, что что-то не так. Но я опоздал, Ватсон, — преступно опоздал! Похоже, я становлюсь слишком стар для такой работы. Старческое разжижение мозгов. Я удовлетворился тем, что записал адрес и отправил Лестрейда восвояси, довольного тем, что это дело с него свалилось.

Вечером я собирался посмотреть новую постановку «Фауста» в Ковент-Гардене, но какой-то голос в подсознании велел мне ехать в Хаммерсмит. Я решил, что просто загляну проведать мисс Сэкер — и, может быть, попрошу прощения за то, что утром не придал должного значения ее проблемам. Любой предлог сгодился бы. Когда я приехал по адресу, который тот тип дал Лестрей-

ду, там оказалась нотариальная контора, зажатая между пабом и аптекой. Как вы понимаете, мне стало довольно тошно. Я позвонил Лестрейду из ближайшего почтового отделения (искренне надеюсь, что ему пришлось вылезти из ванны) и чуть ли не накричал на него, требуя, чтобы он со своими людьми срочно ехал в Кэмберуэлл. Как вы знаете, Ватсон, за всю мою карьеру у меня убили четырех клиентов, и я не имел желания повторять этот опыт. Я прыгнул в кеб и помчался обратно на Бейкер-стрит, намереваясь отправиться оттуда в Скотленд-Ярд. Но, оказавшись дома, я к глубокому моему изумлению обнаружил миссис Хадсон на грани истерики, извозчика, угрожающего вызвать блюстителей порядка, — и эту леди (смею ли я назвать ее моей клиенткой? Ее определенно зовут не Вайолет Сэкер), истекающую кровью в прихожей.

А теперь, сударыня, — закончил он, поворачиваясь к незнакомке, — я хотел бы, чтобы вы еще раз рассказали нам обоим вашу историю. На этот раз постарайтесь изложить ее как можно более связно и последовательно.

Она едва заметно кивнула, выказывая совершенно необычное при данных обстоятельствах спокойствие, хотя и продолжала слегка дрожать.

Ее речь по сравнению с началом дня значительно улучшилась. Более того, речь улучшалась по мере ее рассказа, как будто сам процесс облегчал течение слов.

— Тот человек — он был тем, кого я помнила по той зеленой комнате, — приехал за мной в больницу. Мне сказали, что он — мой брат. Я ответила, что этого не может быть. Я была в этом уверена. Не могу вам объяснить, почему, — и им тоже не смогла. Тот низенький врач сказал: «Но вы ведь ничего не помните, откуда вы знаете, что он вам не брат?» Осел! — бесстрастно охарактеризовала она доктора Стэнли. — Я отказалась с ним ехать, но я не могла справиться со всеми сразу. Они навалились на меня и заставили выпить что-то, от чего у меня закружилась голова, а потом меня посадили в карету вместе с этим человеком. Тогда я подумала, что если поеду с ним, то смогу узнать, откуда я, и перестала сопротивляться. Мы долго ехали под дождем. Я не узнавала тех мест, которые мы проезжали. После того как мы уехали из больницы, он со мной не разговаривал.

— Вы ни разу не переезжали через реку? — прервал ее Холмс.

— Нет.

— И еще одно. Не можете ли вы описать наем-

ную карету и самого извозчика?

— Карета была самая обычная. Не очень старая. Ее везла маленькая гнедая лошадь ростом примерно в пятнадцать ладоней или чуть больше, с белым пятном на правой задней ноге. Извозчик был средних лет, чуть выше меня, не толстый и не худой, с седыми усами. Лицо у него было красное, а на щеках и носу много лопнувших сосудов. О! И на карете был номер. 36974.

— Больше мне ничего не нужно, — улыбнулся Холмс. — Продолжайте.

— Мы остановились и вышли из экипажа в унылом жилом квартале. У меня по-прежнему кружилась голова. Этот человек взял меня за локоть и провел через два квартала до небольшого заросшего деревьями сквера. На улицах из-за дождя почти никого не было. Мы прошли по усыпанной гравием дорожке до небольшой лощины. Он вытащил из кармана нож. Я краем глаза увидела, как в сумерках блеснуло лезвие. Я попыталась вырваться — и вот тогда получила рану на руке. Нож зацепился за рукав пальто. В тот момент я почти ничего не почувствовала. На самом деле это было не так больно, как — ай! — эти швы.

— Извините, — сказал я. — Еще немного.

— Я повернулась к нему, ударила его ногой и побежала по дорожке обратно. — Она немного помолчала и задумчиво сказала: — Наверное, ему следовало бы сперва бросить зонтик.

Я бежала, и голова у меня кружилась, и дышать было трудно. Но наконец я выбежала из парка. Я прошла по улице с жилыми домами и попала на улицу с магазинами. Все было закрыто. Уже смеркалось. Я остановилась в дверном проеме одного из магазинов. В кармане плаща нашелся носовой платок, и я туго перевязала руку. Осмотревшись, я увидела в конце улицы кеб. Я толком не знала, куда ехать, но мне надо было скрыться, пока тот человечек снова меня не отыскал. Я не могла надеяться, что во второй раз мне так же повезет. Извозчик… я не сказала ему, что случилось, но вид у меня был довольно странный… хотел обратиться в полицию, но я заставила его привезти меня к вам. С меня полиции хватит. Этот человек, инспектор Лестрейд…

Она покачала головой, явно не находя слов, чтобы охарактеризовать инспектора.

— А как вы узнали мой адрес? — полюбопытствовал Холмс.

— Извозчик посмотрел в почтовом справочнике, — просто ответила она.

Я закончил перевязывать руку незнакомки, аккуратно завязав кончики бинта.

— Очень профессионально, — одобрил Холмс.

Я отодвинул в сторону грязные инструменты и встал, чтобы налить нам всем заслуженного бренди. Леди отказалась от предложенной ей рюмки, выказав все признаки отвращения. Холмс взял рюмку и задумчиво стал покачивать ее.

— Дела явно идут веселее, — проговорил он. — Благодаря нашему неумелому убийце в этом довольно хаотическом узле теперь появилось немало зацепок. Любопытно будет посмотреть, что они нам дадут.

— У вас есть теория? — поинтересовался я. — Кто эти люди и почему они захотели убить леди сейчас, после того как она долго была их пленницей и находилась целиком в их власти?

— Браво, Ватсон! — воскликнул сыщик. — Вы отыскали главное звено, которого не хватает в нашей цепи: мотив. Теперь нам довольно просто восстановить все происходившее. Мы даже знаем, почему это было сделано. Теперь мне нужно найти, так сказать, «почему» за этим «почему».

— Почему ее попытались убить? — спросил я, чувствуя, что туго соображаю.

— Признаюсь, поначалу это меня удивило. Это

не согласовывалось со всем остальным. Однако мне кажется, что я могу это объяснить. Я уверен, что это связано с необычной памятью леди. Разве вы это не поняли? Позвольте мне еще раз повторить то, что нам теперь известно.

Эту леди держали в плену, одурманенную и беспомощную, в течение двух недель. Преступники — двое мужчин, происхождения которых мы не знаем. Тот, которого мы теперь наблюдали в действии и который называет себя Ормондом Сэкером, не производит особого впечатления. Однако я полагаю, что среди той лжи, которую он наговорил Лестрейду, он случайно сказал одну правдивую вещь: его спутник действительно врач. По правде говоря, после того как мы обнаружили на голове леди те пятна, я ожидал, что в этом деле появится такой человек. Врач явно тут главный. Его личность более сильная, и это он создал амнезию нашей леди. Почему?

Выдвигаю предположение, Ватсон: она — свидетельница, и свидетельница в высшей степени необычная. Такая свидетельница, чья эйдетическая память не стирается временем, давлением посторонних или под воздействием эмоций. Свидетельница, чья способность восстанавливать мельчайшие подробности сделает ее крайне

опасной для самых хитроумных замыслов или действий, которые остались бы незаметными для обычных наблюдателей.

Ее знания представляли собой угрозу для этих людей, и потому ее память была намеренно разрушена. Как это было сделано, мы пока не знаем. Однако они все-таки не пошли на убийство — или по крайней мере предводитель не пошел.

А потом ей вдруг удается сбросить с себя оцепенение настолько, чтобы осуществить побег. И она почти сразу же попадает в руки полиции. Принимают ли они срочные меры для того, чтобы вернуть беглянку? Вы видели, насколько легко это было сделать. Но нет: они выжидают два дня.

Думаю, между ними начались разногласия. Первое решение заключалось в том, чтобы оставить ее на свободе. В конце концов содержание ее в плену требовало немалых усилий. Решение принималось тем, кто был совершенно уверен: ее память не восстановится, — врачом. Но Сэкер, который с самого начала ее боялся, не был в этом уверен. Как только у него появилась возможность ускользнуть из-под надзора сурового компаньона, он предпринял личную вылазку, чтобы навсегда устранить угрозу свидетельских показаний. Мы знаем, что произошло потом.

Как часто преступники становятся своими худшими врагами! — философски добавил он. — Пытаясь себя обезопасить, Сэкер привлек к себе наше внимание и дал нам зацепки, которые помогут продолжить расследование. Если бы он ничего не стал делать, то скорее всего леди провела бы какое-то время в лечебном учреждении как безымянная безумица и после этого никаким ее показаниям никто не поверил бы. У главного преступника хватило ума, чтобы это предвидеть, и самообладания, чтобы не вмешиваться и предоставить событиям развиваться своей чередой. Я предвижу, Ватсон, что иметь дело с этим джентльменом будет в высшей степени приятно. С уходом покойного профессора Мориарти преступникам прискорбно не хватало ума.

Ну а теперь мне надо отправляться, чтобы расспросить второго извозчика, если он уже в отчаянии не пустился в бегство. Я дал ему несколько шиллингов и отправил за угол дожидаться меня в ближайшем пабе. Затем мне необходимо найти Лестрейда и ознакомить его с новым поворотом событий. Если не возражаете, я предпочел бы оставить мою клиентку здесь, под вашим врачебным наблюдением. Более того, если не объявится кто-то, кто имел бы на нее более законные права,

мне хотелось бы, чтобы вы поселили ее у себя в качестве пациентки. Если это не слишком обременит вас, — добавил он запоздало.

— Гм… — неопределенно отозвался я.

Моя жена — прекрасная женщина, но она придает большое значение правилам приличия. Иногда мне кажется, что это реакция. Не на ее американское воспитание, к которому придраться невозможно, а скорее на подозрительность наших отнюдь не просвещенных знакомых, которые считают, что все родившиеся западнее Корнуолла непременно должны быть полудикими индейцами. Я не мог точно сказать, как она отреагирует на таинственную историю моей предполагаемой пациентки.

— Она будет здесь в большей безопасности, чем в больнице Святого Варфоломея. Никому не будет известно, что она находится здесь, и здесь меньше шансов на то, что незаметно проникнет какой-нибудь подозрительный незнакомец, — продолжил мой друг, заметивший мою неуверенность. — Не сомневаюсь, что ее выздоровление пойдет скорее в нормальной домашней среде, а не в безликой суматохе больницы.

— Вот как? — хмыкнул я.

— Вы недооцениваете свои способности, друг

мой. Это, несомненно, так. И вы сможете быть моими глазами и ушами в те моменты, когда я сам не в состоянии буду наблюдать за этой леди. Было бы крайне удобно постоянно иметь к ней доступ.

Хотя его лесть не оставила меня равнодушным, я с подозрением отнесся к ходу его мыслей.

— Я не стал бы чрезмерно увлекаться, Холмс, — довольно холодно проговорил я. — Возможно, для вас она — удобный фактор в вашем расследовании, но при этом она остается женщиной, страдающей от душевного расстройства. Любые… э-э… эксперименты, которые вы намечаете в этой связи, следует оценивать с учетом данного обстоятельства, а не только по тому, принесут ли они вам какие-то сведения.

— Обещаю не производить никаких экспериментов без вашей санкции как врача. Значит, все решено? Ну, вот и прекрасно.

Я обнаружил, что согласился, — и Холмс распрощался с нами.

Вздохнув, я приготовился разбудить горничную и распорядиться приготовить комнату для гостей и позаботиться о нуждах женщины, которая теперь стала моей домашней пациенткой. Леди с беспокойством наблюдала за мной.

— Я доставлю неудобства вашим близким, док-

тор? — спросила она прямо.

— Нисколько, — тут же ответил я, поспешив ее успокоить.

— Как я вижу, вы — настоящий джентльмен.

Ее губы раздвинулись в сдержанной и печальной улыбке, но она пошла за мной без дальнейших комментариев.

На следующее утро я убедился, что речь и поведение моей пациентки улучшились, однако она по-прежнему ничего не помнила о том, что происходило ранее последних трех дней. Служанка подала завтрак ей в спальню. Позже я воспользовался возможностью провести более тщательное обследование ее неврологического статуса. Результаты дали пищу для размышлений. Рефлексы и восприятие были в полном порядке. Она была способна понимать то, что читает, а когда несколько опасливо пробовала писать, то оказалось, что делает это без труда. Математику она понимала быстро и удивительно хорошо, начиная от простых арифметических действий и кончая простейшими уравнениями, хотя и не смогла вспомнить, где она ее изучала. Я все больше убеждался в том, что у нее нет органических повреждений мозга и что причину амнезии следует искать в чисто психологических

факторах. Когда ей не требовалось делать что-то, что было необходимо или о чем ее просили, она снова становилась молчаливой и замкнутой и не разговаривала, если к ней не обращались прямо.

В ходе утренних разговоров я не в первый раз испытал неловкость из-за того, что мне приходится обращаться к леди без имени, и, поскольку она отвергла имя Вайолет Сэкер, я решил назвать ее «мисс Смит».

— Мисс Смит? — Она вдруг странно сосредоточилась на этой фамилии. — Мисс Смит… — медленно повторила она.

— Уж не назвал ли я случайно вашу настоящую фамилию? — изумился я.

Она покачала головой, озадаченно хмуря брови.

— Нет, не думаю, — ответила она. — Но, похоже, довольно близко. Смит. Смит…

— Смитсон? — предположил я. — Смитфилд? Смитхэвен?

Она чуть ли не зашипела от досады, делая безрезультатные попытки вспомнить.

— Не знаю, — наконец сдалась она, пожимая плечами.

Импульсивно я перечислил две или три дюжины женских имен, но ни одно из них не

показалось ей знакомым, так что она превратилась в мисс Смит.

Я обнаружил, что тайна ее личности то и дело вторгалась в мои мысли все то время, что я наносил визиты своим пациентам. Если потеря памяти действительно была вызвана не органическими причинами, а истерией, то появлялась вероятность спровоцировать ее возвращение. Слабое ощущение узнавания или неузнавания, в котором она призналась, заставляли надеяться на то, что ее воспоминания могут таиться не так уж далеко от поверхности сознания. Не может ли знакомый стимул заставить какой-то проблеск заиграть на поверхности той холодной пучины, в которой потонуло ее прошлое? Такая мысль меня заинтриговала. Единственная проблема заключалась в том, чтобы угадать, какой стимул может оказаться знакомым для нее. Я стал вспоминать, о чем говорил Холмс при нашей первой встрече с ней (трудно поверить, что это было всего лишь накануне утром!). И, когда меня вдруг осенило, я зашел в ломбард неподалеку от дома и сделал там одну покупку.

Поскольку состояние мисс Смит явно улучшилось, а мне хотелось продолжить свои наблюдения, я пригласил ее спуститься вниз и поужинать

со мной и моей женой. Ужин нельзя было назвать приятным: жена в ее присутствии сильно нервничала и поэтому не сумела вывести ее из замкнутого молчания, но тем не менее ужин принес некоторые дополнительные сведения. За столом наша гостья держалась вполне воспитанно, что заставило предположить, что, несмотря на кажущуюся резкость, она не принадлежит к простонародью. Нож и вилку она держала на американский манер — это подтвердило предположение Холмса относительно ее американского происхождения. А еще она продолжала отказываться от вина и вообще от всякого спиртного.

После ужина мы перешли в гостиную.

— Вы играете в карты, мисс Смит? — спросила моя жена, почувствовав, что воцарившееся в гостиной молчание грозит стать неловким.

— Не знаю, — ответила моя пациентка, хмурясь.

— Ну что ж, выяснить это нетрудно, — жизнерадостно заявил я, стараясь рассеять смущение жены, которая покраснела, сочтя, что сказала что-то бестактное. Я усадил дам за карточный столик и достал из ящика колоду карт. — Если вы не вспомните никакой игры, мы вас научим, — сказал я, вручая ей колоду. — Посмотрите, не

вспомнится ли вам что-то.

Она взяла колоду и секунду держала карты в руках, словно взвешивая. А потом сняла и начала тасовать. Несмотря на то что из-за раны ее рука двигалась не совсем свободно, карты с шуршанием летели так стремительно, что за ними трудно было следить глазами. На ее лице вдруг появилась озорная улыбка, похожая на солнечный луч, упавший на дальние холмы с затянутого облаками неба.

— Никакой игры я не помню, зато помню кое-какие карточные фокусы. — Она мгновение смотрела на мою жену, словно оценивая ее. — Положите руки на стол, — скомандовала она Алисии, — и я покажу вам фокус «чет-нечет».

В ответ на вопросительный взгляд Алисии я кивнул, и жена положила руки на стол ладонями вниз.

— Назовите какое-нибудь небольшое четное число, — продолжила моя пациентка.

— Два?

— Прекрасно. А теперь я между каждыми вашими пальцами положу по две карты. Но между последними двумя пальцами мы положим нечетную карту — одну. Теперь, — продолжала она уверенным и веселым голосом, — я возьму каж-

дую пару карт из ваших рук и сложу их в две одинаковые стопки. Четное количество карт равномерно распределится на две стопки с четным количеством карт. А сейчас возьмите последнюю карту, ту, нечетную, которая осталась у вас в руке, и сделайте одну из стопок нечетной.

Моя жена послушно выполнила ее распоряжения с вежливо-недоумевающей улыбкой. Я вдруг понял, что те почти два десятилетия, в течение которых я поднимался по семнадцати ступенькам дома номер 221-бис на Бейкер-стрит, не прошли даром для моих мыслительных способностей.

— Вы согласны с тем, что та стопка, в которую вы положили последнюю карту, содержит сейчас нечетное количество карт? А теперь смотрите внимательно: я воспользуюсь своими магическими способностями, чтобы поменять эти стопки местами.

Она плавно и явно безрезультатно помахала руками над двумя стопками карт, держа ладони примерно в футе над ними.

— И в какой стопке теперь нечетное количество карт? Не торопитесь с ответом.

Алисия недоверчиво нахмурилась, но спустя секунду постучала пальцем по той стопке, на которую она положила последнюю карту.

— Вы уверены? Пересчитайте их.

Она пересчитала их — и, конечно, обнаружила восемь карт в своей «нечетной» стопке и семь — в «четной».

— Как вы это сделали? — простонала Алисия, а я с трудом подавил смех.

— Все дело в голове, знаете ли, — благодушно ответила мисс Смит.

А потом она вдруг нахмурилась, опустила голову и закрыла глаза ладонями.

— Что случилось? — спросил я, мгновенно насторожившись.

— Ничего, — ответила она, но ее нахмуренный лоб явно опровергал ее слова. — Просто… я вдруг вспомнила, где научилась этому фокусу.

— Расскажите, пожалуйста, — попросил я с наигранной небрежностью.

— Я помню мужчину, — заговорила она негромко. — Он крупный, краснолицый, с жилистой шеей и длинными густыми закрученными усами. На нем рабочие брюки, нижняя рубаха с длинными рукавами и синий фланелевый жилет. Он жует табак, у него плохие зубы, и он давно не мылся: в воскресную школу вы его не пустили бы. Он играет в карты, как фокусник, и знает сотни способов сжульничать. У него грубый, соленый

юмор. Во многих отношениях он не слишком хороший человек, но он не трус и не бросает друзей. Мне он был другом.

— Вы можете вспомнить его имя?

— Бешеный… Кэллаган.

— Когда вы его знали?

— Не знаю. У меня просто появилась в голове картинка: он сидит за грубым сосновым столом, положив на него ноги, смеется и говорит: «Все дело в голове, парень, в голове!» Где, когда… Не могу сказать. Он — американец, так что это должно было происходить в Америке.

Я попросил ее продолжать, но оказалось, что яркое и удивительное воспоминание о несколько неотесанном знакомце не принесло с собой больше ничего. Я предложил начать игру в карты, но она печально отодвинула колоду.

— Он учил меня играть в карты. По-моему, он умер, — так она объяснила свое нежелание.

Я воспользовался возможностью встать из-за стола и, извинившись, вышел. Вскоре я вернулся с утренней покупкой.

— Попробуйте вот это, — предложил я, протягивая ей сверток.

Когда она открыла его, обнаружив там недорогую гитару, ее губы сложились в безмолвный

возглас удивления. Мисс Смит минуту подержала гитару в руках, а потом начала умело настраивать.

— О, так лучше, — прошептала Алисия, невольно увлекаясь процессом поиска воспоминаний моей пациентки.

Мисс Смит взяла несколько аккордов, а потом заиграла и запела непрофессиональным, но приятным низким голосом:

Друзья, перед вами завзятый игрок,

Я играю везде, куда завел меня рок,

Я играл в Вашингтоне, играл в Катманду,

А теперь я в Джорджию на игру иду,

На мою последнюю игру иду.

Она играла хорошо: четко и ритмично, хотя отнюдь не виртуозно. Но, как и математика, музыка не принесла с собой никаких воспоминаний, хотя во время пения ее выговор стал заметно более американизированным. Допев эту песню, она шокировала мою жену (боюсь, намеренно) довольно вольной песенкой «Больничная палата», но, к вящему моему изумлению, загладила вину мелодичным классическим этюдом Карулли.

Когда мы отправились спать, я поймал себя на

том, что жалею об отсутствии Холмса. Мне казалось, что я открыл новые неожиданные стороны личности моей пациентки, однако я никак не мог логически связать их с основной загадкой. И, кстати, куда делся Холмс?

На этот вопрос ответ пришел на следующее утро, когда Холмс появился у меня на пороге, держа под мышкой какой-то сверток. Я провел его к себе в кабинет и нетерпеливо спросил, чем он занимался накануне.

Он сел, мрачно и неприятно улыбнулся и раскурил трубку.

— Логично предположить, Ватсон, — сказал он, — что двое людей, готовых пойти на такие сложные и странные дела ради того, чтобы скрыть свою деятельность и избежать внимания полиции, должны были бы скрывать нечто необыкновенное. Если не считать этого очевидного вывода, я за эти два дня ни на шаг не приблизился к тому, чтобы узнать, что именно они скрывают. Кстати — мы… нет, мне следовало бы сказать, инспектор Лестрейд обнаружил тот дом в Кэмберуэлле. Конечно, он был пуст. Вчерашний день я провел, разыскивая извозчиков, а тем временем Лестрейд со своими ребятами обходил агентов по недвижимости. Я надеялся

пойти коротким путем и опередить его, но мне помешало то, что Сэкер имел склонность пересаживаться из кеба в кеб. Мне удалось найти того извозчика, который отвез Сэкера и… мисс Смит, говорите? ну что ж, можно и так… из больницы до Уиллсдена, и я прошелся по парку, который она описала. Это во всех деталях подтвердило ее рассказ, но, поскольку я и не ставил его под сомнение, это мало что мне дало. Но по крайней мере его можно будет рассказать в суде, если дело зайдет настолько далеко. Я нашел и того извозчика, который отвез Сэкера в больницу Святого Варфоломея, но он посадил его к себе на вокзале Виктория.

На этом этапе я получил от Лестрейда сообщение о том, что он успешно нашел тот дом в Кэмберуэлле, и я поспешил туда, чтобы взглянуть на него. Птички упорхнули через несколько часов после того, как Сэкер туда вернулся позавчера вечером. Их сборы были поспешными, но тщательными, нигде не осталось ни клочка исписанной бумаги, ни грязного носка. Кто-то из этой парочки хорошо соображает. Однако теперь в Ярде есть отпечатки их пальцев, и они объявлены в розыск, а на арест Сэкера выписан ордер по обвинению в попытке убийства, не говоря

уже о похищении и подделке паспортов. Готов поспорить, что товарищ Сэкера и сам готов был его убить, когда услышал, что он сделал. А еще мы получили свидетельские показания от служанки. Кстати, никакая она не преданная американская камеристка, а местная прислуга, которая приходила на полдня, чтобы готовить, убираться и делать покупки. Она ни разу не видела пленницу, которую содержали наверху и которую описали ей как сумасшедшего младшего брата Сэкера, зато рассказала, как доктор, который звался Алоизом Гарнеттом, все время варил микстуры для бедного паренька в своих химических ретортах. Наверное, интересные были снадобья!

Проследив их путь по паспортам, Скотленд-Ярд выяснил, что эта троица прибыла в Лондон меньше трех недель назад из Чарльстона, штат Южная Каролина. Они плыли на пароходе «Де Витт Харгроув» компании «Американ Лайнз», где объяснили состояние своей пленницы все той же историей о воспалении мозга. Лестрейд запросил по телеграфу чарльстонскую полицию и управление порта. Сегодня рано утром от них пришли ответы. У них нет ничего — ничего! — на Гарнетта и Сэкера, ни по их именам (что неудивительно, поскольку имена наверняка вымышленные), ни

по описанию, однако обещают начать соответствующее расследование.

Предоставив полиции с ее более мощными ресурсами идти по тем уликам, которые оказались у них в руках, я отправился домой, сел в кресло и выкурил трубку. Результат привел меня сюда. Я все больше убеждаюсь в том, что ключ к загадке — в личности мисс Смит. И пусть ее мозг наполовину разрушен, но во второй половине должна была остаться хоть одна зацепка, которую смог бы использовать мыслящий человек.

— А, да! Относительно ее мозга, Холмс, — сказал я. — Вчера я довольно тщательно ее обследовал. Боюсь, что ваша идея насчет разрушения центральной нервной системы не работает. Могу поклясться, что у нее нет хоть сколько бы то ни было серьезных органических повреждений мозга. Я убежден в том, что ее амнезия имеет истерический характер.

— Вы даже не представляете себе, насколько я счастлив был бы от нее отказаться, — отозвался Холмс. — Тогда изложите, пожалуйста, вашу теорию подробнее, доктор.

Я в деталях пересказал ему события вчерашнего дня, в том числе упомянул и о моих попытках стимулировать память пациентки.

— Насколько сходно мыслят великие умы! — Холмс с улыбкой положил на стол свой сверток. — Я как раз собирался попросить вас отдать мне ее на это утро, чтобы она съездила со мной на Бейкер-стрит. Мне страшно любопытно посмотреть, как она отреагирует на мой химический уголок. У меня есть теория относительно ее связи с отвратительным доктором Гарнеттом, которую стоило бы проверить.

— Как вы думаете, полиции удастся поймать Гарнетта и Сэкера? — спросил я. — Внешность у них обоих достаточно необычная.

— Только пока они вместе. Если они люди сообразительные, то поспешат расстаться. А по отдельности каждый из них похож на сотню других мужчин.

В это мгновение нас прервали: дверь без стука распахнулась, и к нам явилась сама мисс Смит. В руке она держала какую-то книгу из моей библиотеки, а глаза у нее радостно блестели.

— Доктор! Мистер Холмс! Я нашла свое имя! — взволнованно проговорила она. — Я поняла это, когда его увидела в книге.

Я опознал книгу как карманное издание Шекспира.

— Меня зовут Корделия, — добавила она. — Кор-

делия. Корд.

— Корделия Смит? — уточнил я.

Она чуть ли не плясала на месте.

— Почти. Почти!

— Поздравляю, — негромко проговорил Холмс, разворачивая свой сверток. — Угощайтесь сигарой.

К моему огромному удивлению, в свертке оказалось несколько очень хороших и весьма дорогих тонких голландских сигар и к тому же старомодный американский армейский револьвер.

— С чего вы это принесли? — вопросил я, указывая на револьвер.

Холмс оторвал взгляд от мисс Смит (он внимательно наблюдал за ее странным способом раскуривать сигару: в частности, она зажгла спичку, чиркнув ею о ноготь большого пальца).

— По той же причине, мой милый друг, по которой вы вчера принесли домой ту гитару. Я надеюсь с его помощью натолкнуть мисс Смит на какие-нибудь воспоминания.

Мисс Смит выпустила из ноздрей дым и улыбнулась Холмсу с благодарностью и живейшим интересом. Несмотря на попытки сохранять хладнокровие, моя реакция при виде женщины, курящей у меня в кабинете сигару, по-видимому,

ясно отразилась у меня на лице.

— Боюсь, что я шокировала достойного доктора, — заметила она. Однако по ее тону незаметно было, чтобы ее это беспокоило. — Но не вас, мистер Холмс?

— Дедукция подсказала мне это. Я этого ожидал, — пожал плечами сыщик. — Но прошу вас обратить внимание на револьвер.

Мисс Смит положила сигару и задумчиво взяла револьвер, а потом умело проверила, не заряжен ли он. Повернувшись, она подняла оружие, наставила его на стену и сощурилась, прицеливаясь.

— Бах! — сказала она, нажимая на спусковой крючок.

Боек щелкнул. Она опустила револьвер и покачала головой.

— Похоже, мне приходилось держать в руках оружие. Оно кажется смутно знакомым. Но где? Когда?

Она снова задумчиво нахмурилась.

— Возможно, вам приходилось из него стрелять? — предположил мой друг.

— Холмс! — опасливо запротестовал я, — это не Бейкер-стрит!

— Успокойтесь, доктор, я не предлагаю заняться стрельбой из револьвера в помещении. Нас

вполне устроит мишень на заднем дворе.

Уже через несколько минут мы устанавливали доски у садовой стены. Налетевший ночью ветер унес с собой дожди и туманы последних дней, светило яркое солнце, даривше приятное, хотя и несколько влажное, тепло. Поместив самодельную мишень в дальнем углу и устроив позицию по диагонали от нее, мы добились вполне приличного расстояния для стрельбы.

Холмс вытащил из кармана пачку револьверных пуль и вручил ее мисс Смит. Та зарядила револьвер, соблюдая все правила предосторожности, знакомство с которыми уже обнаружила ранее. После этого она несколько секунд стояла неподвижно, глядя в землю. Потом вдруг решительно повернулась, подняла револьвер и сделала шесть выстрелов подряд по начерченному Холмсом кругу диаметром в один фут. Во время стрельбы выражение ее лица удивительно переменилось. Глаза сузились, подбородок поднялся, губы сжались в тонкую белую линию, ноздри расширились. Так же неожиданно она прекратила стрельбу, опустила револьвер и отвернулась от нас, ссутулившись и напряженно сжавшись. Взглянув на меня, Холмс молча поднял брови, а потом, подойдя к ней, осторожно положил руку

ей на плечо.

— Мисс Смит. Корделия. Что вы сейчас вспомнили?

Не глядя на него, она покачала головой.

— Ничего, — прошептала она, нервно теребя пальцами юбку.

— Ну, полно! Вы умеете обманывать не лучше, чем Ватсон.

Она искоса посмотрела на него.

— Это был просто дурной сон. И все.

— Вы пытаетесь убедить в этом меня — или себя? — тихо спросил Холмс.

Она коротко и невесело усмехнулась.

— Обоих понемногу, наверное.

— Вы дрожите. Пойдемте сядем на скамью на солнце — и постарайтесь поверить, что мы ваши друзья. Вы можете в это поверить?

Она беспомощно пожала плечами.

— Возможно. Возможно, я не хочу потерять друзей.

— Ах, смею вас уверить, что нас не так легко шокировать, — сказал Холмс. Корделия посмотрела в мою сторону. — Ну, возможно, не совсем так, — признал мой друг успокаивающе. — Но верность нашего доброго доктора Ватсона, как я имею все основания утверждать, не зависит от то-

го, насколько всецело он одобряет своих друзей.

— Да, — согласилась она едва слышно. — Возможно, вы правы. Будь он моим другом, я была бы уверена в тылах, какими бы двусмысленными… — Она замолчала и начала ковырять землю носком ботинка, словно хотела спрятать смущение. — Я не хочу больше вспоминать. Давайте вернемся в дом.

— Позвольте, я вам помогу, — предложил Холмс и после короткого молчания спросил: — Кого вы застрелили?

Она печально посмотрела на него, словно пытаясь угадать настроение.

— Мужчину, — неохотно проговорила она наконец. — Убийцу.

— Американца? Это было давно?

Она кивнула.

— Кого он убил?

— Не могу вспомнить. Правда, не могу.

— Он умер от вашего выстрела?

— Наверное. Я всадила шесть пуль ему в грудь и голову.

— В это время он в вас стрелял?

— Да. В меня и еще в кого-то. Не могу вспомнить, в кого.

— В кого-то, кто был вам дорог?

— Да.

Она отвернулась. Лицо ее окаменело.

— Пока этого достаточно, — успокоил мой друг. — Я не собираюсь расстраивать вас ради пустого развлечения. Но, знаете, ваши воспоминания все еще спрятаны у вас в голове. Они не потеряны.

— А нельзя ли оставить мертвецов в могилах? — пробормотала она, обращаясь в равной степени к себе и к нам. — Эксгумация — это слишком неприятно.

Холмс задумчиво смотрел на ее лицо, повернутое к нам в профиль.

— Знаете, я тоже один раз убил человека, — заметил он. Корделия повернулась к нему. — Сбросил в пропасть. Пока он летел вниз, он не переставал кричать. Уверяю вас, я никогда об этом не забываю.

Она чуть заметно кивнула.

— Значит, вы понимаете. Я не была в этом уверена. Он тоже был убийцей?

— Да. Помимо всего прочего.

В этот момент мне пришлось отправиться на помощь служанке, чтобы успокоить собравшихся у моих дверей соседей, констебля, посыльного мясника и прислугу соседей, сбежавшихся на выстрелы, только что прозвучавшие у меня во дворе

спокойным лондонским утром. Вернувшись, я обнаружил, что Холмс подает успокоившейся мисс Смит ее плащ.

— С вашего разрешения, Ватсон, мы отправляемся на Бейкер-стрит. Не хотите ли поехать с нами?

— Хочу, но профессиональные обязательства не позволяют мне этого сделать. — Я с тревогой взглянул на него: — Будьте осторожны, хорошо, Холмс?

— Мой милый друг, мы только проведем несколько химических опытов, — бодро заверил он. — Я привезу вашу пациентку целой и невредимой еще до обеда. Или пришлю вам записку, — добавил он, уводя мою подопечную к двери.

Ближе к концу этого теплого дня я возвращался домой с неожиданного вызова и, проезжая по Бейкер-стрит, увидел открытые окна дома, указывавшие на то, что обитатели находятся там. Я зашел переговорить с Холмсом. Знакомая дверь наверху была открытой, создавая вентиляцию, долженствовавшую рассеять зловонные облака, состоявшие в равных пропорциях из табачного дыма и паров каких-то химических соединений. К моему изумлению, я обнаружил, что в комнате присутствует не только Холмс: моя бывшая

пациентка сидела в его «химическом уголке». Рукава ее блузки были закатаны до локтей, волосы, которые утром были уложены в узел, влажными прядями упали на лицо. По правде говоря, можно было подумать, что она чувствует себя вполне непринужденно, несмотря на беспорядок, который еще усиливало немалое количество справочников, разложенных повсюду. Она курила и пила чай, совершенно не замечая этого бардака, в центре которого на ковре восседал Холмс со своей трубкой. Скрестив ноги по-турецки, он листал одну из своих записных книжек.

— А, Ватсон! Заходите, — пригласил он, подняв голову при звуке моих шагов. — Мы весьма результативно провели день.

— И вечер тоже, — заметил я. — Уже восьмой час.

— Так поздно? И правда.

— Так что же дал этот день? — осведомился я, устраиваясь в своем старом кресле и раскуривая трубку в качестве самозащиты от едкого дыма.

— Две телеграммы. Одна адресована в Бостон, вторая — в Нью-Йорк. Мисс Смит определенно получила научное образование и, возможно, даже степень бакалавра химических наук в Бостонском университете. Она недурно знает теорию,

хотя теория — не самая сильная ее сторона. А вот практик она превосходный, и с бюреткой она обращается просто потрясающе. Вам стоило бы на это посмотреть, Ватсон. В ходе опытов с титрованием нам удалось восстановить несколько воспоминаний из студенческих времен: судя по всему, это был приятный период в ее жизни.

— Отсюда телеграмма в Бостон, — догадался я. — Вы надеетесь обнаружить кого-то, кто знает ее историю.

— Совершенно верно.

— А телеграмма в Нью-Йорк?

— Ну, это скорее догадка. Она связана с ее контактами с Гарнеттом. Она почти наверняка зарабатывала себе на жизнь как химик. Мне кажется, она работала на Гарнетта. Если Гарнетт занимался какой-то таинственной областью фармацевтики (а у меня есть некие соображения по поводу ее таинственности), то это узкая специализация. Однако если при этом у него было достаточно работы, чтобы нанять ассистента, то это указывает на работу в довольно большом городе, а Нью-Йорк — коммерческий центр Америки. К тому же Нью-Йорк — столица преступности. У меня в нью-йоркской криминальной полиции есть друг, который обеспечит

серьезное отношение к нашему запросу.

— Но как ваша теория объясняет, что из ассистентки Гарнетта она превратилась в его пленницу?

— Это я предоставлю придумать вам самому. Вашей голове полезно упражняться. Второй вопрос, заслуживающий внимания, имеет отношение к истории, которую рассказал Лестрейду наш друг Сэкер. Я выкурил пару трубок, размышляя над услышанным, и в конце концов заметил одну странность. Довольно большое количество его лжи было основано на правде. Конечно, когда рассказываешь историю, которую могут проверить, желательно держаться как можно ближе к истине, однако это показывает, как работает его голова. Итак, в его пьеске мы находим следующие факторы: людей, которые родились в Англии, а затем эмигрировали, «шалопая», отправившегося в Южную Америку, человека, который, полюбив довольно поздно, позволил чувствам возобладать над разумом, и врача. Сэкер и Гарнетт определенно англичане, а Гарнетт — определенно врач, которому, судя по описаниям, лет 55–60. А как насчет Южной Америки?

Нельзя рассчитывать на то, что этот старый список будет содержать сведения обо всех англи-

чанах, уехавших в Южную Америку за последние 25 лет и подозреваемых в совершении преступления, но врач, а в особенности такая редкость, как медицинское преступление, должны были привлечь к себе внимание. Вы помните доктора Гримсби Ройлотта? Вот.

Он вручил мне старую записную книжку, указав на пару пожелтевших газетных вырезок.

Первая, датированная 1881 годом, содержала отчет о деле, рассматривавшемся на сессии лондонского суда и касавшемся преступного сговора между врачом, неким Льюисом Брукменом, и наследником одного из его пациентов. Пациент был немолодым предпринимателем в области текстильного производства, ему составили ложное заключение в недееспособности, рассчитывая завладеть его собственностью. В газете был намек на то, что участие врача не ограничивалось подделкой документа: с помощью каких-то невыясненных методов у пациента были сымитированы симптомы старческого слабоумия.

Вторая статья, где развивалась тема предыдущей, сообщала, что слушание прекращено за недостатком улик и в связи с сомнениями относительно достоверности показаний двух свидетелей. Сообщалось, что обвиняемый, доктор

Брукмен, намеревается оставить свою погубленную лондонскую практику, согласившись принять предложение больницы Сан-Феличе в Рио-де-Жанейро.

— Я не помню этого дела, — заметил я, возвращая записную книжку ее владельцу.

— Неудивительно. В тот момент я не имел к нему отношения, хотя и следил за газетными отчетами. Дело было прекращено из-за технических моментов и противоречий между консультантами, дававшими заключения по медицинской стороне дела. Но меня заинтересовала личность доктора Брукмена. Он блестяще учился в университете и одно время подумывал о специализации в области неврологии. Казалось, его карьера обеспечена, но, по-видимому, затраты превысили его доходы в масштабе… составившем… некое четырехзначное число. Почему так произошло, ничего не говорилось. Хотелось бы мне знать о его пристрастиях.

— И вы считаете, что этот Брукмен и есть Гарнетт?

— Я считаю, что эту гипотезу стоило бы проверить. В их методах наблюдается сходство, и возраст сходится.

Внизу в дверь позвонили, с лестницы донес-

лись голоса.

— Лестрейд, — проговорил Холмс, вставая с пола. — Интересно, что ему удалось выяснить.

В двери показалось знакомое лицо инспектора, который в эту минуту удивительно походил на выглядывающего из норки хорька.

— Добрый вечер, мистер Холмс, — проговорил он, входя в комнату по приглашению моего друга. В руке он нес небольшой чемоданчик. — Доктор Ватсон. О! — Тут он заметил фигуру в химическом уголке. Готов был поклясться, что он чуть заметно покраснел. — Э-э… добрый вечер, сударыня.

Мисс Смит адресовала ему холодную ироническую улыбку и наклонила голову, высокомерно принимая приветствие. Я заметил, что его смущение вызвало у нее ехидную радость.

— Вижу, у вас тут настоящее совещание, — сказал Лестрейд, занимая место, предложенное ему хозяином квартиры. — Не вставайте, доктор Ватсон. То, что я собирался сказать мистеру Холмсу, на самом деле касается и вас, поскольку, как я понял, эта леди теперь стала вашей пациенткой.

— Значит, полиции удалось поймать разыскиваемых? — спросил я.

— Ну… И да, и нет, — ответил Лестрейд, потирая пальцем щеку.

— В том смысле, что их нашли и снова упустили? — осведомился Холмс, выгибая бровь.

— В том смысле, что Ормонда Сэкера нашли этим утром в зале ожидания ливерпульского вокзала. Он сидел на скамье, положив ногу на ногу, надвинув шляпу на глаза и с газетой на коленях. Неподвижный, как камень. Мертвый, — добавил он.

— Без малейшей отметины на теле, — сказал Холмс.

Лестрейд отчаянно пытался не клюнуть, однако не выдержал.

— Ладно. Как вы узнали?

— Потому что я знаю, кто его убил, а следовательно, знаю и то, как это было сделано. И по этой же причине я уверен, что при нем не нашли багажа.

Лестрейд вздохнул.

— Может, вы заодно объясните мне и причину?

— А, но это очередная загадка. На данном этапе в качестве причин я мог бы предложить только догадки, а вы ведь знаете, как я ненавижу строить догадки.

— Как бы то ни было, — продолжил Лестрейд, — вскрытие состоится сегодня вечером в Ли-

верпуле. Я подумал, что вы, возможно, захотите отправиться туда со мной и посмотреть на то, что там можно будет увидеть.

— Сэкера убил тот, кого вы называете Гарнеттом. Убийство было совершено с помощью отравления, и вскрытие не позволит ничего определить, — прозвучал грудной голос из-за химической установки.

Мы все повернулись к мисс Смит. Она сидела, закрыв лицо руками и сжавшись. Я уже знал, что эта поза говорит о том, что она крайне напряжена.

— Мне крайне неприятно повторять слова нашего любезного инспектора, — негромко проговорил Холмс, — но откуда вы знаете, что на вскрытии яда не обнаружится?

— Потому что, — ответила она, не отнимая ладоней от лица, — потому что коронер в Нью-Йорке тоже не смог найти следов яда.

Холмс блаженно улыбнулся.

— А! — воскликнул он. — Последняя деталь! — Он подошел к мисс Смит и ласково заставил ее оторвать руки от лица. — Ну же, Корделия, постарайтесь не расстраиваться, — проговорил он с той же серьезностью, которая уже производила на нее столь благотворное воздействие, — но мне

хотелось бы услышать, что вы вспомнили. Не забывайте: теперь вы в безопасности.

— У меня в голове все путается, — начала она. — Но был какой-то человек — богатый человек с сомнительными связями, он внезапно умер в Нью-Йорке… Это было несколько месяцев назад или, может быть, год. Тогда я впервые начала подозревать — или, вернее, начала принимать свои подозрения всерьез. У него… Гарнетта… была лаборатория на верхнем этаже большого красивого дома. Наверное, я там работала. Не думаю, чтобы я там жила. Я сидела в углу и пыталась построить уравнение по данным графика — и в это время в лабораторию вошел еще один человек, с виду — богатый итальянец.

«Вы даете гарантию на свой продукт?» — спросил итальянец.

«Ну, вы же не можете думать, что я дам ее в письменном виде», — ответил тот, кого вы называете Гарнеттом. Только я уверена, что это не его настоящее имя.

«Пять тысяч долларов — довольно высокая цена за пакетик размером в мой ноготь», — сказал итальянец.

«Что вы, меньше вашего ногтя, гораздо меньше, — возразил Гарнетт. — Но не забывайте: вы

покупаете и конфиденциальность».

«Мне кажется, — холодно отозвался итальянец, — что это палка о двух концах».

«Нисколько, — ответил Гарнетт с какой-то ядовитой веселостью. — Вы попросили, чтобы я составил вам новый действенный крысиный яд. Я его вам продал. А что вы будете потом с ним делать, я за это не отвечаю. И потом — никаких вопросов не возникнет».

«Крысиный яд! Точно сказано!» — рассмеялся итальянец.

И они ушли в ту часть лаборатории, которую всегда держали под замком. Итальянец был двоюродным братом богача. Я видела в газете фотографию похорон.

— А что еще вы помните? — спросил Холмс.

— Ничего! — Она раздраженно ударила кулаком по лабораторному столу, так что зазвенела стеклянная посуда. — Просто очередная картинка без всякого контекста.

— Этого пока достаточно. — Холмс прошел в центр комнаты и остановился у камина, ненадолго задумавшись. — Признаюсь, инспектор, мне было бы любопытно поехать с вами в Ливерпуль и осмотреть место преступления самому. Однако Гарнетта там уже давно нет. Если бы я

смог восстановить ход его мыслей… Но для этого у меня нет материала. Значит, Ливерпуль. Я буду готов через пять минут. Ватсон, — обратился он ко мне, — будьте любезны, проводите мисс Смит домой, хорошо? Я свяжусь с вами завтра вечером. И, — тут он понизил голос, — не позволяйте ей выходить из дома одной, мой любезный друг.

— Вы считаете, что ей может что-то угрожать? — тихо спросил я. — Мне казалось, что убить ее хотел Сэкер, а не Гарнетт. Разве теперь она не в безопасности?

— Мне не хотелось бы проверять это эмпирическим путем, — ответил он. — По крайней мере пока меня не будет в городе.

Я кивнул и направился к своей пациентке, чтобы забрать ее и ее вещи. Когда у двери остановились два кеба, за которыми мы отправили посыльного Билли, Холмс и Лестрейд спустились по лестнице, экипированные в дорогу. Лестрейд говорил:

— Я захватил расписание. Поезд в Ливерпуль отходит через час.

— Прекрасно, — отозвался Холмс. — У нас как раз будет время заехать в почтовое отделение на Вигмор-стрит и отправить телеграмму в Бразилию.

— В Бразилию? Но это дело не имеет никакого отношения к Бразилии! — запротестовал Лестрейд, садясь в кеб. — К Соединенным Штатам — да, но не к Южной Америке!

— Вот как? Значит, я ошибся, — услышали мы равнодушный голос Холмса из отъезжающего кеба. — К почтовому отделению на Вигмор-стрит, извозчик.

Вечером следующего дня у меня в кабинете раздался звонок: Холмс говорил уже с Бейкер-стрит. Это было редким событием: он не любил телефонов, давно пристрастившись в срочных случаях отправлять телеграммы, а при отсутствии спешки наносить визиты.

— Как дела у мисс Смит? — первым делом спросил он.

— Лучше, — ответил я. — Когда она проснулась сегодня утром, то смогла вспомнить многие эпизоды из своей жизни в Бостоне и Нью-Йорке. Я водил ее на консультацию к сэру Моррису Стейну, знаменитому невропатологу, который практикует по соседству, на Харли-стрит. Мне уже случалось пару раз направлять к нему пациентов. Он — замечательный человек, почти не практикует, предпочитая работать над книгами, но он мне кое-чем обязан. Он подтвердил, что

мозг мисс Смит не поврежден, и объяснил ее амнезию сочетанием наркотиков, гипнотического внушения и пережитого страха. По его мнению, потерянные воспоминания о недавних событиях будут постепенно и самопроизвольно восстанавливаться в течение ближайших недель и ей не требуется никакого лечения.

— А амнезия относительно более давних событий?

— Тут он отвечал довольно уклончиво. Сказал, что хотел бы наблюдать ее раз в неделю в течение какого-то времени. Он сказал интересную вещь: по его мнению, этот Гарнетт не смог бы построить такую стену между ее сознанием и памятью, не имея никакой помощи. Но он не стал объяснять, что он имеет в виду. Может ли быть так, чтобы в этом деле был замешан еще один врач?

— Интересно. Нет, по-моему, он имел в виду не это. У меня есть теория относительно раннего периода ее жизни, но сейчас не время об этом говорить. Мой дорогой друг, не можете ли вы на несколько дней удалить из дома вашу жену и слуг?

— Боже правый, Холмс! Зачем?

— Это имеет отношение к тому, чего я не обнаружил в Ливерпуле. Дело изобилует негативными

результатами. Конечно, я не рассчитывал найти Гарнетта или остатки багажа: если Гарнетт таков, каким я его считаю, то вещи отправлены на какую-нибудь захолустную станцию, где они будут храниться до востребования. Я не надеялся и на то, что в теле Сэкера обнаружится какой-нибудь известный яд. И действительно, все отсутствовало в соответствии с моими ожиданиями. Но главное отсутствие — то, которого я не ожидал, — отсутствие мотива убийства Сэкера. Это оказалось краеугольным камнем.

Я ошибался относительно Гарнетта, Ватсон, ошибался с самого начала. Я решил, что поскольку он не захотел сам убивать мисс Смит и запретил от нее избавиться или нанести ей какой-то иной ущерб, то он не только сообразительнее своего партнера, но и обладает какими-то этическими принципами. Короче, я счел его человеком разумным и рациональным, чьи преступные склонности имеют некие границы. Это не так.

Ватсон, этот человек страдает настоящей манией величия. Его поступками руководят не разум и рассудительность, а мечты и одержимость. И одержимость его зовется Корделией Смит.

— Вы считаете, что он вернется в Лондон и попытается ее убить? — ужаснулся я.

— Не совсем. Я считаю, что он вернется в Лондон и попытается ее выкрасть. И мы должны быть готовы устроить ему ловушку. Вот для чего необходимо удалить вашу жену и детей, чтобы они нам не мешали и чтобы не подвергать их риску.

— Но как же мисс Смит? Нельзя же использовать ее в качестве подсадной утки! — возмущенно запротестовал я.

— Я не могу устроить капкан без приманки. Думаю, вы склонны недооценивать мисс Смит. Полагаю, она пожелает присутствовать при завершении охоты. Припоминаю, что она назвала себя призраком убиенной женщины. Нет, она Гарнетта не любит, какие бы странные чувства он сам к ней ни питал.

Я установлю за вашим домом скрытое наблюдение. Не думаю, чтобы Гарнетт нанес удар сегодня: помимо всего прочего ему необходимо подготовить безопасное убежище. Инспектор Лестрейд с нами сотрудничает, хотя и без охоты. Насколько я понимаю, он предпочел бы затратить свою немалую энергию на прочесывание Ирландии. Я загляну к вам завтра, чтобы помочь все подготовить, — надо надеяться, оставшись незамеченным. Передайте мои поклоны миссис Ватсон, хорошо?

Он повесил трубку.

Я вздохнул и приготовился сообщить известия Холмса жене. Она женщина терпеливая, но не привыкла, чтобы ее выставляли из собственного дома ради полуночного визита сумасшедшего отравителя — пусть даже в интересах правосудия. Жена восприняла все лучше, чем я опасался, хотя подозреваю, что именно из-за этого она потом какое-то время довольно холодно разговаривала с Холмсом. На следующий день рано утром я отправил ее в Гринвич погостить у друзей. Когда план Холмса услышала мисс Смит, она выказала гораздо меньшую тревогу, нежели Алисия. Только улыбнулась и выразила готовность сотрудничать с нами в меру своих способностей. Однако чуть позже она зашла ко мне в кабинет и спросила, не найдется ли у меня лишнего пистолета, который ей можно было бы держать при себе.

— Мы с Холмсом оба будем вооружены, — заверил я. — А инспектор Лестрейд расставит своих людей на улице. Вам нет нужды участвовать в этом неприятном деле.

Она согласилась, хотя и неохотно. Втайне я вздохнул с облегчением: после того что было на заднем дворе, я не мог предсказать, как она себя поведет, если будет вооружена.

Примерно в три часа дня в парадную дверь позвонили. Открывать пришлось мне самому. На пороге я обнаружил худого согбенного старика со слезящимися глазами и морщинистым лицом в обрамлении белых бакенбард. Когда я закрыл входную дверь, Холмс выпрямился, облегченно вздохнув.

— Неплохая личина, — проговорил он, кладя трость, шляпу и бакенбарды на стол в прихожей. — Но, видит Бог, если мне придется долго ее носить, то я вынужден буду обратиться к вам по поводу ревматизма. Я получил ответы из Бостона и Нью-Йорка. Ваша пациентка дома?

— Читает в кабинете.

Когда мы вошли, мисс Смит встревоженно подняла голову, но при виде Холмса успокоилась и улыбнулась.

— Значит, все готово? — осведомилась она.

— Почти, — спокойно ответил Холмс. — Лестрейд расставит своих людей по местам, когда начнет смеркаться. Сейчас мы устроим военный совет и решим, как следует принять нашего ночного гостя, если, конечно, он явится сегодня — и явится вообще. На его месте я сейчас был бы уже на полпути к Санкт-Петербургу.

Но сначала о другом. Я получил вот эти те-

леграммы. — Он извлек бумаги из нагрудного кармана. — Боюсь, что Бостонский университет принес нам разочарование. Оттуда мне сообщили, что в последние пятнадцать лет у них не было студентки по имени Корделия Смит или Корделия Смит-как-то-еще.

— Но этого не может быть! — запротестовала моя пациентка.

Холмс предостерегающе поднял руку.

— Однако мой нью-йоркский корреспондент говорит, что джентльмен по имени лейтенант Осер из нью-йоркского департамента полиции повсюду разыскивает леди по имени Корделия Нейсмит, которая однажды ночью исчезла вместе с неким доктором Джеймсом Гельмутом и его личным секретарем Орвиллом Сэндменом. Последних двух нью-йоркская полиция весьма хотела бы получить для допроса.

С протяжным тихим вздохом леди откинулась на спинку кресла.

— Кальвин Осер! — выдохнула она. — Слава Богу!

Холмс адресовал ей легкий поклон.

— Этот джентльмен — ваш друг, насколько я понимаю. В этом случае вам приятно будет узнать, что вчера вечером он отбыл на пароходе

из Нью-Йорка в Лондон.

— Старый друг, — подтвердила она с радостью и облегчением. — Не могу вспомнить, как я с ним познакомилась, но он был моим другом в Нью-Йорке. Я обратилась к нему, когда впервые начала подозревать… да, его звали Джеймс Гельмут. Так вот, я начала подозревать, что в его лаборатории происходит нечто странное. Я старалась все подмечать и сообщала обо всем ему, надеясь найти нечто такое, что стало бы конкретной уликой. Помню, что в последний раз я попросила его ничего не предпринимать, пока я с ним не свяжусь. — Она потерла лоб. — Что же произошло потом?

— Видимо, этот Гарнетт-Гельмут заподозрил, что вы — шпионка, — предположил я.

— Да, — ответила она. — Это крутится уже совсем близко. Я чувствую, что вот-вот вспомню.

— Возможно, сам Гельмут расскажет нам это, если только нам удастся его сегодня поймать, — проговорил Холмс. — Но давайте на минуту перейдем от предположений к практическим соображениям. Видимо, он придет с черного хода, чтобы остаться незамеченным (по крайней мере, так он будет думать). У меня нет желания подвергать мисс Нейсмит большей опасности,

чем строго необходимо, поэтому…

Его прервал звонок в дверь.

— Кто бы это мог быть?

— Вероятно, какой-нибудь пациент, — отозвался я, вставая. — Сидите, мой друг. Я договорился, что все больные, кому нужна срочная помощь, могут обращаться к Анстратеру. Это совсем рядом. Я просто направлю его туда.

Я открыл дверь, за которой оказался высокий, чисто выбритый джентльмен лет пятидесяти пяти, одетый весьма аккуратно и пристойно. Ясные глаза смотрели на меня дружелюбно и открыто. Позади него на улице дожидался кеб.

— Доктор Ватсон? — вежливо спросил он.

— Да. Но моих пациентов сегодня принимает доктор Анстратер, — ответил я. — У меня семейные трудности. Его приемная чуть дальше по той же улице: дом номер 114.

— Ах, какое разочарование! Мне вас особенно рекомендовали. Ну что ж — у меня дело несрочное. Можно мне войти и записаться на другой день? Спасибо.

Я закрыл за ним дверь и повернулся, чтобы проводить в приемную рядом с моим кабинетом: там я держал все регистрационные книги. Когда я вошел в комнату, то почувствовал, как

к моей шее прикоснулось что-то холодное. Повернувшись, я обнаружил, что на меня смотрит сверкающее дуло хорошо смазанного пистолета. Я промедлил всего минуту, а потом воскликнул громко и четко:

— О! Доктор Джеймс Гельмут, не так ли? Мы не ждали вашего визита настолько рано.

— Полагаю, что нет, — учтиво отозвался он. — Но боюсь, что это вам не поможет: я знаю, что в доме нет никого, кроме вас, моей приятельницы мисс Нейсмит и того старика, который зашел сюда недавно. Итак, у меня нет желания вас затруднять. Сделайте мне одолжение: позовите мисс Нейсмит, и мы с ней можем отправиться.

Он ни на секунду не отводил наставленного на меня пистолета.

— Не стоит так торопиться, доктор Гельмут, — любезным тоном проговорил Холмс, входя в приемную.

В руке он держал пистолет, следом за ним шла мисс Нейсмит. При виде моего затруднительного положения его лицо моментально стало холодным и напряженным. Мисс Нейсмит не вскрикнула и не отшатнулась: только ее глаза сначала расширились, а потом сощурились, став ледяными и настороженными.

— Мистер Шерлок Холмс, не так ли? — осведомился врач, похожий на ястреба. — Какой сюрприз! Право, встреча с вами — это честь.

— Сожалею, что не могу сказать того же, — отозвался Холмс, держа Гельмута под прицелом с такой же решительностью, с какой Гельмут наставлял пистолет на меня.

— Какая пикантная ситуация! — сказал Гельмут, не теряя спокойствия. — Мои новые соотечественники живописно называют такие «мексиканским тупиком». Просто возьмите пистолет за дуло и положите его на этот стол, хорошо? А, вы хотите сказать, что если я застрелю доктора Ватсона, то вы обязательно застрелите меня. Это так, но разве это не будет слабым утешением в случае смерти столь давнего и близкого друга? И, право, в стрельбе вовсе нет необходимости. Я был уверен, что вы поступите разумно.

Эти последние слова были произнесены тогда, когда Холмс с серым от гнева, досады и глубоко спрятанного страха лицом положил пистолет на мой рабочий стол.

— Прекрасно. Перейдите в центр комнаты. — Он извлек из кармана шприц и небрежно бросил его так, чтобы он упал на мягкое кресло, рядом с которым стоял Холмс. — А теперь, Корделия,

милочка моя, мистер Холмс просто сделает тебе укол, чтобы успокоить нервы. Подойди к нему.

Никто не пошевелился.

— Ну, право! Можно подумать, будто я собираюсь увезти тебя для того, чтобы сделать тебе что-то плохое, а не хорошее. Чепуха. Мистер Холмс, доктор Ватсон — я никогда сознательно не причиню этой леди зла: это все равно что разрезать ножом «Мону Лизу»! Это было бы эстетическим святотатством. Вы устраиваете много шума из ничего.

— Ножом — нет, — отозвалась мисс Нейсмит, и в глазах ее блеснул арктический лед. — Но я без труда могу представить себе, что вы возьмете кисть и палитру, чтобы «улучшить» эту картину.

— Я жду, — холодно произнес Гельмут.

Краем глаза я заметил, что лежащий на спусковом крючке палец напрягся.

Мисс Нейсмит пожала плечами и двинулась в сторону Холмса. Однако, поравнявшись со столом, она плавно повернулась и направила на нас пистолет Холмса.

— Льюис Брукмен! — крикнула она.

На миг в глазах доктора отразилось изумление, пистолет на долю секунды дрогнул. Она выстрелила.

Его пистолет выстрелил у самой моей головы, но пуля вошла в потолок, потому что он пошатнулся, а из раздробленной руки фонтаном ударила кровь. В ту же секунду мы с Холмсом навалились на него и вырвали пистолет из перебитой руки. Он пытался сопротивляться, но рана оказалась слишком болезненной, и он потерял сознание. Я наложил ему жгут, а Холмс поспешно вызвал представителей Скотленд-Ярда.

— Мой дорогой друг, я должен нижайше извиниться перед вами, — с жаром проговорил Холмс некоторое время спустя, когда Лестрейд увез свою бесчувственную добычу и мы снова остались одни.

Не постыжусь признаться, что, когда все закончилось, я почувствовал реакцию. Когда я наливал нам всем щедрые порции виски, руки у меня дрожали. Мисс Нейсмит, как всегда, от спиртного отказалась.

— Мои ошибки были только чуть менее грубыми, чем те, что совершил Гельмут, — продолжил Холмс. — Мне и в голову не пришло, что он явится в ловушку раньше, чем мы ее приготовим. Беспристрастное Провидение, наверное, услышало, как я дразнил Лестрейда. Но, если подумать, его поведение было в высшей степени логичным,

хоть и смелым. Зачем человеку его возраста разрабатывать у себя способности вора-форточника?

— Он всегда был вот таким хитрым, — вставила мисс Нейсмит. — Он прорывал вашу защиту и пронзал сердце раньше, чем вы успевали заметить, что он обнажил шпагу. Так он и меня провел.

Она вздохнула.

— Я постепенно все вспоминаю. На самом деле виновата была я сама. Полный идиотизм.

Я уже довольно долго наблюдала за его деятельностью. Мне казалось, что мы с Кальвином Осером в конце концов сможем обвинить его в том, что он держит у себя ядовитые вещества. Я собиралась достать для Кальва кое-какие образцы, чтобы провести сравнительный анализ. Этого плюс показаний о том, что я видела и слышала за время моей работы на него, будет достаточно, чтобы его судить.

И вот как-то вечером, когда я собиралась уйти домой (я снимала комнату в пансионе), Гельмут меня потряс: он пришел в лабораторию и попросил меня выйти за него замуж. Я не знала, что сказать.

— Как вы могли даже на секунду подумать о

том, чтобы стать женой такого человека? — изумленно спросил я.

— Ну, не знаю. Я понимала, что в его прошлое лучше не заглядывать, но и про мое можно было сказать то же. Я никогда не боялась ядовитых змей — с тех пор как в детстве охотилась на гремучих змей, чтобы получить деньги на карманные расходы: графство платило за них премии. Я не понимала, что гремучие змеи — гораздо более благородные создания и всегда предупреждают о том, что собираются на вас броситься. Меня всегда восхищали его блестящие способности. Мне казалось, что он не относился ко мне свысока из-за того, что я женщина. Он всегда требовал, чтобы моя работа была безукоризненной, и я его за это уважала. И, по правде говоря, я была настолько глупа, что почувствовала себя польщенной: мне впервые сделали предложение, и все такое прочее. К тому же я была усталой. Меня это настолько выбило из колеи, что я вдруг представила себе такую романтическую картину: я прошу его прекратить преступную деятельность. Несравненно лучше будет исправить этого умнейшего человека, а не посадить его в тюрьму. И это я помогу ему исправиться! — Она рассмеялась, но смех прозвучал довольно резко, что меня встревожило. — Я

на это ему и намекнула — довольно прямо. По тому, что он сказал после, я поняла, что все эти месяцы он считал меня слепой, глухой и к тому же тупой. Он был искренне потрясен тем, что я его раскусила.

Он попросил, чтобы я дала ему день на размышления. При этом он дал мне понять, что глубоко тронут. Когда я на следующий день пришла на работу, он с улыбкой подошел ко мне и сказал, что мои слова произвели на него огромное впечатление, а потом приложил мне к лицу тряпку, пропитанную хлороформом. Это последнее, что я помню, до той минуты, когда я очнулась в той комнатке в Кэмберуэлле.

Наверное, ему хотелось превратить меня в идеальную послушную жену. У него было пристрастие к опасным любимцам (он держал дома ядовитых змей и злобного оцелота) и художественным редкостям. Ему просто захотелось прибавить меня к своей коллекции.

Эту болезнь я вызываю у всех моих друзей. У него она обрела крайне острую форму. Они все пытаются переделать меня в соответствии с какими-то собственными представлениями о реальности. Моя кузина хотела сделать из меня суфражистку, ее муж хотел, чтобы я стала вра-

чом. Доктор Ватсон желал бы, чтобы я бросила курить и начала пить вино, миссис Ватсон советует мне поменять стиль одежды и прическу, а Кальв Осер хуже всех: требует, чтобы я стала настоящей леди.

По правде говоря, мистер Холмс, — добавила она, поворачиваясь к моему другу, — вы, похоже, уникальное исключение среди всех, кого я встречала в жизни. За время нашего знакомства вы ни разу не попросили меня быть кем-то, кроме как самой собой.

— Чего я по-прежнему не понимаю, — проговорил я, — так это зачем Гарнетту-Гельмуту или как там его на самом деле понадобилось убивать этого типа Сэкера или Сэндмена.

— Сэндмен порой ужасно раздражал, — сказала мисс Нейсмит задумчиво. — По характеру он был слабым и стремился давить на тех, кто казался ему слабее его. Один раз он попробовал кое-какие штучки со мной, но я его чертовски удивила, выкинув в окно. С тех пор он меня не трогал. Он работал с Гельмутом довольно долго — приехал с ним из Южной Америки, насколько я знаю. Возможно, он попробовал прибегнуть к шантажу. Это было бы вполне в его стиле, а с Гельмутом пытаться устраивать такое опасно.

— Я бы не удивился, если бы в деле присутствовал такой элемент, — поддержал ее Холмс. — Но я утверждаю, что главной причиной его отравления стало преступное оскорбление монаршей особы. Его попытка убить вас, мисс Нейсмит, решила его судьбу. Мотивация поступков Гельмута (или Брукмена, как, полагаю, докажет ответ из Бразилии) настолько странная, что, на мой взгляд, он в конце концов окажется не в тюрьме, а в сумасшедшем доме.

Когда на следующей неделе из Нью-Йорка приехал лейтенант Кальвин Осер, а Холмс получил ответ на телеграмму, отправленную в Рио, все пробелы, оставшиеся в истории моей пациентки и двух ее похитителей, были заполнены. В Нью-Йорке Гельмута знали только как английского врача, который много лет работал на нью-йоркскую фармацевтическую фирму в качестве ее бразильского представителя. Он переехал из Бразилии в Америку благодаря фирме, на которую работал, а потом создал в Нью-Йорке собственное небольшое предприятие. Оно было вполне законным, однако не могло служить источником крупного состояния. Первый помощник, которого Гельмут нанял вести дела, таинственно исчез, не проработав и двух лет. Лейтенант Осер участ-

вовал тогда в расследовании, но исчезновение молодого человека так и не было объяснено. Вот почему, когда его давняя знакомая мисс Нейсмит впервые высказала ему свои подозрения о существовании второго и гораздо более опасного фармацевтического производства, он смог проконсультировать ее со всей серьезностью. Работая вместе, они уже почти набрали нужное количество улик для ареста Гельмута — и тут мисс Нейсмит, доктор Гельмут и его секретарь Сэндмен внезапно исчезли. Осер дошел по ложному следу до Сент-Луиса, когда телеграмма, полученная от Холмса, заставила его поспешно сесть на ближайший пароход, отправлявшийся в Лондон.

Ответ из Рио был не настолько однозначным, но более поздние показания относительно Гельмута подтвердили выдвинутую гипотезу. Доктор Льюис Брукмен покинул больницу Сан-Феличе по просьбе администрации из-за «несоответствующей правилам деятельности» и отправился вверх по Амазонке с ботанической экспедицией. Первое появление «Джеймса Гельмута» было отмечено десятью месяцами спустя в Манаусе. Эти двое были одним и тем же человеком.

Лейтенант Осер меня удивил. Основываясь на

откровенной радости, высказанной мисс Нейсмит по поводу его приезда, я создал в своем воображении довольно романтический образ. В день его приезда я сопровождал мисс Нейсмит на Бейкер-стрит, где она должна была встретиться с ним вечером: днем у лейтенанта были дела в Скотленд-Ярде.

Мужчина, который, когда мы вошли, стоял на коврике у камина, оказался весьма немолод. Редеющие песочного цвета волосы подернуты сединой, яркие голубые глаза сверкали из-под кустистых бровей. В юности у него явно была атлетическая фигура, и он много времени проводил на открытом воздухе, но в последние годы в комфорте городской жизни довольно сильно раздался. Если бы не некоторая воинственность выставленного вперед подбородка и проницательность взгляда, его можно было принять за лавочника, подумывающего об уходе на покой.

— Корделия, до чего же приятно тебя видеть! — улыбнулся он мисс Нейсмит, неловко беря ее за руку. — Мистер Холмс порассказал мне о твоих приключениях. Ты в порядке, девочка?

Она улыбнулась в ответ и быстро кивнула.

— Мне… мне с каждым днем все лучше. Я пока еще не могу вспомнить всего, но каждый раз

восстанавливаются все новые куски… — Она всмотрелась в его лицо — как мне показалось, немного встревоженно. И в позе ее чувствовалась напряженность. — Я помню Бостон и Нью-Йорк.

— А помнишь Бешеного Кэллагана и твоего беднягу отца?

Она чуть помедлила с ответом.

— Нет.

Он наклонил голову и мгновение пристально смотрел на нее, поджав губы.

— Ясно.

Холмс придвинул еще одно кресло и позвонил, чтобы принесли чаю. Мы все уселись у холодного камина.

— Насколько я понимаю, — сказал я лейтенанту, — вы знали мисс Нейсмит юной девушкой.

Лейтенант Осер засмеялся.

— Да. Хотя с тем же успехом можно было бы сказать, что я знал ее юным парнишкой. Или юным хулиганом.

— Что?!

Боюсь, что на моем лице ясно выразилось изумление: Холмс спрятал улыбку, поднеся ладонь к губам.

— Лейтенант Осер может рассказать нам удивительную историю, Ватсон, — сказал сыщик.

— Многое из того, что казалось туманным, становится ясно. Слушайте.

Лейтенант Осер неуверенно взглянул на мисс Нейсмит.

— Не знаю. Вы не считаете, что сначала мне следует поговорить с этим врачом… как его… Стейном? Я не хотел бы сказать нечто, что ее расстроит.

— Я убежден, что вам следует встретиться с доктором Стейном перед тем, как вы уедете в Нью-Йорк, — отозвался Холмс. — Однако я вчера разговаривал с ним о вашем приезде и задал ему примерно тот же вопрос. В целом его ответ можно резюмировать так: рано или поздно неприятные эпизоды вспоминать все равно придется, так что рано ничем не хуже, чем поздно. Кроме того, мне кажется, что мисс Нейсмит имеет право знать то, что знаем мы, и здесь присутствует доктор Ватсон. Но, возможно, нам следует предоставить решение мисс Нейсмит.

Мы повернулись к Корделии, которая свернулась в просторном кресле и смотрела на нас печально и внимательно.

— Говори, — произнесла она без всякого выражения.

— Узнаю мою Корд! — воскликнул лейтенант

Осер. — Я еще никогда не видел, чтобы она пасовала перед трудностями. Она оставалась со своим стариком-отцом до самого конца в той дыре на границе. Но я начал свой рассказ задом наперед.

Мне следует сказать вам, джентльмены, что в восемьдесят четвертом году, когда я впервые познакомился с этой леди, я был судебным исполнителем на территории Нью-Мексико. Думаю, ей тогда было лет шестнадцать, хотя мне показалось, что она моложе. Там были тогда дурные времена. Я побывал там в прошлом году — трудно поверить, что эти места могли так перемениться на памяти одного поколения! Я почувствовал себя настоящим путешественником во времени из книжки того парня, писателя. Ее па… Он был англичанин, и был врачом в Калифорнии — в те времена, когда его жена еще не умерла и он не спился. У него был пунктик насчет ее безопасности… не то чтобы он был так уж и неправ… и он заставлял ее переодеваться и выдавал за сына. И у них это отлично получалось. Я знал их полтора года — и только потом уже раскусил.

Они водились с типом по имени Бешеный Кэллаган. Якобы золото искали, только Кэллаган все больше зарабатывал игрой в карты, пока кто-то не застукал его в баре в Мехико и не пристрелил.

Только это было уже позже, когда док Нейсмит умер, а Корделия уехала в Бостон к родственникам своей матери.

Так вот, на самом деле оказалось, что док искал двух парней, которые ему насолили. Я бы даже сказал, очень насолили — еще в Калифорнии. Я об этом положении дел узнал тогда, когда одного из этой пары нашли висящем на дереве, чуть ниже Клаудкрофта. Это было в восемьдесят шестом году. Когда мы наконец его опознали, я был склонен считать, что кто-то оказал обществу большую услугу, и не пытаться вести расследование. Но проклятое любопытство не давало мне покоя, и одно к другому…

Значит, я почти нагнал дока Нейсмита и Кэллагана у небольшого городка близ Таоса, и тут произошла странная вещь. Парень по имени Нельсон Болл, которого техасские рейнджеры разыскивали за ограбление почтовой кареты, явился ко мне и попросил, чтобы я его арестовал. Так вот — этому парню уже несколько лет удавалось преспокойно уходить от стражей порядка по всему Западу, так что, как понимаете, мне это показалось довольно-таки странным. С таким закоснелым негодяем, как Болл, определенно, конечно, не скажешь, но я решил, что парень

чего-то боится. И боится посильнее, чем закона. Так что я свернул с дороги, чтобы доставить его в таосскую тюрьму.

Когда мы остановились на ночлег в дне езды от Таоса, в наш лагерь явился Кэллаган. Он вроде бы просто захотел поболтать со мной о старых временах и выпить кружку кофе. Ну, я Кэллагану не доверял нисколько, но будь я проклят, если мог понять, что он на этот раз задумал. Я уснул, ломая над этим голову, а проснулся с разламывающейся головой и обнаружил, что Болл с Кэллаганом сбежали. Вот только коня Болла они не захватили: я нашел его оседланным и взнузданным, он щипал травку рядом с тем местом, где я привязал своего.

Я сел, подумал немного, а потом отправился посмотреть, как да что. Не могу сказать, чтобы я особо удивился, обнаружив Болла, всего продырявленного, в пересохшем ручье примерно в миле от лагеря. Сам он тоже успел пару раз выстрелить. Так что я отвез его в Таос, а подумав еще денек, получил ордер на арест дока Нейсмита. Друзья друзьями, а закон есть закон.

Я нагнал их в приграничном городке. Старый док тогда уже понемногу умирал. Я даже удивлялся, как это он держится так долго. Кэллаган

сбежал за границу, но Корделия, конечно, осталась с отцом — ухаживала за ним как могла. Я одолжил ей немного денег, и мы были с ним до конца и похоронили как подобает.

Так вот, я узнал, что у мисс Корделии из родни — только родственники ее мамы, на востоке страны. Так что я довез ее до Санта-Фе, купил ей платье и билет в один конец до Бостона и посадил на поезд. Поначалу она лягалась, но я напомнил ей, что Бешеный Кэллаган всегда носил при себе только ружье, потому что стрелял плохо и до смерти боялся змей. А у старого дока под конец так дрожали руки, что он с десяти шагов и в слона бы не попал. Тут она образумилась и послушалась меня. Вы оба, джентльмены, уже слышали часть этой истории, так что я ничего нового вам не выдал. И потом, все это дело давнее, а вы — настоящие джентльмены.

Позже, когда я переехал на восток страны, чтобы моя жена жила ближе к своей родне, я столкнулся с Корделией в Нью-Йорке и был рад увидеть плоды моей доброй услуги. Так что вполне понятно, что когда она раскусила этого аспида Гельмута, то рассказала об этом мне. Остальное вы знаете. Хотя даю вам слово: я моментально увез бы ее оттуда, если бы знал, как

обернется дело.

На середине его рассказа мисс Нейсмит обхватила руками колени и отвернулась от нас. Когда Осер замолчал, она снова повернулась к нам. Она прекрасно владела своим лицом, но щеки у нее были влажными.

— Чаю? — предложил Холмс, никак не комментируя услышанное.

— Спасибо.

Она взяла чашку и отпила немного чаю. Казалось, это простое домашнее действие помогло ей окончательно взять себя в руки.

— Спасибо, Кальв, — продолжила она уже совершенно ровным голосом. — Все постепенно возвращается. Какими-то отрывками, но возвращается. Наверное, так и должно быть.

Шерлок Холмс попытался найти слова, которые бы ее утешили.

— Мисс Нейсмит, пусть позади и были ужасные времена, вам не следует пытаться забыть ваше прошлое. Оно сделало вас такой, какая вы есть. И вам нет причин стыдиться того, какая вы есть.

Рассказы

Провалиться нам на этом месте

С первыми весенними оттепелями на улицах Патнема, штат Огайо, из-подо льда начинали выползать колдобины. Как края антарктических ледников сползают в море, так, в уменьшенном масштабе, асфальт начинал осыпаться внутрь, увеличивая зону распада по периметру этих кратеров с каждым ударом колес пикапов.

Так что поначалу никто не обратил внимания на новую дыру перед домом Пойнтеров. Первым ее отметил их сосед Вальдо Симпсон, заезжая на площадку перед своим домом.

— Эта сволочь раздолбала мой передний амортизатор! — пожаловался он. — Его весь перекорежило. Обойдется в сто двадцать восемь баксов!

Но население Милтон-стрит, приученное к терпению, молчаливо дожидалось, когда муниципальные рабочие с асфальтоукладчиком доберутся до их улицы. Правда, случалось, что рабочие добирались сюда только в июле, или августе, или даже следующей весной. А пока они вели машины медленно, поворачивая и дико вихляя, ужасая ни в чем не повинных велосипедистов.

Пригнав машину с новыми амортизаторами из автомастерской на Центральной улице (ходили слухи, что совладельцем мастерской стал зять мэра, так что вся взаимосвязанная система охраны выбоин и ремонта машин стала семейным предприятием), Симпсон отправился обследовать ту самую дыру.

— Черт! — уважительно пробормотал он. — А ведь глубокая, однако!

Он смотрел в сплошную тьму. Благодаря весенним дождям с первого взгляда определить глубину выбоины было невозможно. Сверкающая поверхность лужи могла скрывать и углубление в пару дюймов — из-за такого не стоит сворачивать на встречную полосу, рискуя столкнуться с приближающимся грузовиком, — и провал, куда сможет ухнуть все колесо, когда лопаются рессоры и вылетают вставные челюсти. Но в этой дыре воды не оказалось — только бархатистая темнота.

Симпсон очень удивился, обошел выбоину, хмыкнул и вернулся к себе в гараж, чтобы продолжить ремонт газонокосилки, который пришлось прерывать уже дважды: первый раз — чтобы съездить купить новую свечу зажигания, а второй — сменить амортизаторы, полетевшие во

время первой поездки.

Было еще недостаточно тепло, чтобы начать сезон веранд, когда все соседи вылезали из домов, словно цикады из норок, чтобы погреться на солнышке и возобновить старые знакомства, прерванные прошлой осенью. Так что прошла еще неделя, прежде чем кто-то еще посмотрел на дыру с близкого расстояния.

Да вдобавок еще накануне вечером пришло предупреждение о возможности появления смерчей — наиболее впечатлительные безвыходно засели у стереоприемников, слушая сводки погоды единственной радиостанции Патнема. К их глубокому разочарованию, в их районе не было замечено ни единого торнадо. Однако сильный ветер сломал сухие ветки с серебристого клена у дома Пойнтеров, так что утром Билл Пойнтер бродил с большим мусорным мешком и собирал мусор. Местным жителям запрещалось жечь мусор, а городские мусорщики отказывались вывозить мусор, который не был по правилам собран в мешки.

Ветка — футов семи, подгнившая у основания и увенчанная веером увядающих серебристо-зеленых листьев — лежала, наполовину уйдя в сток. Пойнтер наклонился, намереваясь поднять

ветку и разломать так, чтобы влезла в мешок (могучие ветви разломать было невозможно, но иногда ему удавалось обдурить мусорщиков, он обматывал мешок вокруг ветки наподобие набедренной повязки), его взгляд упал на черную кляксу посредине улицы. От нечего делать он проверил глубину концом ветки.

Поначалу ему показалось, что яма заполнена грязью: ветка сразу же встретила какое-то тягучее сопротивление, которое, впрочем, не увеличивалось с глубиной. Пойнтер проталкивал туда ветку, пока проталкивать стало нечего, кроме горсти вялых листьев. Он потянул ветку обратно, но листья оторвались — и у него на глазах конец ветки с тихим чавкающим звуком исчез в темноте.

Поразившись, он скормил яме еще одну ветку, а потом третью. И чуть было не сунул в темноту руку.

— Что тут у тебя, Билл? — спросил его сосед, Гарольд Кригер, который как раз выволок свои мешки с мусором на обочину, чтобы их назавтра вывезли. — Похоже, у тебя тут чемпион по ломанию осей.

— Это та, которая на той неделе стоила Симпсону передних амортизаторов. Эй, иди сюда,

посмотри на это. Какая-то она странная.

Кригер перешел через улицу и уставился в дыру.

— Ого! — начал было он, но вынужден был отскочить — его чуть было не сбил проржавевший «Бьюик», первоначальный цвет которого был скрыт под множеством пятен разнообразной краски.

— Не в ту сторону, индюк! — слаженным хором завопили Пойнтер и Кригер.

Машина загудела, гневно протестуя. В течение одиннадцати лет на Милтон-стрит было одностороннее движение, но до сих пор летним днем можно было сидеть на веранде и видеть, как по крайней мере одна машина в час едет не в ту сторону.

Пойнтер бросил в дыру еще одну ветку. В черноту заглянуть не удавалось, но видно было, как вещи погружаются в темноту, становятся тусклыми и нечеткими, а на глубине примерно двух футов они и вовсе исчезают.

— Никогда ничего подобного не видел! — сказал Пойнтер.

Кригер задумчиво нахмурился.

— И я тоже. Послушай!.. — Тут в его глазах зажглось мрачное удовлетворение. — Спорим, я

знаю, что это! Это порода просела. Я как-то видел это в новостях, где-то во Флориде. Провал прошел по середине улицы, все тротуары потрескались. И он все рос — туда свалились два дома. Картина, скажу я тебе! Это как-то связано с понижением уровня грунтовых вод.

— И что с ним сделали?

— Не помню. Кажется, не говорили.

Пойнтер осмотрел ближайшие обочину и тротуар на предмет растрескивания.

— Кажется, она не увеличивается.

Кригер фыркнул.

— Конечно, увеличивается! Раньше ее не было, а теперь она есть. Она должна была из чего-то вырасти.

Пойнтер сморщился — довольно испуганно.

— Похоже, это опасно.

— Угу, — поддержал его Кригер. — Наверное, нам следовало бы ее как-то пометить.

— Совсем как в детстве, — сказал Пойнтер. — Летом мы ездили на Индейское озеро. А там было принято втыкать палки с нацепленными на них бутылками из-под хлорки, чтобы помечать подтопленные бревна. Это считалось услугой обществу. Наверное, это уберегло от кастрации немало водных лыжников. Сейчас уже такой

сознательности не найдешь.

— Ну, так давай… — Кригер перешел на свою сторону улицы, поднял набитый мусором мешок и водрузил его на яму. — Вот, теперь ее будет видно.

— Думаю, ночью его будет плохо видно, — возразил Пойнтер. — Готов спорить, что какой-нибудь идиот просто в него врежется и разметет мусор по всей улице.

Кригер поджал губы, явно обидевшись на то, как был принят его благородный поступок, но потом вздохнул и согласился.

— Угу, ты, наверное, прав.

Он схватил мешок за перевязанную горловину и дернул. Мешок с места не сдвинулся. Он потянул сильнее.

— Мешок лопается, — предупредил его Пойнтер, увидев, что черная пленка стала тоньше и растянулась на предательском углу коробки из-под кукурузных хлопьев.

Кригер поспешно выпустил мешок.

Мешок сдвинулся и погрузился чуть глубже. Его бока вываливались на края ямы, словно пузо выпивохи на ремень брюк. А потом со звучным хлопком его всосало. Еще секунду Пойнтер мог разглядеть завязанную горловину, а потом тем-

нота вернулась. Дыра булькнула, и оба отскочили назад.

— Я позвоню в муниципалитет, — объявил Пойнтер после долгого молчания.

После очень неудовлетворительного разговора с отделом городского обслуживания («Все готовы утверждать, что их выбоины доходят до Китая, мистер Пойнтер. Могу обещать вам, что мы займемся вашей улицей в соответствии с планом») и не менее неудовлетворительного звонка в местную газету («Мы уже писали о выбоинах, — устало объяснил дежурный репортер. — В прошлом месяце напечатали целый разворот с фотографиями») Пойнтер вернулся к себе во двор.

Его сосед, Гарольд Кригер, уворачиваясь от едущей по улице машины, тащил к дыре весьма потрепанный детский велосипед. Яркая краска давно облупилась, сиденье давно исчезло, большое переднее колесо перекосилось от множества резких остановок и попыток заложить крутой вираж.

— Я уже три недели пытаюсь отдать его мусорщикам, — пропыхтел Кригер. — Не берут. Сказали, чтобы я дожидался грузовика весенней уборки.

Раз в год муниципалитет выделял грузовик с

командой, обещая, что они заберут все что угодно. Старые диваны, кучи оргалита, оставшегося от очередного ремонта, старые доски — все что угодно. Расписание и маршрут движения этого грузовика были одной из самых тщательно охраняемых тайн Патнема. Пойнтер не мог припомнить, чтобы ему хоть раз удалось правильно угадать время его появления. Грузовик приезжал скрытно и уезжал по-тихому, так что поймать его удавалось только тем стойким личностям, которые выволакивали свой мусор настолько загодя, что их дворы превращались в свалки: картонные коробки разлезались под дождем, а из порванных стульев вылезала набивка, радуя птиц, вьющих гнезда. Они всегда сообщали об этом Пойнтеру недели через две после приезда грузовика.

В остальное время вывоз на городскую свалку личных вещей, не важно, пусть даже весьма малогабаритных, обходился в крупную сумму — двенадцать с половиной долларов. Единственный альтернативный способ избавиться от крупных отходов заключался в том, чтобы ночью прокрасться на парковку перед супермаркетом и свалить все в ящик для сбора пожертвований. Пойнтер на такие сомнительные действия не шел.

С восхищенным ужасом Пойнтер наблюдал за тем, как велосипед погружается в яму. Задняя часть застряла, потом отвалился кусок асфальта — и тогда в дыре исчезли и обломок, и велосипед.

— А это… э-э… не опасно?

— Понятия не имею, — жизнерадостно отозвался Кригер. — Но не вижу, почему бы это было опасно. А как иначе заполнить провал, если не наполняя его до тех пор, пока он не перестанет проваливаться?

Это звучало логично. Пойнтер вспомнил, что у него в гараже плесневеют крупные куски ковролина. Соседские кошки устроили себе на нем место для сна — и, судя по специфическому запаху, отхожее место тоже. Если куски скатать по длине, то они могли бы как раз пролезть…

К следующему утру яма стала больше — теперь ее диаметр составлял примерно ярд. Вокруг собрались соседи, опасливо заглядывая в яму. Похоже, сброшенные в провал вещи не заполняют его, а только увеличивают его аппетит.

Том Хиггинс, который сам менял в машине смазочное масло, а потом тайком разбрызгивал эту гадость по всей улице, теперь бросил в яму полный поддон. Оно медленно падало, на

несколько мгновений зависая ниже уровня улицы странной веревкой, а потом растворялось. Герб Смит швырнул туда три четырехлитровые банки с засохшей краской — просто ради возможности полюбоваться процессом, поскольку их легко было отправить в обычном мешке для мусора. Джонни Опорто запихнул туда дверцу от старого «Форда», которая уже десять лет торчала у него в гараже, дожидаясь, пока он выправит вмятины и покрасит заново. От машины, которой принадлежала дверца, давно осталось одно воспоминание.

Когда Эмили Людвиг, девятилетняя психопатка с характером пираньи и гнусавым визгом, способным пробить шестидюймовый слой бетона, решила, что ее никто не видит, она сказала своему младшему брату, что эта дыра ведет прямо в ад, и попыталась его туда спихнуть. Пять лет жизни рядом с Эмили научили его самообороне, так что он лягнул ее в коленку и сбежал. Слушая ее пронзительные вопли, которые разносились не меньше чем на два квартала, Пойнтер с трудом подавил непреодолимое желание сбросить туда саму Эмили.

Теперь некоторые мамаши с Милтон-стрит стали рассматривать яму как угрозу жизни. Луиза

Хейнс, самая активная из них, первой позвонила в полицию. Однако полиции уже приходилось иметь с ней дело, и дежурный сержант только позволил себе намекнуть на то, что ей не мешало бы снова начать прием лития. Оскорбившись, она бросила трубку и отказалась звонить снова.

Позже до полиции дозвонился какой-то другой родитель, и во второй половине дня на улицу заехала патрульная машина. Молоденький патрульный вышел из машины и стал смотреть на яму. Примерно в это время (в половине четвертого пополудни) Ник Бейнс появился на улице с большим продавленным матрасом — из обивки торчали пружины (матрасу было пятнадцать лет, а Ник весил почти сто кило). Нику пришлось повозиться, но матрас провалился в яму, обкусав и расширив края.

— Это — провал, — пояснил Ник, которому присутствие полисмена, видимо, напомнило некие городские правила относительно замусоривания улиц. — Мы его заполняем.

Молодой полисмен почесал затылок, судорожно сглотнул и небрежно сплюнул, пытаясь скрыть свое изумление. Он уехал, но позднее вернулся с двумя деревянными козлами оранжевого цвета и масляной лампой, круглой и черной, как

бомба анархиста. Лампу венчал желтый огонек, который дрожал и чадил. Полисмен разложил привезенное вокруг ямы.

— Больше я пока ничего не могу сделать, — извинился он. — Автодорожники на этой неделе работают только на западной стороне города.

— Да, я знаю, — сказал Пойнтер.

Один из жителей Милтон-стрит вызвал своего родственника, профессора геологии из местного университета. Профессор со знанием дела распространялся насчет провалов, известняковых каверн и подземных рек — пока не увидел яму, после чего почему-то вдруг замолчал. Однако, поскольку сам профессор давно проживал в Патнеме, его увидели на улице поздно вечером: при неверном свете масляной лампы он вытащил из багажника своего универсала растрескавшийся пыльный унитаз и две старые шины с шипами. Запихнув их в провал, он стремительно уехал.

К следующему утру оранжевые козлы уже качались на самом краю растущей ямы, а самозваные мусорщики стекались к ней со всего города. Все началось с родственников жителей Милтон-стрит, но ими не закончилось.

Пойнтер наблюдал, как на грузовике приехали трое совершенно незнакомых ему людей. Двое за-

ставили исчезнуть в дыре целый диван-кровать с треснувшей деревянной рамой и заляпанной грязью бежевой обшивкой, разодранной кошачьим племенем. Глядя, как диван исчезает, женщина в грузовике радостно захлопала в ладоши.

Моментально возник Комитет граждан Милтон-стрит, который должен был защитить ее от постороннего мусора. И защитил бы, если бы сумел действовать слаженно. Однако он моментально выродился в европейский многопартийный парламент, где аккуратисты выступали против пофигистов, выступавших против изоляционистов.

Кригер, прирожденный вождь пофигистов, лаконично выразил позицию своей партии:

— Он не воняет и его не видно. Зачем беспокоиться?

Теоретики ограниченности ресурсов, возглавляемые миссис Френкель, заметили:

— Мы не знаем, насколько глубоко дыра уходит. Как мы можем быть уверены в том, что там хватит места для мусора наших детей?

Изоляционисты, которых возглавила Литиевая Луиза, вмешались в лучших традициях въевшейся в американцев паранойи:

— Вы же не знаете, откуда берется их мусор!

Билл Пойнтер считал, что более насущным является вопрос «Куда девается их мусор?», но тут Комитет съехал на злобные перепалки, и Пойнтер ушел выпить у себя на дворе холодного пивка, так и не задав вслух свой вопрос. Когда пиво было выпито, он вышел на улицу и выбросил банку в яму.

К тайному облегчению Пойнтера, рост ямы замедлился. Спустя два дня к ней заявился сам главный инженер муниципалитета.

— Давно пора, — заметил Пойнтер.

— Вот видите? Демократия на местном уровне все-таки работает! — гордо провозгласил Смит.

— Я слышал, что подряд на поставку соли для борьбы с гололедицей он отдал своему брату, — мрачно прошептал Тед Френкель. — Вот почему нам ее не хватает.

— А мне казалось, что решение не использовать соль было принято в целях экономии до выпуска облигаций. Еще при этом выключили уличные фонари через один и закрыли пожарную станцию на Дубовой улице.

— Не-а, тут постарались борцы со фторированием. Они три года назад проголосовали против использования соли.

— А я и не знал, что в технической соли есть

фтор…

На главном инженере была белая каска, а в руках он держал блокнот. Он измерил окружность ямы сверкающим металлическим устройством, похожим на детскую каталку на палочке, и негромко переговорил со своим помощником. Проходя мимо группы встревоженных обитателей Милтон-стрит, он улыбался.

— Все нормально? — испуганно крикнула Луиза Хейнс. — Вы сможете ее засыпать?

— Она перестанет расти?

— С нас за это не возьмут денег? — спросил Кригер еще более испуганно.

Инженер неопределенно помахал рукой и еще быстрее зашагал к своему грузовичку.

— Все под контролем, господа.

— Под каким контролем? — раздраженно вопросил Ник Бейнс, становясь у него на дороге.

— Ну… — Инженер остановился. — Знаете, у Патнема давно проблемы с твердыми отходами…

Об этом знали все: местная газета еженедельно публиковала об этом статьи, а споры после каждой занимали половину раздела «Письма редактору». Для строительства мусоросжигающего предприятия потребовалось бы выпустить

много облигаций, а жители Патнема уже четыре года ни разу не голосовали за выпуск облигаций. Было также предложение по созданию городской свалки с закапыванием мусора в поселке Салли, но это предложение было связано с судебными исками. Оценки геологов относительно возможного загрязнения подземных вод кардинально расходились — в зависимости от того, которая из сторон приглашала специалистов.

Жители Патнема утверждали, что обитатели поселка Салли — эгоисты, лишенные общественной сознательности. Жители поселка Салли в возмущенных письмах в городскую газету предлагали обитателям Патнема сваливать свой мусор перед зданием муниципалитета или спрессовывать его и хранить в еще более интимных местах. Перевранные данные из отчетов Управления по охране окружающей среды летали между противоборствующими лагерями, словно снаряды. По слухам, президент Лиги голосующих женщин и председатель Комитета неравнодушных жителей поселка Салли на заседаниях городского совета были близки к тому, чтобы решить вопрос в личном поединке.

Тем временем поверхность существующей свалки из вогнутой стала выпуклой и начала

опасно вспухать, словно вулкан, готовящийся к извержению. В муниципалитет ежедневно приходили строгие напоминания от Комитета по охране окружающей среды, который угрожал закрыть свалку.

— Ну — и? — вопросил Бейнс у инженера.

— Ну — и мы, похоже, нашли решение.

Перед лицом общего врага Комитет граждан Милтон-стрит моментально объединился.

— Вы не имеете права превращать Милтон-стрит в городскую свалку!

— Чтобы тут начали разворачиваться все эти огромные грузовики… У нас же тут дети играют, знаете ли! Они могут наехать на кого-нибудь задним ходом!

— Это наша яма!

— Ага, — подтвердил Вальдо Симпсон. — Это я ее обнаружил. В доказательство могу показать счет на ремонт.

Инженер презрительно хмыкнул.

— В отличие от поселка Салли, — высокомерно объявил он, — эта яма уже является муниципальной собственностью. Улицы до самого тротуара принадлежат городу.

— Не выйдет! — крикнул Кригер. — Сначала нужно получить заключение Комитета по охране

окружающей среды насчет возможных последствий! Закон такой!

При упоминании о Комитете по охране окружающей среды главный инженер бросил на него взгляд, полный отвращения.

— Посмотрим, — напряженно проговорил он.

Громко захлопнув дверцу грузовика, он уехал, оставив за собой смятение.

На следующее утро Пойнтер вышел полить петунии, которые он только что посадил в выкрашенную белой краской покрышку от тракторного колеса — свою единственную уступку искусству декоративного садоводства, и решил проведать дыру и проверить, не нужно ли чуть сдвинуть козлы. К глубочайшему его изумлению, оказалось, что за ночь яма уменьшилась в размере. Между неровным кратерным краем разбитого асфальта и резким кругом пугающей темноты образовалось кольцо мелкой сухой пыли шириной примерно в дюйм. А когда Пойнтер проверил яму вечером, кольцо уже увеличилось до двух дюймов.

— Провал исчезает! — с надеждой предположил он. — Уходит туда, откуда пришел.

Комитет граждан Милтон-стрит издал коллективный вздох облегчения, а потом бросился

проводить индивидуальные ревизии гаражей и чердаков, чтобы воспользоваться последней возможностью провести генеральную уборку. Яма затягивалась быстрее, чем росла. К следующему утру она превратилась в крошечную черную точку.

— Она исчезла! — в восторге вскричала миссис Людвиг, мать Эмили. — Теперь я могу пускать детей на улицу!

— Не совсем, — возразил Пойнтер. Он скормил дыре пару травинок, которые исчезли так же, как это сделали первые ветки, только в уменьшенном масштабе. — Не совсем…

Главный инженер снова посетил Милтон-стрит и через десять минут уехал в горьком разочаровании. Когда его окликнули местные обитатели, чтобы спросить, когда дорожные рабочие приедут, чтобы залатать дыру, он только надвинул на лоб каску и проворчал:

— Когда придет ваша очередь.

Прошло три дня — а дорожные рабочие так и не появились. Билл Пойнтер стоял на четвереньках, выпалывая из газона перед домом особо упрямые сорняки. Гарольд Кригер, который в отношении видов растений, конкурирующих у него на газоне, придерживался позиции «пусть выживает

сильнейший», стоял на тротуаре и давал непрошеные советы.

— А жаль, что наша дыра так быстро заполнилась, — горевал Кригер. — У меня так и не дошли руки вычистить подвал. Уж больно она была удобная! Правда, было бы не так приятно, если бы в нее сползли все наши дома. И по крайней мере из нее не полезли живые аллигаторы, как из той, что была во Флориде.

— А ты по-прежнему думаешь, что это был провал?

Пойнтер сделал перерыв и выпрямился, чтобы дать отдых спине.

— Конечно. А что же еще?

— Не знаю. Я просто подумал… — тут Пойнтер замялся, — что, может быть, это была…

Негромкий хлопок с улицы заставил их обоих вздрогнуть. Они обернулись на звук.

Дыра снова вернулась, внезапно став такой же большой, как раньше, — а может, даже чуть больше. Пойнтер не мог бы сказать, насколько далеко под асфальт уходит темный круг.

— Господи! Может, я все-таки смогу выбросить тот старый карточный столик! — радостно воскликнул Кригер, энергично двинувшись к краю тротуара.

Пойнтер поспешно рванулся вперед и поймал Кригера за рукав.

— Подожди…

— А чего ждать? Она же в любую минуту может исчезнуть.

— Я просто подумал…

В круге темноты началось какое-то движение. Узкий поблескивающий бронзой стержень вылетел наружу, как ракета из шахты, прочертил дугу в воздухе и звучно упал на землю в нескольких ярдах от ямы. Пойнтер с Кригером отшатнулись. Пойнтер опознал в снаряде старый торшер Ника Бейнса — последний кусок мусора, который на прошлой неделе затолкали в ужимающуюся дыру.

— …не дверь ли это, — шепотом договорил Пойнтер.

И тут началось извержение вулкана. Машины резко затормозили, создав пробку: дыра за считаные минуты изрыгнула весь мусор, который она глотала в течение многих дней. Детские коляски, сломанные игрушки, черные полиэтиленовые мешки с мусором, которые шрапнелью взрывались, падая на проезжую часть и тротуары — где бы ни пребывало все это в течение последних недель, время там текло с той же скоростью,

что и на Милтон-стрит, — и множество других печально узнаваемых предметов. Грязный и обшарпанный диван-кровать на лету разложился, словно собираясь улететь на деревья, наподобие какой-то гигантской летучей мыши, с ужасающим грохотом приземлился на дорогу — земля дрогнула, асфальт растрескался. Фарфоровый унитаз при приземлении взорвался белыми осколками, брызнувшими во все стороны. Две шины взлетели к небу, а потом наперегонки покатились по склону растущей горы. Они докатились до самого угла, где спугнули какой-то «Субару», так что он выкатился на тротуар и врезался в дуб.

Все жители Милтон-стрит выбежали на свои веранды — но осмотрительно остались под крышами, с ужасом наблюдая за тем, как на их глазах растет новая гора.

Наконец извержение закончилось. Побитый детский велосипед выскочил из кратера и загромыхал по склону, закончив путь на грязной осыпи в самом его низу. Потом — три или четыре палки, потом — семифутовая ветка. И тишина.

Пойнтер судорожно вздохнул и осторожно вышел из-под навеса своего парадного крыльца, где укрылись они с Кригером.

Кригер, общительный человек, посещавший церковные службы и воскресный класс по изучению Библии, дрожащим голосом произнес:

— Так последние станут первыми, а первые — последними… Это все?

— Кажется, да, — пробормотал Пойнтер.

Они на цыпочках подошли к холму высотой в пятнадцать-двадцать футов, который сполз с тротуара, похоронив петунии Пойнтера, и изумленно воззрились на него.

Тишину нарушил глухой звук удара. Пойнтер с Кригером отскочили назад: кратер икнул, выплюнув еще один предмет, покатившийся вниз по склону. И еще один. Третий скатился прямо к ногам Пойнтера.

— Черт, вот дерьмо! — вскрикнул Кригер, снова забыв свое христианство. — Что это за дьявольщина? Похоже на электробрюкву.

Пойнтер с опаской поднял странный предмет. Это было совершенно непонятное изделие. На одной его стороне был набор каких-то кнопок — слишком узких для пальцев Пойнтера, но при нажатии они не поддавались. Его неправильная поверхность на секунду вспыхнула радужными разводами, от которых у Пойнтера заболели глаза, а потом с печальным писком предмет померк,

став мертвенно-серым.

— По-моему, — тут он судорожно сглотнул и обвел взглядом Комитет граждан Милтон-стрит, которые испуганно столпились вокруг него и тихо ждали его слов, — по-моему, это чей-то еще мусор.

Они перевели взгляд на вершину холма, и в этот миг четвертый сверкающий предмет вылетел оттуда, звездой упав на выщербленный асфальт Милтон-стрит.

Распродажа

Кригера добил Великий голубиный скандал. Если говорить честно, это было не самое серьезное его столкновение с соседкой, миссис Арбор, которую, избегая непристойностей, он называл «та баба, которая натирает садовые дорожки». Просто оно стало последним.

Гарольд Кригер всю жизнь считал себя человеком мягким, уживчивым и нетребовательным. Его девизом всегда и во всем были слова «Живи и давай жить другим». Он скорее вырвал бы себе язык, чем стал говорить своему соседу, на какой высоте обрезать живую изгородь, каким инструментом пользоваться, как его держать или как часто производить повторные стрижки оной. И уж конечно, он не стал бы говорить, как при этом следует стоять.

К сожалению, миссис Арбор такой терпимостью не обладала. На этой ноте и началось их знакомство. Он свирепо улыбался, стискивая зубы, и с трудом справлялся с желанием закончить дело, пройдясь секатором по ее седеющим волосам, которые были уложены над хмурым лбом дисциплинированными кудряшками.

Ему нет дела до того, что она дважды в год отскребает щеткой алюминиевую обшивку дома, так что эмаль уже вот-вот сотрется. Или что ей охота ежегодно сдирать краску с рам и дверей и перекрашивать их заново, одновременно перекладывая асфальт на дорожках. Она вдова, дети у нее выросли и разлетелись, денег слишком много, а дел — слишком мало.

Самому Кригеру приходилось выбирать, на что потратить деньги: покрасить облезающую (не алюминиевую) обшивку дома или поставить детям качели. Дети теперь радостно качаются, и им ничуть не мешает редкий снегопад из хлопьев краски, если ветер дует сильный и в нужном направлении.

А вот миссис Арбор мешает. Она даже потребовала, чтобы Кригер смел оскорбительные хлопья с площадки для машины. Похоже, мелкие зеленые пятнышки глубоко оскорбили ее чувство прекрасного. Он не понимал, с чего такой шум: у нее и машины-то нет.

Но хуже всего был Кошачий инцидент. Миссис Арбор часто, раздраженно и гнусаво жаловалась на Пусю.

— От кошачьих испражнений, — фыркала она, — появляются глисты и болезни. Если вы не в

состоянии следить за тем, чтобы это грязное чудовище сидело на привязи и не появлялось на моем дворе, я вызову Службу контроля за содержанием животных!

— Ну, полно вам, — ответил Кригер. — Кошек на привязи не держат. Кошачьи глисты людям не передаются, а кошачьи лепешки полезны для роз.

Однако она все-таки вызвала Службу контроля за содержанием животных. К счастью, представитель службы пришел, когда кошка была наверху: спала у Кригера на кровати и потихоньку линяла. Служащий с вежливой терпимостью выслушал лекцию миссис Арбор, которую та прочла, не открыв сетчатой двери. Последовав примеру Пуси, Кригер затаился, подглядывая в щелку занавески, которую он больше никогда не раздвигал на окнах, что смотрели в сторону дома миссис Арбор. Но, похоже, никто не мог требовать, чтобы кошек держали на привязи, потому что служащий удалился, не заходя к Кригеру. Кригер, который как раз решил не открывать двери, притворившись, будто его нет дома, испытал немалое облегчение.

Почему-то кошачий лоток менять приходилось ему, зато он почти всегда ухитрялся переспорить

жену в вопросе, чья очередь мыть окна. Однако он решительно отверг высказанное по телефону требование миссис Арбор явиться к ней в сад и убрать кошачье дерьмо.

— Пуся — не единственная чертова кошка на чертовой улице, — вполне логично заявил он.

Ее ответ был ледяным. Его — непечатным. Она повесила трубку, и он стал надеяться, что на этом шум из-за кошачьего дерьма закончится.

На следующий же день он сидел, созерцая лужайку перед домом, и прикидывал, то ли расстаться с деньгами и починить газонокосилку (деньги придется изъять из суммы, отложенной на воскресную рыбалку), то ли взять сенокосилку напрокат. И тут из-за его дома вышла миссис Арбор. Она тщательно следила за тем, чтобы не ступить на его загаженный участок, а Пусю держала за шкирку на вытянутой руке, словно одежду зачумленного.

— Я ее видела! — завопила она.

Дальнейшие слова потонули в оглушительном реве и визге. Муниципальные рабочие обрезали деревья на их стороне улицы, пропуская ветки через измельчитель древесных отходов. Он шумел, как сотня троллей с несварением желудка, отчего Кригеру обычно становилось тошно. Но

сегодня он только улыбнулся, приложил руку к уху и покачал головой. Миссис Арбор продолжала высказывать свои претензии. Измельчитель выключился.

— …грязь, — говорила она. — На сей раз вы этого отрицать не сможете: я ее поймала. Мерзкая вонючая тварь!

— Я бы на вашем месте не стал брать ее в руки, — сказал Кригер. — Она еще и блохастая.

Раздувая ноздри, миссис Арбор возмущенно втянула в себя воздух. Снова взревел измельчитель. Ее слова унесло потоком шума.

Внезапно миссис Арбор выбежала на тротуар и бросила вырывающуюся кошку через плечо рабочего прямо в пасть измельчителя. Если Пуся и закричала, ее крик потонул в вое механизма.

— О Боже! — воскликнул рабочий. — Выключай, Билл!

— Чего? — завопил Билл в ответ.

Кригер стоял, разинув рот. Он был настолько ошарашен, что даже протестовать не мог. Да и поздно было. Миссис Арбор взглянула на него со злобным торжеством и шмыгнула к себе в дом, хлопнув дверью. Во внезапно наступившей тишине он даже услышал, как щелкнули две задвижки на ее двери.

Когда дети вернулись из школы, он сказал им только:

— Сегодня Пуся погибла на улице.

Лично он особо по кошке не скучал: Пуся страдала хроническим насморком и регулярно будила его в четыре утра, вычихивая в левое ухо кошачьи сопли. Так что он не написал хлоркой на лужайке перед соседским домом «психованная сучка», хотя и был близок к тому.

Когда Кригер чувствовал прилив христианской терпимости, он был готов понять ее точку зрения в истории с кошкой. Владельцем кошки был он, так что, наверное, его можно было считать ответственным за продукты ее жизнедеятельности. Но голуби… Голуби принадлежали Богу. Или городу. Или нейтральному воздушному пространству. Но в любом случае никоим образом не ему. Они кружили и парили высоко в небе — и гнездились на карнизах его дома. Конечно, не на карнизах миссис Арбор: на своих карнизах она установила сетки. Кригера не раздражало их тихое воркование, доносившееся теплыми летними вечерами сквозь окна верхнего этажа. Они вели свою голубиную жизнь, и Кригер готов был поделиться с ними пространством, тем более что сам он на карнизах никогда не сидел. Но, понятное дело,

где есть жизнь, там есть и дерьмо.

— Вы плодите этих мерзких переносчиков болезней! — Так это сформулировала миссис Арбор. — Только посмотрите, что они делают с моими дорожками!

И пожаловалась в Комитет по охране здоровья.

На сей раз официальный представитель пришел к Кригеру домой. У них состоялся долгий разговор. К счастью, жены и детей дома не было: они навещали тещу. Жена панически боялась любых представителей власти, и Кригер был рад, что ему не придется объяснять ей, что Комитет по охране здоровья не может никого отправить в концентрационный лагерь.

Кригеру удалось не выйти из себя. С трудом. Пока он не позвонил в санэпидемстанцию и не обнаружил, что расходы на противоголубиную защиту его жилья обойдутся почти в триста долларов. За его счет. Когда он повесил трубку, предписание Комитета по охране здоровья превратилось во влажный комок у него в кулаке, а глаза выкатились на лоб.

Он позвонил миссис Арбор и в совершенно парламентских выражениях изложил ей проблему. Та повторила свои требования. Тон разговора побил все рекорды.

— Полно вам, леди! — воскликнул он. — Имейте совесть! Я уже два месяца без работы. На пособие по безработице красиво жить не получается, особенно если у тебя жена и двое детей. У меня нет таких денег. Нам и так впору головой об стену биться!

— Вот в чем проблема нашей страны, — ответила она. — Лентяи предпочитают хлебать из общественного корыта, вместо того чтобы идти честно работать!

— Гр-р, — зарычал он, начиная заводиться. — В нашем городе за последний месяц открылось единственное рабочее место — подавальщик в кафе «Макдоналдс». Я пришел туда в восемь утра. Передо мной стояли уже девятнадцать человек. И половина была в костюмах и галстуках, черт подери!

— Я завтра же пойду в муниципалитет и лично — слышите, лично! — прослежу, чтобы вы получили по заслугам! — завопила соседка. — Даже если на это уйдет весь день!

На сей раз трубку бросил он. Его трясло, и он серьезно боялся за свое давление.

На следующее утро спозаранку миссис Арбор по-крабьи прошмыгнула к такси — и тут же шмыгнула обратно. Старая колымага укатила без

нее. Примерно через полчаса подъехал другой автомобиль — поновее и почище — и увез ее прочь. Кригер гадал, не была ли первая машина сродни тому такси, в котором он ездил в последний раз и где предыдущим пассажиром был какой-то пьяный, которого вывернуло. Ему хотелось надеяться, что это было именно так.

После ухода неприятеля он стал бродить вокруг дома, глядя на голубей и мрачно размышляя о том, что стоимость пирога с голубятиной составляет примерно тридцать долларов за фунт. Он позволил своему взгляду скользнуть на соседскую территорию: фрачно-черный асфальт на дорожках, аккуратные белые планки гаража, словно вырезанные из бумаги.

Вот гараж-то и натолкнул его на мысль. Соблазн вырвался из подсознания, словно раскаленная лава. Кригер честно боролся с соблазном. И он еще сопротивлялся, когда ноги пришли в движение.

В его собственном гараже нашлась длинная доска и остатки синей краски. В считаные минуты Кригер вывел надпись — аккуратно, так что буквы даже в самом конце не пришлось лепить друг к другу. А еще мгновение спустя он стоял у боковой двери миссис Арбор, вспоминая, как попал к себе домой, когда в прошлый раз забыл

захватить ключи. Он все еще сопротивлялся. А потом вспомнил Пусю.

Отвел назад ногу и выбил дверь.

Он только-только успел выволочь на дорожку кухонный стол миссис Арбор, поспешно вывалив на него содержимое ящиков ее кухонного гарнитура, как пришли первые покупатели. Объявление гласило: «На этом столе все по пять центов». И еще одно: «Продать надо все: принимаю предложения. Мама переезжает во Флориду». В ящике с кухонными ножами Кригер нашел ключ от гаража — и открыл его покупателям.

Потом наступила очередь платяных шкафов. Казалось, их содержимое уже приготовлено к распродаже, настолько там все было аккуратно, прибрано и разложено по цветам. Обувь хранилась в тех коробках, в которых была куплена. Одежда висела в чехлах от химчистки. Достаточно было вытащить их на дорожку — и универмаг заработал.

Деревянная мебель была отполирована до блеска — ни пятнышка, ни царапинки. На абажурах по-прежнему были целы целлофановые пленки. Мягкая мебель закрыта белыми балахонами, словно на слете ку-клукс-клана: чехлы должны были защитить обивку, чтобы она не выгорала

под солнцем, которое все равно не впускали в дом шторы на окнах. «Как новая, — гласило его следующее объявление. — Приму любое предложение».

К полудню собралась целая толпа: утренние покупатели рассказали о невероятно выгодных покупках своим родственникам, друзьям и соседям. Они налетали, подобно саранче, и удалялись, как завоеватели-викинги, нагруженные добычей. Один приехал на грузовике, баркасе наших дней, и увез посудомоечную машину, сушилку для белья и холодильник за поразительную сумму — двадцать долларов. Продукты Кригер отдал даром.

Ланч состоял из поспешных глотков молока прямо из пакета, который Кригер извлек из увозимого холодильника. При этом он то и дело поднимался наверх, чтобы выпотрошить спальни, чуланы и даже чердак. Он собирал мелочь, даже не пересчитывая, и бросал ее в старую жестянку из-под печенья. Не пользующиеся спросом вещи он навязывал своим изумленным покупателям в качестве призов.

Он переносил кровати и комоды с такой безумной энергией, какой у себя даже не подозревал. Он таскал и поднимал, и перекосившиеся очки съез-

жали с его потного носа. Ящики с бакалейными товарами. Консервные банки из подвала. Мыло в обертке и рулоны туалетной бумаги из шкафа в ванной. Полная подшивка журнала «Нэшнл Инкруайрер» с 1962 года в картонных коробках. Дюжина томиков литературных дайджестов. Со стены в гостиной — матадор, нарисованный на черном бархате, и раскрашенные гипсовые руки, сложенные в молитве. ВСЕ.

В четыре часа, когда в косых лучах солнца, прорезавших кроны кленов, что затеняли улицу, заблестели быстрые вертолетики падающих семян, все было закончено. Кригер стоял на черной дорожке миссис Арбор, хрипло дыша и дрожа от усталости, возбуждения и ужаса.

— Ну-ка, давай помогу, — сказал он последнему владельцу пикапа. На улицу как раз свернуло такси и начало тормозить, приближаясь к дому. — Возьми и эту коробку. Нет, правда! Я не могу тащить все это барахло во Флориду, не окупится. Спасибо. Бывай!

Кригер помахал вслед отъезжающей машине, встал на колени прямо на дорожке, поставил банку перед собой и начал впервые пересчитывать дневную выручку.

Такси остановилось, тормоза взвыли, словно

старая волынка. Открылась дверца. Миссис Арбор выползла на тротуар. Шляпка у нее съехала набок, глаза дико таращились.

— Я так странно себя чувствую! — простонала она.

И действительно, вид у нее был странный — почти прозрачный. Не только платье в цветочек, но даже ее ноги были словно подсвечены сквозь плотную ткань противоварикозных чулок. Ее взгляд упал на Кригера.

— Вы! — с отвращением воскликнула она. — Вы! Что вы здесь делаете? Что вы сделали с моими вещами?

Она, словно отражение в стекле, заковыляла в дом, даже не взглянув на замок, который выбитым зубом болтался на двери после взлома Кригера.

— Мои вещи! — Вопль эхом разносился в доме, долетая то с первого этажа, то со второго, то из подвала. — Мои вещи! Мои вещи!

Миссис Арбор вышла из боковой двери. Кригер улыбнулся ей, ее прозрачности. Обшивка дома прочертила на ней горизонтальные полоски, и миссис Арбор стала похожа на портрет, нарисованный на линованной бумаге.

Ее последний вопль растаял вместе с ее телом:

— Мои вещи…

А потом на покрытом грязными следами асфальте осталось только небольшое жирное пятно.

Кригер закончил подсчет:

— Двести девяносто девять и девяносто пять, триста ровно. И еще пять центов лишних. — Он потряс жестянку с тремя сотнями долларов в купюрах и мелочи, извлек самую грязную монетку в пять центов и положил ее в центр жирного пятна. — Вот ваша сдача, миссис Арбор.

Кригер поднялся на ноги, ощущая, как отчаянно протестуют все мышцы. Перед ним на дорожку вдруг плюхнулось пятно птичьего помета. Созрела шелковица.

Он снова встряхнул жестянку, подняв голову к кружившим над ним птицам.

— Теперь у меня хватит денег, чтобы вас прикончить, слышите? — крикнул он в небо. — Один звонок птичьим эсэсовцам — и вы в крематории!

Кригер посмотрел на заполненные птицами карнизы. К нему слетело нежное воркование, похожее на благословение.

— Нет, клянусь Богом! — радостно закричал он голубям. — Живите, засранцы паскудные! А я

куплю ящик пива и поеду на рыбалку!

Бартер

Оладьи склеивались в центре сковородки, словно спаривающиеся амебы. Мэри-Элис решила, что перелила в тесто молока. Надо было точно отмерить порцию. Она нерешительно ткнула в место слияния лопаточкой, пытаясь отогнать оладьи к первоначально предназначенным местам. Когда Мэри-Элис попыталась положить инструмент на место, лопаточка, треснувшая по всей длине из-за усталости металла, зацепила щербатым краем порцию недопекшейся жижи и стащила ее со сковородки. Тесто плюхнулось на горелку и задымилось. Она поспешно пришлепнула его посудным полотенцем, которое обуглилось и заискрило.

В соседней комнате взревел телевизор, включенный на тройную громкость.

— Сделайте тише! — завопила Мэри-Элис.

«Кадетки в космосе» — это противно на любом уровне слышимости, но вот так… Она взглянула на электронные часы, где красным горели цифры «3.16» утра. За окном ярко светило солнце — значит, дети снова баловались с кнопкой установки времени. Впрочем, если идут «Кадетки в космосе»,

то сейчас — девять тридцать утра, суббота. Мэри-Элис с горечью подумала, что измеряет жизнь не кофейными ложечками, а телепрограммами. Она бросилась в гостиную, зажав уши руками.

— Тише! — снова завопила она и сама нажала на кнопку. — Если вы еще раз позволите младшему брату сбить настройку, я вообще отключу телевизор!

Самая Страшная Угроза…

— Ну, мам!

— Вы здесь, а я — нет. Вам велено за ним присматривать.

— Я его не видела.

— Как ты могла его не видеть — чтобы крутануть ручку, ему нужно было стоять прямо перед тобой!

Младший братик с наслаждением залялякал и появился из-за угла, волоча кошку за заднюю лапу.

— Отпусти кошку, Брайан…

Джейни обиженно ссутулилась, придвигаясь поближе к электронному поставщику дозированных наслаждений. Ее глаза жадно расширились при виде Пляжной Барби с Плавательным Бассейном: набор из нефтепластмасс себестоимостью в пятнадцать центов, раздутый до недельных

расходов на еду.

— Мам, я хочу такую на Рождество…

— Господи, ведь сейчас только август! — огрызнулась Мэри-Элис, отступая на кухню.

Оладьи на сковороде обуглились, вторая кошка сидела на кухонном столе и лакала из миски тесто.

— А-а! — сдавленно вскрикнула Мэри-Элис.

Она схватила кошку за шкирку и швырнула в гостиную, надеясь, что малыш заловит и ее. Уставившись в миску, она попыталась определить, сколько теста съела кошка и откуда она его лакала. Тесто — не маргарин, на котором шершавый язычок оставляет характерные неровные бороздки, показывающие, с какой стороны его следует обрезать. Она отнесла миску к раковине и символически сняла с поверхности пару ложек, сбросив тесто в мойку белой кляксой. Ну, оно же все равно должно пропечься…

В кухню заявился старший сын, генерал Тедди Хан Соло Мур младший, семи лет. По-видимому, направляется на битву и собирает войска.

— Мам, ты не видела Люка Скайуокера?

— По-моему, он у твоего младшего брата. И, наверное, этот идиотик уже откусил ему голову.

— Это какие оладьи?

— Банановые.

— Не люблю бананы.

— Значит, оставишь кусочки бананов. Брысь! Ты, тварь неблагодарная, — зарычала она. — Я вас позову, когда завтрак будет голов.

Ее муж попытался прошмыгнуть к задней двери.

— Ты куда собрался? Завтрак почти готов.

— Мне только кофе. С сегодняшнего дня я снова сажусь на диету.

— Я приготовила пять порций.

— А я тут при чем?

— Мог бы предупредить.

— А ты меня не спросила. И вообще, я иду с Гарольдом Кригером к Лоусону смотреть центральные газеты. Помогу ему искать объявления о приеме на работу.

«Опять идешь в павильон видеоигр, — с глухим возмущением подумала она. — Просадишь пять долларов на „Пэкмена“ со своим дружком, Безработным Гарольдом. А я на прошлой неделе не купила шапочку для душа — а ведь старая порвалась уже почти четыре месяца назад! — потому что два доллара шестьдесят девять центов это слишком дорого, а я все-таки могу завязывать волосы тем старым шарфом, который еще не до

конца рассыпался»…

— Ладно, дети, садитесь есть.

— Мам, можно я поем в гостиной?

— Я не люблю бананы!

— Ля-ля-ля!

— Мур-мур-р-р…

Она пронеслась по гостиной, собирая стадо и работая руками, как пастух — кнутом. Не давай этим собакам стоять, парень… Джейни отказалась от уже налитого апельсинового сока и потребовала холодной воды с двумя кубиками льда. Генерал Соло с демонстративной брезгливостью вытаскивал кусочки банана. Ля-ля с пронзительным криком «Брысь! Брысь!» бросил всю свою порцию кошкам, которые кружили под его высоким стульчиком, словно акулы. Мэри-Элис не могла сказать, адресовались ли его крики завтраку или объектам бомбометания.

Мэри-Элис мрачно съела две взрослые порции, думая о голодающих детях Эфиопии и жалея о том, что не существует способа телепортировать им все остатки от трапез. Ненадолго воцарилась тишина, и она сделала первый за утро глоток кофе. Кофе был налит уже довольно давно и успел остыть. В тишине из гостиной донесся ритмичный хлюпающий звук, мощный, низкий

и долгий: одну из кошек рвало. Разумеется, на ковер. На линолеум они никогда не блюют.

Утренняя обстановка продолжала ухудшаться. Джейни прошлась по кошачьей блевотине раньше, чем до нее успела добраться Мэри-Элис, потому что ей пришлось стаскивать Брайана с кухонного стола, где он только что разобрал фильтр от кофейника на шесть составных частей. Фильтр собрать было нетрудно (Мэри-Элис уже давно освоила эту операцию), но там было полно влажной кофейной гущи, которая теперь вылилась на горелки газовой плиты. Пляжная Джейни и Генерал Соло громко ссорились по поводу того, Какой Канал Включить. Мэри-Элис наотрез отказалась от роли третейского судьи, поскольку в любом случае оказывалась в проигрыше, застряв между Сциллой и Харибдой в виде «Клубничного пирога» и «Смурфов». Посуда не желала самоочищаться и громоздилась на кухонном столе преградой для вышедших на поживу кошек. Кошки вопреки популярному мнению — вовсе не грациозные животные, а недотепы. Они сбросили последнее оставшееся у Мэри-Элис блюдо на пол, где оно разлетелось на кусочки.

Мэри-Элис стояла в дверях кухни и горестно вибрировала, разрываясь между кошачьей

блевотиной и острыми осколками керамики, готовыми пропороть босые ноги. Ей никак не удавалось добиться, чтобы дети носили тапки. Она представила себе утро в травмпункте, где им придется сидеть и ждать, пока зашьют раны, инфицированные Кошачьими Микробами.

И тут в дверь позвонили.

Мэри-Элис, бормоча себе под нос слова, которые при детях произносить нельзя, открыла дверь, сломав при этом ноготь.

— Что бы вы ни предлагали, нам этого… — начала она — и замолкла.

Какой странный человечек! Ни на ноготь не выше метра сорока. Кожа — бледная, обвислая, сам астматически хрипит. Облачен в одежду из мерцающей шелковистой ткани, которая при каждом движении переливалась, пробегая через все цвета / ни через один цвет / какие-то цвета, не имеющие наименований. Чемоданчик — похожий на кейс коммивояжера, но обтянутый такой же тканью — висел рядом с ним. Парил, как поняла Мэри-Элис в следующую секунду: человечек за него не держался. Мэри-Элис, оставшаяся в доме одна с тремя детьми и двумя кошками, могла бы испугаться, но у нее было правило — никогда не пугаться мужчин, которые ниже ее. И потом, он

казался больным.

— Дайте мне, — просипел он, выговаривая слова очень странно, гортанно, — весь ваш нашатырь.

— Простите?

Она широко открыла глаза и принялась сосать палец, из которого пошла кровь.

— Нашатырь. Нужен нашатырь. Денег нет — буду меняться. Сколько стоит нашатырь?

На самом деле у Мэри-Элис с нашатырем дела обстояли отлично. На этой неделе в супермаркете по купонам давали две бутылки по цене одной. Мэри-Элис ненавидела купоны. Из-за них она чувствовала себя крысой в бумажном лабиринте, которую заставляют делать множество бессмысленных операций: вырезать и сохранить, сложить и наклеить, повернуть рычажок и позвонить в колокольчик — чтобы получить в качестве вознаграждения несколько монеток. Но купоны — это почти деньги, а деньги не выбрасывают.

Она потрясенно уставилась на человечка.

— Э-э… а что у вас для обмена?

Его ответ потонул в неожиданном приливе шума, раздавшегося у нее за спиной. Она вылетела на крыльцо и захлопнула за собой дверь, словно опуская решетку подъемного моста перед отрядом, готовым штурмовать крепость. Это немного

помогло. Он уже открывал свой… чемоданчик с образцами? Коробку со сладостями? Ремонтную мастерскую? В чемоданчике блестели и переливались предметы странной формы. Ослепленная Мэри-Элис заморгала.

— Послушайте… Клаату, Вельзевул или как вас там. Я с радостью отдам вам мой нашатырь, если он вам действительно нужен. Единственное, что мне нужно, это рубильник для отключения моих детишек, а уж это-то у вас вряд ли найдется.

Она неубедительно улыбнулась своей дежурной шутке.

Человечек ободрился.

— О! — сказал он. — Поле биостазиса! Очень легко, милая леди. Масса запасных.

Мэри-Элис застыла — а потом оттаяла и начала дрожать. Его слова, смысл которых ее перегруженный мозг не улавливал, но которые так и пульсировали таящимися в них возможностями, рисовали перед ней восхитительные картины. Она чуть было не схватила его за рукав, но в последнюю секунду удержалась, немного опасаясь, как бы он не лопнул, словно мыльный пузырь, на который он был сильно похож, не оставив после себя даже капли, отметившей его исчезновение.

— Пойдемте, — прошептала она, — пойдемте ко

мне на кухню. Смотрите под ноги…

Трое детей, прилипших к экрану (шла реклама), даже не оглянулись на них. Мэри-Элис на цыпочках прошла по усеянному осколками полу и подвинула гостю липкий стул. Он тяжело опустился на стул и благодарно улыбнулся. Хрипы его становились все более громкими.

— Милая леди, — просипел он. — Нашатырь — сейчас?

— Э-э… конечно.

Она бросилась в подвал, где нашатырь и другие моющие и чистящие средства хранились на самой верхней полке, теоретически в недоступном для шаловливых ручонок месте. Хотя после происшествия с пакетом сахарной пудры и бутылкой шампуня «Палмолив», извлеченных с верхней полки буфета, она уже не верила в то, что высота может обеспечить должную безопасность. Она вернулась наверх с двумя двухлитровыми бутылями. И, нервически улыбаясь, плюхнула одну ему на колени.

— «Блеск» вас устроит?

Продолжая отчаянно сипеть, гость кивнул и неловко открутил крышку. Из бутылки резко пахнуло нашатырем, он заморгал и улыбнулся.

— Да, — выдохнул он и слабыми, дрожащими

ручками попытался поднести бутыль ко рту. Бутыль выскользнула у него из пальцев, залив переливающуюся одежду посудомоечным составом. Нашатырь не впитался, не образовал на ткани капельки, а просто стек в грязную лужу на полу, не оставив ни следа. — Помогите… мне… — просипел гость.

Отчаянно надеясь, что не помогает ему совершить самоубийство, Мэри-Элис сунула руку в контейнер с одноразовыми стаканчиками. Пусто. Открыла посудный шкаф. Тоже пусто: все стаканы сложены с остальной посудой, покрытые засохшими остатками еды, подтеками молока и жирными отпечатками пальцев. Нет, постойте — одна посудина есть: кружка Джейни, полученная в «Макдоналдсе». Мэри-Элис испуганно оглянулась через плечо: Джейни имела привычку закатывать истерику всякий раз, когда кто-то осмеливался воспользоваться ее личной кружкой. Но ее средний ребенок по-прежнему сидел в гостиной. Мэри-Элис схватила кружку, наполнила ее жидкостью для мытья посуды и поспешно поднесла к губам гостя. Тот жадно припал к сосуду, благодарно моргая золотыми глазами. Мэри-Элис обратила внимание, что зрачки у него не круглые, а ромбовидные.

Допив нашатырь, он сел прямее, дыхание стало более чистым и ровным. Несколько минут он молча отдыхал, сидя на стуле, — видимо, восстанавливал силы. Мэри-Элис поставила вторую бутылку на пол. Спустя какое-то время она робко пододвинула ее к нему ногой.

— Так вы что-то говорили о поле стазиса? — с надеждой напомнила она.

— Поле биостазиса, — уточнил он. — Да. Всегда используется в путешествиях. Очень легко. Хотите дистанционное управление?

— Э-э… наверное.

— Хорошо. Я устрою.

Он встал на колени, снова открыл свой чемоданчик и немного в нем покопался. Прервавшись на секунду, он взял вторую бутылку, надежно завинтил крышку и отправил ее в чемоданчик. Бутылка уменьшилась в размере, расплавляясь и отодвигаясь от Мэри-Элис — но при этом не приближаясь к другим частям кухни. Она скручивалась одновременно со всех сторон. Когда бутылка уменьшилась до размера штырька, гость аккуратно убрал ее в отделение, где уже стоял длинный ряд других крошечных непонятных форм, и удовлетворенно вздохнул.

— Сколько вам нужно? — осведомился он. — Вы

зовете детей. Я устраиваю.

— Ну, это Тедди, Джейни и Брайан…

Тут ее взгляд упал на одну из кошек, которая устроилась на солнышке на кухонном столе, положив хвост на тарелку, залитую сиропом из-под оладий с кусочками бананов. Тедди вечно наливает слишком много сиропа. Материнское сердце на секунду дрогнуло при мысли о том, что она подвергнет своего первенца какой-то непонятной процедуре.

— А кошек вы устроить можете? — спросила она.

— Все могу устроить, — уверенно заявил он.

— Хорошо. Давайте начнем с этой, — указала она.

Кошку положили гостю на колени — она начала устраиваться поудобнее, дуясь, что прервали ее сон. Человечек погладил кошку и поднес к ее затылку странное устройство размером с зажигалку. Непонятный голубой луч, одновременно и прозрачный, и очень материальный, погрузился в густую черную шерсть и исчез.

— Ладно, смотрите. — Он вручил ей устройство. — Нажмите здесь.

Кошка спрыгнула на пол и презрительно потянулась. Мэри-Элис нажала. Кошка мгновенно

застыла, словно стоп-кадр, потеряла равновесие, завалилась на спину и так и осталась лежать.

— Ого! — выдохнула Мэри-Элис. — А как ее снова запустить?

— Нажмите вот тут.

Кошка возмущенно вскочила и убежала.

— Сейчас позову вторую, — радостно проговорила Мэри-Элис и включила электрический нож для консервных банок. Услышав тихое жужжание, обе кошки явились, словно по мановению волшебной палочки. Операцию тут же повторили. Мэри-Элис немного поэкспериментировала, включая и выключая кошек.

— На сколько хватит этого устройства? — спросила она. — Ну, то есть там аккумуляторы сядут или еще что-то?

— Вечно работать не будет, — ответил человечек. — Берет много энергии, не сомневайтесь. Батарейки хватит на… по вашему исчислению… — Он погрузился в мысленные подсчеты и некоторое время беззвучно шевелил губами. — На сто десять лет.

— Это ничего, — успокоила его Мэри-Элис. — Этого вполне хватит. — Она направилась к двери в гостиную. — Эй, Тедди…

Мэри-Элис усадила детей рядком на диване,

раз, два три, как китайских болванчиков. По бокам — кошек, как два упора. Последним она выключила телевизор. Тишина, благословенная тишина. Ее нарушала только тихая капель в самораз мораживающемся холодильнике.

— Вам правда пора уходить? — спросила она у человечка. — Вы же только пришли! Разве вам не нужно отдохнуть?

— Надо идти, — пожал он плечами.

— Но мой муж еще не вернулся. Он вот-вот заявится. Может, задержитесь еще на несколько минут? Ну, пожалуйста!

Человечек с сожалением покачал головой:

— Надо идти.

— Подождите. — Мэри-Элис пришла в голову одна мысль. Попробовать стоило. — Секундочку… — Она снова сбежала по ступеньками в подвал, а потом бегом вернулась с еще одной пластиковой бутылкой, украшенной красно-синей этикеткой. — А вот это вам не пригодится?

Там было только три четверти объема, но все же…

Он отвинтил крышку и понюхал. Его лицо засияло.

— О! — воскликнул он. — Выпивка!

Он вскинул бутылку хлорки одной рукой, по-

деревенски, и сделал добрый глоток.

— Ах-х-х! — Он улыбнулся и громко рыгнул. Мэри-Элис не удивилась: она вспомнила, что случилось с ее туалетом в тот раз, когда она смешала нашатырь с отбеливателем, решив одновременно вымыть и дезинфицировать унитаз. — Милая леди. Может, у меня есть еще одна-две минуты…

Они ждали. Мэри-Элис вскакивала всякий раз, когда доносился звук проезжающей машины или поблизости хлопала дверца. Несколько минут тишины — и она обрела способность думать.

— Знаете, — проговорила она еще через некоторое время, — на самом деле моего мужа отключать не надо.

— О? — отозвался человечек. — Тогда я ухожу.

— Нет, подождите! Я имела в виду — у вас в вашей волшебной шкатулке не найдется чего-то вроде… э-э… включателя?

Человечек глубокомысленно потер губы и отхлебнул еще хлорки.

— Похоже на фокальный стимулятор.

— А это что?

— Используем вместо токсичного напитка, богатого кофеином. Чтобы работать.

— Работать, а? Это, похоже, то, что нужно, — вслух подумала Мэри-Элис. — А я могу выменять

его у вас на эту бутылку хлорки?

Человечек уважительно посмотрел на бутылку и ухмыльнулся:

— Милая леди, заметано.

Мэри-Элис села и стала молиться, чтобы в видеопавильоне отключили энергию. Наконец у дома послышался знакомый шум двигателя, визг тормозов и хлопанье дверцы.

— Что это, у нас гости? — спросил Тедди-старший, входя на кухню.

— Э-э, привет, милый. Мистер… э-э… Клаату — свидетель Иеговы. У нас с ним был такой интересный разговор…

— О! — отозвался муж, и глаза у него остекленели. — Ну, не буду вам мешать.

Он включил воду и полез в шкафчик за подходящей посудой. Остановившись в конце концов на вазочке для варенья, налил себе воды. Не вставая с места, человечек навел приборчик на затылок ее мужа. Светящийся красный овал комаром прозвенел в воздухе и погрузился в кожу его шеи.

— Дорогой, не хочешь ли поесть? Ты ведь не завтракал.

— О, нет. Мы с Гарольдом заскочили в «Макдоналдс». Я взял два бигмака, картошку-фри и коктейль, так что, наверное, до обеда не проголо-

даюсь… — Он зевнул. — Последи, чтобы дети не шумели, ладно? Я попытаюсь подремать и…

Мэри-Элис нажала кнопку.

Ее муж моргнул.

— …прочищу водостоки. Надо было это сделать еще прошлой осенью, знаешь ли. Ну, нет смысла откладывать на завтра…

Он энергично прошагал к задней двери, направляясь в гараж за лестницей.

Человечек взвалил на плечо бутылку хлорки и раскланялся.

— Заходите, когда будете в наших краях, — дружелюбно пригласила его Мэри-Элис. — Только дайте знать, что собираетесь к нам, и я запасусь нашатырем и отбеливателем. Пока!

Она вздохнула и вернулась в дом. У нее самой было множество дел, но по крайней мере их количество не будет расти в четыре раза быстрее, чем она успевает справляться. Конечно, нельзя держать детей выключенными все время: если она будет чересчур себе потворствовать, то через тридцать лет, оформляя пенсию, она все еще будет иметь дома дошкольника. Но спешить некуда. Сначала она приведет в порядок кухню, потом остальные комнаты на первом этаже. А потом, может быть, присядет со стаканом хо-

лодного лимонада и послушает пластинку. Не пронзительные сварливые голоса бурундучков или смурфов, икающие в тех местах, где в бороздки пластинок набилось арахисовое масло, а свою пластинку. Например, Баха. Телевизор останется выключенным.

Тишина не была полной: через открытые полетнему окна до нее долетали негромкие шорохи с крыши. Но это не страшно. Она начала подметать пол на кухне, планируя день. Свой день.